

№1 / 2022

№1/
2022

**ВЕСТНИК
СЕКТОРА
ДРЕВНЕРУССКОГО
ИСКУССТВА**

Сектор древнерусского искусства (первоначально «Группа по изучению древнерусского искусства» в составе Института истории искусств АН СССР) был создан В.Н. Лазаревым и О.И. Подобедовой. Как самостоятельный научный отдел существует с 1963 года. На протяжении ряда лет в Секторе работали известные ученые — М.А. Ильин, Н.А. Демина, Г.Н. Бочаров, В.П. Выголов, А.И. Комеч, В.Д. Сарабьянов.

sias.ru

ГИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
ИСКУССТВОЗНАНИЯ

Г И И

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
ИСКУССТВОВЗНАНИЯ

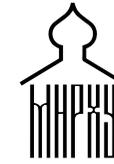
МЕЖОБЛАСТНОЕ
НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННОЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ

Посвящается памяти
Марии Владимировны
Сарабьяновой
10.12.1993–30.06.2022

State Institute
for Art Studies

Interregional Agency
for Scientific Restoration
of Works of Art

ГИИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

МЕЖОБЛАСТНОЕ
НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННОЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ

**BULLETIN
OF THE RUSSIAN
MEDIÉVAL ART
DEPARTMENT**

Journal of Medieval
Russian Art History

**ВЕСТНИК
СЕКТОРА
ДРЕВНЕРУССКОГО
ИСКУССТВА**

Журнал по истории
древнерусского искусства

No 1/
2022

№1/
2022

УДК 7.03(05)
ББК 85.1я5
В38

Ответственный редактор А.Л. Баталов

Редакционная коллегия:

профессор, доктор искусствоведения А.Л. Баталов;
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Л.А. Беляев;
доктор искусствоведения Л.И. Лифшиц;
доктор искусствоведения М.А. Орлова;
кандидат искусствоведения М.А. Маханько;
кандидат искусствоведения А.С. Преображенский;
кандидат искусствоведения И.А. Стерлигова;
кандидат искусствоведения Ю.В. Тарабарина.

Выпускающий редактор М.В. Сарабьянова

Дизайн и верстка: С.В. Силиванов

В38 Вестник Сектора древнерусского искусства. 2022. № 1 / Отв. ред. А.Л. Баталов. — М.: Государственный институт искусствознания, 2022. — 220 с.: ил. ISSN 2658-543X

© Государственный институт искусствознания, 2022
© Авторы статей, 2021

На обложке: Резной орнаментальный декор Георгиевского собора в Юрьеве-Польском
On the cover: Ornamental decoration of St. George's Cathedral in Yuryev-Polsky

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета доктор искусствоведения Л.И. Лифшиц (Москва, Россия);
доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН Г.И. Вздорнов (Москва, Россия);
доктор искусствоведения, член-корреспондент РААСН А.Ю. Казарян (Москва, Россия);
доктор искусствоведения Т.М. Кольцова (Архангельск, Россия);
кандидат искусствоведения, доцент Сейрануш Манукян (Ереван, Республика Армения);
профессор Павел Бочек (Прага, Чешская республика),
профессор Валентино Паче (Рим, Италия);
профессор, доктор искусствоведения Бисерка Д. Пенкова (София, Республика Болгария);
профессор Мария Панайотиди (Афины, Греция);
академик Амброзианской академии в Милане, профессор М.Б. Плюханова (Перуджа, Италия);
доктор искусствоведения, профессор Г.В. Попов (Москва, Россия);
доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент РАН Вл.В. Седов (Москва, Россия);
доктор искусствоведения Н.В. Сиповская (Москва, Россия);
профессор, доктор искусствоведения Э.С. Смирнова (Москва, Россия);
доцент Ставрос Мамалукос (Университет Патр, Греция);
профессор Изольда Тирет (Вашингтон, США);
профессор Бранислав Тодич (Белград, Сербия);
профессор Майкл Флайер (Гарвард, США);
доктор искусствоведения Т.Ю. Царевская (Великий Новгород, Россия);
доктор искусствоведения, профессор Левон Чугасзян (Ереван, Республика Армения).

EDITORIAL BOARD

Andrei Batalov (Moscow Kremlin Museums);
Leonid Beliaev (Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences);
Pavel Boček (Masaryk University, Czech Republic);
Levon Chugasdzian (Yerevan State University, Armenia);
Michael S. Flier (Harvard, USA);
Armen Kazarian (State Institute for Art Studies, Russia);
Tat'iana Kol'tsova (The State Museum Association "Art Culture of the Russian North", Arkhangelsk);
Lev Lifshits (State Institute for Art Studies, Russia);
Mariia Makhn'ko (Church Research Center of the Russian Orthodox Church "Orthodox Encyclopedia");
Stavros Mamaloukos (University of Patras, Greece);
Seiranush Manukian (Yerevan State University, Armenia);
Maria Orlova (State Institute for Art Studies, Russia);
Valentino Pace (Università degli Studi di Udine, Italy);
Maria Afroditi Panagiotidou (National and Kapodistrian University of Athens);
Biserka Penkova (Institute of Art Studies, Bulgarian Academy of Sciences);
Maria Plioukhanova (University of Perugia, Italy);
Gennadii Popov (The Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art);
Aleksandr Preobrazhenskii (Lomonosov Moscow State University);
Vladimir Sedov (Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences);
Natal'ia Sipovskaia (State Institute for Art Studies, Russia);
Engelina Smirnova (Lomonosov Moscow State University);
Irina Sterligova (Moscow Kremlin Museums);
Iuliia Tarabarina (State Institute for Art Studies, Russia);
Isolde Thyret (Kent State University, USA);
Branislav Todić (University of Belgrade, Serbia);
Tat'iana Tsarevskaja (State Institute for Art Studies, Veliky Novgorod);
Gerol'd Vzdornov (Russian Institute of Conservation).

СТАТЬИ / ARTICLES

В.В. Игошев

- 12** О типологии и технике изготовления древнерусских каменных раков XI–XV веков, украшенных золоченым серебром

Valeriy Igoshev

Research On Typology and Craft Techniques of Ancient Russian Stone Shrines of the 11th–15th Centuries, Decorated With Gilded Silver

Е.И. Чаморовская

- 32** Тканевые завесы в древнерусских рукописях XII–XVI веков: кодикологический и технико-технологический аспекты

Ekaterina Chamorovskaia

Textile Curtains in Russian Medieval Manuscripts of 12th–16th Centuries: Codicological, Technical and Technological Aspects

М.С. Серебрякова

- 47** Был ли Прохор Ростовский строителем Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря?

Marina Serebriakova

Was it Prokhor of Rostov who built the Assumption cathedral of Kirillo-Belozerskiy monastery?

Д.Г. Давиденко

- 77** Успенский собор Московского Кремля в пожар 1547 года

Dmitry Davidenko

Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin in the Fire of 1547

Л.В. Ковтырева

- 90** О драгоценном уборе иконы Богоматери Одигитрии (Грузинской) из Покровского монастыря Суздаля

Liudmila Kovtyreva

About the Precious Decoration of the Icon of the Mother of God Hodegetria (Georgian) From the Intercession Monastery in Suzdal

Ю.В. Устинова

- 104** «Встреча Марии и Елисаветы» в миниатюрах Лицевого сборника Чудова монастыря 1560-х годов: к проблеме интерпретации авторского замысла «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи»

Iulia Ustinova

“The Visitation of Blessed Virgin Mary” In the Illuminated Manuscript From Chudov Monastery of the 1560s: To the Problem of Interpreting the Author’s Concept of “Word on the Conception of St. John the Baptist”

И.А. Шалина

- 122** «... взят сей образ из Диких полей»: новгородская икона Николая Чудотворца из Свято-Духова монастыря и Никитская вотчина Софийского дома

Irina Shalina

“... This Image was Taken from Wild Fields”: the Novgorod Icon of St. Nicholas the Wonderworker from the Holy Spirit Monastery and the Nikitsky Patrimony of the Sophia House

С.В. Николаева

- 136** Археографическое направление в научной работе Сергиево-Посадского музея-заповедника. Из опыта публикации рукописей монастырского собрания

Svetlana Nikolaeva

Archeographic Branch in the Scientific Work of the Sergiev Posad Museum-Reserve. Publishing the Manuscripts of the Monastery Collection

А.П. Иванникова

- 148** Иконографическая программа декорации Святых врат Выгорецкой обители

Anna Ivannikova

Iconographic Program of Decorations of the Holy Gates of the Vygoretsky Monastery

Хроника реставрации / RESTORATION CHRONICLES

А.Л. Макарова, О.Е. Полушкина, В.Б. Калашиников

- 164** Хроника реставрации МНРХУ с декабря 2021 года по апрель 2022 года

Anna-Maria Makarova, Oksana Polushkina, Vladimir Kalashnikov
Restoration Chronicle. December 2021 – April 2022

Выставки / EXHIBITIONS

М.А. Маханько

- 180** Век перемен: выставка древнерусской иконописи XVII в. из собрания Константина Воронина. Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. 22 декабря 2021 — 21 февраля 2022

Maria Makhan'ko
Age of Change: Exhibition of Old Russian Icon Painting of the 17th century from the Collection of Konstantin Voronin. Andrei Rublev Central Museum of Ancient Russian Culture and Art. December 22, 2021 — February 21, 2022

Рецензии / REVIEWS

Г.П. Геров

- 183** *Маргарита Куюмджиева*. Ликът на Бога. Изображенията на Света Троица в православното изкуство. София: Институт за изследване на изкуствата БАН, 2020

Georgii Gerov
Margarita Kuyumdzhieva. *The Face of God. The Images of the Holy Trinity in Orthodox Art*. Sofia: Institute for the Study of Arts, BAS, 2020

Г.И. Вздорнов

- 188** Рецензия на книгу Т.М. Кольцовой «Церковная живопись Архангельской губернии второй половины XVIII — начала XX века»

Gerold Vzdornov
Church Painting of the Arkhangelsk Province of the Second Half of the 18th — early 20th centuries by Tatiana M. Koltsova

М.А. Маханько

- 192** Подвиг служения. К 75-летию архимандрита Макария (Веретенникова), церковного историка, богослова. Конференция 19 ноября 2021 г., Троице-Сергиева лавра

Maria Makhan'ko
The Feat of Service. To the 75th Anniversary of Archimandrite Macarius (Veretennikov), Church Historian, Theologian. Conference, November 19, 2021, Trinity-Sergius Lavra

М.А. Маханько

- 193** Международная научно-практическая конференция «Чудотворный Казанский образ Богородицы в судьбах России и мировой цивилизации» 18–20 июля 2021

Maria Makhan'ko
International Scientific and Practical Conference *The Miraculous Image of the Kazan Mother of God in the Destinies of Russia and World Civilization*, July 18–20, 2021

Дискуссии / DISCUSSIONS

А.В. Яганов, Е.И. Рузаева

- 198** *Иоаннисян О.М.* Вновь о древнейших храмах Спасского монастыря в Ярославле // *Δωρεά: К 90-летию Энгелины Сергеевны Смирновой: сб. ст. / Отв. ред. М.А. Орлова*. М.: Государственный институт искусствознания, 2022. С. 152–163

Andrei Iaganov, Ekaterina Ruzaeva
Ioannisyan O.M. Once again on the Most Ancient Temples of the Spassky Monastery in Yaroslavl // *Δωρεά: On the 90th Anniversary of Engelina Sergeevna Smirnova: a Collection of Articles*. Moscow, State Institute of Art Studies, 2022, pp. 152–163

- 214** Памяти Марии Владимировны Сарабьяновой

СТАТЪИ

О типологии и технике изготовления древнерусских каменных рак XI–XV веков, украшенных золоченым серебром

© 2022

УДК 745:27-523"10-14"
ББК 85.12(2)
И26

Поступила в редакцию 22.04.2022

На протяжении многих столетий погребение мучеников и подвижников было для христиан памятным событием, связанным с прославлением, местным почитанием и общей канонизацией святого, поэтому раки с мощами чудотворцев, к которым обращались за помощью в исцелении, защите от врагов, становились объектом паломничества верующих.

Летописи, житийная литература и другие источники указывают, что русские каменные раки домонгольского периода «оковывались золотом и серебром», а горельефные изображения и лики святых на крышках рак были «серебряными» или «золотыми». До настоящего времени практически не изучены типология, техника изготовления и способ крепления драгоценного декора на древнерусских каменных раках XI–XV вв.¹ Убранство древнерусских каменных рак не сохранилось до нашего времени, золотые и серебряные оклады расхищали во время вражеских набегов и войн, они гибли в огне пожаров. Нашей задачей является изучение особенностей конструкции и декора рак, техники изготовления и крепления окладов.

О форме древнерусских и византийских рак свидетельствует этимология слова «рака» (от латинского *arca* — гроб, ящик, ларь, ларец, сундук), означающего саркофаг, склеп, гробницу, надгробницу. Древнерусские раки неизменно сохраняют форму гроба — удлиненного в меру роста святого — четырехугольного ковчега с плоской, двухскатной или четырехскатной крышкой, нередко декорированного орнаментом, надписями, изображениями святых. Проявлением наивысшей степени почитания святого являлось создание и утверждение

¹ В отличие от ранних каменных рак, до нашего времени дошли драгоценные оклады на древнерусских раках XVI–XVII вв., в основе которых — деревянная конструкция, к которой серебряные оклады крепились на гвоздях.

его иконного образа, запечатленного на верхней крышке раки и на надгробном покрове. Раки изготавливали из камня, дерева, металла, они были как богато украшенными, так и более простыми, лишенными богатого декора, с мощами или без мощей. Последние назывались кенотаф (греч. *κενотаφίον*, от *κενός* — пустой и *τάφος* — могила).

В письменных источниках при описании и упоминании больших каменных и деревянных рак говорится, что они были «окованы» золотом или серебром, там встречаются однокоренные или близкие по смыслу слова, обозначающие технику изготовления таких драгоценных окладов: «кование», «окование», «исковав», «коующе», «расклепав», «покова», «окова», «скова», «прокова». Мастеров-торевтов называли «ковачи», «кузнецы», «коузниче среброу», «среброделательници», «златареве». Все это позволяет сделать вывод, что золотые и серебряные оклады изготавливались из тонких пластин металла, преимущественно, в техникековки², выколотки³ и чеканки⁴, являющимися традиционными и наиболее широко распространенными технологическими приемами изготовления драгоценных предметов византийскими, западноевропейскими и древнерусскими мастерами XI–XV вв. Следует отметить, что схожие по звучанию слова «ковать» и «ковчег», означают технику изготовления и форму (тип) предмета⁵.

Средневековые ремесленники часто оковывали металлом деревянные (дубовые) двери, ворота, сундуки, шкатулки, что было необходимо для укрепления деревянных конструкций этих предметов, однако оковывание каменных рак драгоценным металлом имело не столько эстетический, сколько сакральный смысл. Украшение рак, надгробных комплексов и ковчег-мощевиков «нетленным», не разрушающимся от времени золотом или золоченым серебром, «поставление» их в храме восходит к византийскому представлению о святых и святых образах, наполненных божественным светом, где золото — драгоценный «вечный» металл не поддающийся коррозии и тлену, олицетворял яркий внеземной свет вечности. Идея нетленности останков святых мучеников, воспринятая из Византии, воплощалась на Руси в создании драгоценных рак с образом святого, сцен из его жития и другими священными изображениями.

- ² Золотые, серебряные или медные слитки расковывались на наковальне стальным молотом, при этом металл становился жестким и ломким. Для придания пластичности слитки периодически нагревались (отжигались) до темно-красного цвета на древесных горячих углях.
- ³ Выколотка — от слова «выколачивать» и диффовка (посадка) — относятся к древнейшим традиционным техникам изготовления пустотелых предметов или сосудов из пластин золота, серебра и других металлов.
- ⁴ Рельефная чеканка по тонкому серебряному листу основана на пластичности металла — способности растягиваться при ударе чеканами и молотками на специально подготовленной подложке — как правило, на смоляной мастике с наполнителем.
- ⁵ Кроме кованых металлических предметов прямоугольную форму ковчега имели также вырезанные заглабления в центральной части на лицевой поверхности деревянной иконы (с косыми стенками — лузгой).

1

2

3

- ил.1** Серебряный реликварий с мощами св. Димитрия из Хаберштадского собора. Византия, XI в.
fig.1 Silver reliquary with the relics of St. Demetrius from Haberstadt Cathedral. Byzantium, 11th century
- ил.2** Серебряный реликварий с мощами св. Димитрия из Ватопедского монастыря на Афоне Византия, XII в.
fig.2 Silver reliquary with the relics of St. Demetrius from the Vatopedi Monastery on Mount Athos. Byzantium, 12th century
- ил.3** Переносной алтарь. Лотарингия, 1145. ГЭ
fig.3 Portable altar. Lorraine, 1145. State Hermitage

С византийской традицией украшения рак и других святынь кованым драгоценным металлом связана также этимология древнерусского слова «оклад», происходящего — от глагола «окладати», «окладывать». Слова «оклад», «окладывать» (серебром, золотом) близки по своему смыслу и означают изготовление и украшение предмета тонко прокованными золотыми или позолоченными пластинами.

С целью прославления и почитания усопших в храмах драгоценным металлом украшались и окружавшие раки кивории («шатры», «надгробные сени», «теремы серебряные», «теремцы каменные», «теремцы красны на столпцах»), ажурные ограды, напольные светильники («свечи велики»). Драгоценными окладами или их деталями — «звездами», венцами украшали княжеские усыпальницы — своды и стены аркосолий («комары») и стены храмов с росписью. Над раками зажигали подвесные хрустальные или стеклянные лампадки, свечи, на крышку саркофага полагали шитый надгробный покров с образом святого и другие надгробные ткани, а при поминальной службе ставили золоченые серебряные блюда или братины с медом и кутьей.

В древнерусских храмах, так же как и в византийских, для хранения частиц мощей использовались «малые раки», сделанные в виде небольших серебряных ковчегов-мощевиков, прямоугольных в плане с крышкой, которые именовались «рака для святых мощей», «рачица», «ковчег», «ковчежец», «ларец с мощами» и др. «Малые раки», изготовленные византийскими и западноевропейскими ювелирами, часто повторяли форму архитектурных сооружений или больших саркофагов. К таким предметам относятся византийские серебряные прямоугольные в плане ковчежцы, которые являлись уменьшенной копией или моделью крупных рак. В Музее Хальберштадского собора в Саксонии хранится серебряный ковчежец XI в. с чеканным изображением св. Димитрия на крышке, с черневыми надписями на стенках (размер: 10 × 6 × 3 см) [The function of text, 2016. P.212] [ил.1]. Аналогичный ковчег-реликварий константинопольской работы XII в. с чеканным рельефным изображением св. Димитрия Солунского в рост на крышке и сцен из его жития на боковых стенках сохранился в Ватопедском монастыре на Афоне (размер: 11,7 × 6,5 × 6,5 см) [The function of text, 2016. P.243] [ил.2]. Эти миниатюрные ковчежцы с уплощенными четырехскатными крышками, а также несколько других аналогичных реликвариев копируют утраченную большую раку св. Димитрия Солунского, которая находилась над полом внутри кивория⁶, поставленного в ранневизантийской базилике Св. Димитрия в Фессалониках, а под ракой «под спудом» в другом саркофаге находились мощи св. Димитрия Солунского [Стерлигова, 1997. С. 262–265].

Мощи заключались также в западноевропейские переносные алтари XI–XIII вв., сделанные в виде прямоугольных деревянных коробок, обитых серебряными золочеными окладами, с каменной плоской плитой сверху [ил.3].

⁶ Киворий с ракой св. Димитрия воспроизводил уникальный миниатюрный серебряный шестигранный ковчежец X в. с граненым шатровым верхом, сохранившийся в Музее Московского Кремля [Стерлигова, 1997. С. 263].

4

6

5

ил.4 Мраморный саркофаг Ярослава Мудрого в Софийском соборе в Киеве Византия, VI–VII вв.

fig.4 Marble sarcophagus of Yaroslav the Wise in St. Sophia Cathedral in Kyiv Byzantium, 6th–7th centuries

ил.5 Серебряный реликварий. Византия, около 550. ГЭ

fig.5 Silver reliquary. Byzantium, around 550. State Hermitage

ил.6 Серебряная рака из храма Св. Симеона в Задаре (Хорватия). 1377–1380 Мастер Франциск из Милана

fig.6 Silver shrine from the church of St. Simeon in Zadar (Croatia) 1377–1380. Master Francis of Milan

С XI в. с принятием христианства на Руси по примеру Византии распространился обычай захоронения в каменных раках, имеющих форму ящика, прямоугольного в плане, с двускатной или четырехскатной, высокой или уплощенной кровлей. Древнейшие «раки мраморные», поставленные в храмах Древней Руси, были привозные, они отмечались в летописях: в 1078 г. «И принесше положиша тело его [Изяслава] в церкви святыя Богородица [Десятинной], вложивше и в раку мраморяну». В 1054 г. «Ярославу же приспе конец житья [...] и принесшее положиша и, в раце мороморяне, в церкви святое Софье» [Повесть временных лет, 1950. С.133]. Упомянутая в летописи «рака» — это саркофаг Ярослава Мудрого, поставленный в 1054 г. в Софийском соборе в Киеве в восточном торце северной внутренней галереи с крышкой в виде двускатной «кровли» с четырьмя остроконечными «шипами» по углам и с резным рельефным декором, повторяющим мотивы раннехристианских образцов VI–VII вв. [ил.4]. Форма этого мраморного саркофага схожа с миниатюрным серебряным реликварием из Эрмитажа, изготовленного при императоре Юстиниане около 550 г. в виде шкатулки (размером: 13 × 11 × 8,5 см) с двускатной кровлей и с чеканными священными изображениями [ил.5] [Банк, 1966. С.288, ил.80–82].

Белокаменные прямоугольные монолитные саркофаги Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. высекались из местной породы камня, который использовался при строительстве храмов и, как правило, устанавливались в аркосолиях («комарах») храмов с полуциркулярной аркой. Раки имели слабовыраженный трапецевидный характер в плане вертикальные тонкие борта, а сверху закрыты каменными двускатными крышками с пологими скатами (многие крышки утрачены). Такие саркофаги, вероятно, являются подражанием цельным мраморным и шиферным ракам византийского типа [Седов, 2019. С.301–302]. Формы и декор белокаменных рак и надгробных плит христианских некрополей на Руси XIII–XVI вв. наиболее близки художественной традиции конфессионально близких каменных надгробных памятников раннехристианских, романских и византийских [Беляев, 1996. С.96, 154, 158].

Крупные и «малые раки» XII–XIV вв. работы западноевропейских мастеров выполнены в виде романских базилик с высокими двускатными крышками. Такие предметы нередко имели деревянный каркас и обивались богато декорированными тонкими золочеными серебряными или медными пластинами. К подобным памятникам относится рака св. Симеона в Задаре (Хорватия), изготовленная в 1377–1380 гг., в виде прямоугольного в плане ковчега (размером 197 × 80 × 110 см) с двускатной «кровлей» с ажурным гребнем [ил.6]. Рака сделана из кедровых досок и обложена серебряными золочеными пластинами ювелиром Франциском из Милана [Der Gold und Silberschats, 1972. S.175–179]. Схожую форму имели лиможские ковчеги-мощевики XII–XIII вв., сделанные в виде деревянных коробок с крышками в форме высокой двускатной «кровли». На стенках и крышке этих ковчегов на гвоздиках с полукруглыми шляпками крепятся золоченые медные пластины, декорированные гравированными,

ил.7 Медный позолоченный ковчег-мощевик. Лимож, начало XIII в. ГЭ
fig.7 Copper gilded reliquary. Limoges, early 13th century. State Hermitage

священными изображениями, орнаментом, непрозрачной эмалью, мелкими накладными литыми деталями в виде ликов святых⁷ [ил. 7].

Согласно византийской традиции, в странах христианского мира мощи почитаемых святых хранились в закрытых раках или ковчегах-мощевиках. В праздники крышки рак снимали для обозрения и поклонения мощам. Для Десятинной церкви Пресвятой Богородицы в Киеве в 1007 г. князем Владимиром, который «зело украси ю иконами и книгами и велми лепотами церковными», устроена небольшая каменная рака «с оконцем» для мощей святой княгини Ольги. Об этой утраченной раке⁸ говорится в «Житии Великой княгини Ольги»: «... в гробе камене мале; и на верху гроба того честнаго оконце сътвориша: и туде видять блаженна тело лежащее цело и тлению непричастно, но светяшеся яко солнце. А иже кто приидеть съ верою ко гробу святыя: и оконце оно, иже на гробе святыя, само о себе отверзется, и видять честное тело и мнози приемлють исцеление неоскудно, а другим, иже не съ верою приходящим к честному ковчегу святыя, не отворится оконце гробное и не видять святаго и честнаго ея тела, но токмо гробъ видяжу святыя» [Голубинский, 1903. С. 57; Макарий, архиеп., 1868. С. 277–278].

7 Аналогичные лиможские ковчегу XII–XIII вв. имеются в собрании Гос. Эрмитажа [Некрасова, 2009].

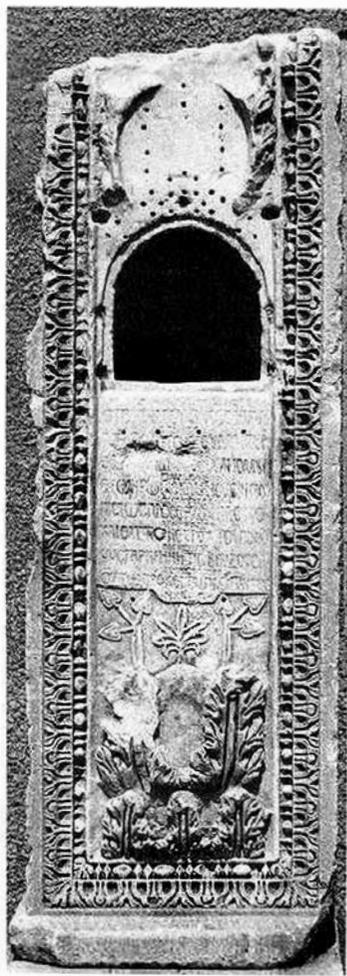
8 Каменная рака св. Ольги утрачена в 1240 г. во время нашествия войск хана Батыя, тогда же разрушена и Десятинная церковь в Киеве.

Образцом при создании раки св. Ольги в начале XI в. могли послужить каменные раки с открывающимися «оконцами», созданные византийскими мастерами, выполнявшими заказы киевских князей. В Никоновской летописи говорится, что в 991 г. к князю Владимиру в Киев «придоша изъ Грек [...] каменосечци и зиздате ле полать каменныхъ» [ПСРЛ. Т. 9. 1862. С. 64]. Вероятно, утраченная каменная рака княгини Ольги имела сходство с мраморной стеллой-мощевиком св. Гликерии (размером 200 × 67 × 41 см) византийской работы IX–X вв. из Музея археологии и этнографии в Турции [ил. 8], на ее лицевой стороне имеется «оконце» в виде полуциркулярной арки и надпись: «Этот прекрасный камень скрывает как гроб божественную главу чудотворной мученицы Гликерии, которая источает поток чудес, от которого много силы исходит к страждущим» [The function of text, 2016. P. 286]. На месте «оконца» на монолитной мраморной стеле вырезана небольшая полость в форме миниатюрного аркосолия с полуциркулярным верхом для главы святой, со следами крепления серебряной (?) «дверцы». Утраченная «дверца», закрепленная к камню на штифтах, должна скрывать святыню — главу св. Гликерии как крышка каменного гроба, что и указано в надписи. Форма и декор этой стелы повторяет формы и декор византийских каменных рак с резным орнаментом.

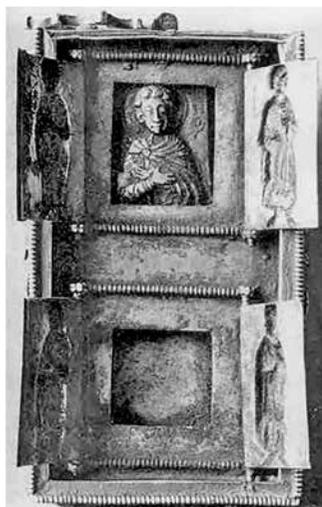
Примерами рак с открывающимися «оконцами» на верхней крышке, являются аналогичные серебряные реликварии святого Димитрия в виде прямоугольных в плане коробочек с уплощенной четырехскатной кровлей работы византийских мастеров XI–XII вв.⁹ [ил. 1, 2]. На каждом из этих ковчегу-мощевиков под крышкой с чеканным изображением св. Димитрия имеется гладкая пластина с двумя прорезными квадратными «оконцами» с открывающимися парными створками [ил. 9]. Эти аналогичные парные «оконца» на реликвариях олицетворяют гроб Господень и Воскресение Христово. В одном «оконце» на каждой «малой раке» мы видим погребенное тело св. Димитрия (поясное чеканное изображение), а в другом «оконце» — «гроб» пустой, что должно свидетельствовать о его воскресении.

Кроме того, два «оконца» символически могут быть связаны с тем, что в базилике Св. Димитрия в Фессалониках над полом в кивории имелась пустая рака св. Димитрия Солунского, а под полом «под спудом» находился особый саркофаг с мощами святого [Стерлигова, 1997. С. 263]. Сохранившиеся аналогичные серебряные ковчегуцы с двойной крышкой, вероятно, олицетворяют утраченные святыни — кенотаф и раку с нетленным телом святого. На серебряных ковчегуцах из Хальберштадского собора, Ватопедского монастыря [The function of text, 2016. P. 163, 172, 174] и на других аналогичных миниатюрных ковчегуцах-мощевиках имеются эпитафии, подтверждающие их сакральное назначение, связанное с реликвиями Димитрия Солунского и с верой в Воскресение.

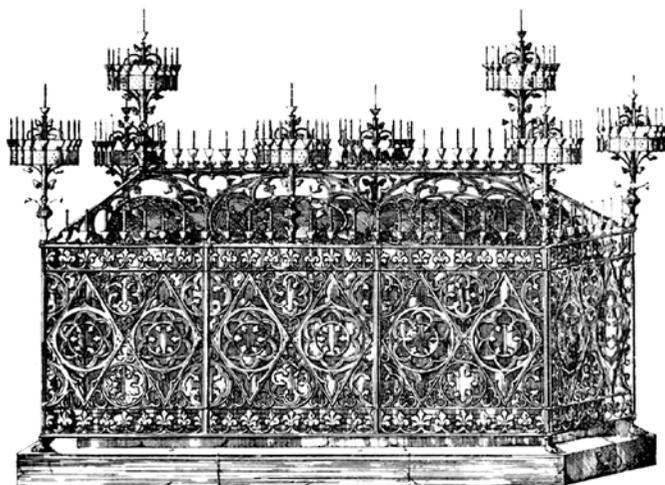
9 В настоящее время сохранилось несколько миниатюрных аналогичных серебряных реликвариев с чеканным изображением св. Димитрия, копирующих саркофаг святого (кено-таф), который находился в кивории над полом в базилике Св. Димитрия в Фессалониках [Стерлигова, 1997. С. 260–263; The function of text, 2016. P. 212, 231, 243].

8

9

10

ил.8 Мраморная стела-реликвиарий. Византия, IX–X вв. Музей археологии и этнографии, Турция
fig.8 Marble stele-reliquary. Byzantium, 9th–10th centuries. Museum of Archeology and Ethnography, Turkey

ил.9 Прорезные «оконца» на серебряном реликвиарии с мощами св. Димитрия из Ватопедского монастыря на Афоне. Византия, XII в.

fig.9 Carved “windows” on a silver reliquary with the relics of St. Demetrius from the Vatopedi Monastery on Mount Athos. Byzantium, 12th century

ил.10 Изображение копии раки св. Женеьевы с кованой оградой со светильниками XIX в. Гравюра

fig.10 Image of a copy of the shrine of St. Genevieve with a forged fence with lamps 19th century. Engraving

Такая символика парных «оконцев» на серебряных ковчезцах св. Димитрия отличается от символического толкования «гробного оконца» каменной раки св. Ольги, которое открывается для обозрения мощей святой «иже кто придет съ верою ко гробу», а тем, кто «не с верою» приходит, «не отворится оконце гробное и не видятъ святого и честнаго ея тела».

Создание рак с «оконцем» или с несколькими «оконцами», вероятно, связано с почитанием Гроба Господня и было известно на Руси благодаря изображениям, приносимым из Святой земли; они воспроизводили оформление важнейшей иерусалимской святыни¹⁰ — «доски» с тремя отверстиями для прикосновения к реликвии, описанными в «Хождении игумена Даниила»: «суть на стране проделана оконца 3 кругла и теми оконци видятся святыи ть камень и туде целуютъ вси христиане» [Книга хождений, 1984. С. 33]. Образ Гроба Господня оказал значительное влияние на типологию каменных саркофагов с резными кругами на стенках [Беляев, 1996. С. 74–97]. Подобные три «оконца» отражены в декоре каменных и серебряных рак, а также ковчеггов-мощевиков еще в раннехристианский период [ил. 5]. Квадратные или прямоугольные «оконца» вырезались также на тыльных стенках каменных престолов с мощами святых в VIII–XII вв.¹¹

Украшение рак и надгробных комплексов золоченым серебром получило распространение на Руси с XI в. В 1072 г. мощи первых русских святых мучеников Бориса и Глеба из старой Борисоглебской церкви были перенесены в новую деревянную, построенную князем Изяславом Ярославовичем в Вышгороде¹². Мощи Бориса переносили в деревянной раке, затем «вложиша и в раку камену», а мощи Глеба перевозились на санях в каменной раке [Повесть временных лет, 1950. С. 121]. А в 1115 г. состоялось второе перенесение мощей святых князей Бориса и Глеба, находившихся в двух каменных раках, которые из деревянной церкви доставлены в каменный храм в Вышгороде: «внесли въ церковь и поставиша раку [Бориса] среде церкви, и идоша по Глеба» [Повесть временных лет, 1950. С. 199]. Между князьями Давидом и Олегом Святославичами и Владимиром Мономахом возник спор при определении места установки рак — «среди церкви», где «терем [киворий. — В.И.] серебрян поставити», или на правой стороне в аркосолии («комаре»). Жребий

10 К таким, например, можно отнести каменные образки «Жены-мироносицы у Гроба Господня» новгородской работы XIV–XV вв. [Беляев, 1996. С. 183–210].

11 Например, квадратное «оконце» вырезано на тыльной боковой стенке мраморного алтаря 737–744 гг., сохранившегося в Национальном археологическом музее (Чивидале-дель-Фриули) в Италии. По сторонам «оконца» — резные изображения парных четырехконечных крестов. Следы от шарниров позволяют предположить, что ранее здесь имела металлическая дверца. «Оконце» прямоугольной формы с металлической дверцей имеется на задней стенке второго алтаря, сделанного из известняка в 1120 г. для церкви Сент-Мари Авенса (Франция) [Didier Méhu, 2013. P. 17–18].

12 Подробно о переносе мощей Бориса и Глеба и о сложном политическом противостоянии русских князей изложено в статье В.А. Кучкина, однако автором не были затронуты вопросы типологии и техники изготовления рак [Кучкин, 2020. С. 6–12].

определил желание Давида и Олега Святославичей установить раки Бориса и Глеба на правой стороне в аркосолии («комаре») с полуциркулярной аркой. Согласно летописи, Владимир Мономах украсил каменные раки святых мучеников, а также свод аркосолия над раками тонко прокованными позолоченными серебряными пластинами: «Володимер же окова раце сребромъ и златомъ и украси гроба ею, тако же и комаре покова сребромъ и златомъ» [Повесть временных лет, 1950. С. 200].

Более подробно об этом говорится в «Успенском сборнике» конца XII — начала XIII в.: Владимир Мономах «умысли сътворити» и оковать серебром и золотом святые каменные раки, с этой целью он, придя в храм ночью, сделал замеры каменных рак — «примери гроба», затем «расклепавъ же дъскы сребряныя и позолотивъ и паки тако же пришедь нощию и обложивъ окова чудодейная и достохвальная с[вя]тая гроба страсотерпъцю Х[ристо]воу м[у]ч[е]н[и]коу Бориса и Глеба». Затем работы были продолжены — раки Бориса и Глеба, ограда и пространство аркосолия украшено золочеными серебряными пластинами, подвесками с хрустальями, светильниками со свечами: «... а последи по пренесении множайша съдела надъ с[вя]тыима гробама исковавъ бо сребрьныя дъскы и с[вя]тыя по нимъ издражавъ и позолотивъ покова вор [ограду — В.И.] же сребрьмъ и золотъмъ с хроустальными великими разнизании¹³ устрои имоушь връхоу по обилоу злато светильна позолочена и на нихъ свеще горяще оустрои въ иноу и тако оукраси добре яко не могоу съказати оного ухыщрения по достоянию довьльне яко многомъ приходящемъ и от Грькъ и от инехъ же зем[е]ль и гл[агола]ти: «никде же сицея красоты несть, а и многих с[вя]тых раки видели есмы» [Успенский сборник, 1971. С. 68–69]. В приведенном тексте представлены этапы создания Владимиром Мономахом в 1115 г. роскошного надгробного комплекса святым князьям Борису и Глебу — от замысла, замеров двух рак, и до воплощения, где Мономах выступает в роли ктитора, идеолога и организатора всех работ. Особенно примечательны слова летописца о красоте и особой значимости «чудодейных и достохвальных» сверкающих золотом святых рак, ограды и светильников, которыми восхищались люди, приходящие «от Грек и от иных земель».

В работах исследователей можно встретить мнение, что раки Бориса и Глеба были поставлены в кивории¹⁴. О кивории и его форме писал Н.Н. Воронин при изучении текста «Жития Бориса и Глеба»: «каков был этот терем — разъясняет тот же источник: „[Владимир] над святыма гробом исковав бо сребрьныя дъскы...“, а „Искование серебряных досок“, указывает на граненую форму „терема“, украшенного по граням чеканными или рельефными изо-

13 «Разнизании» — «разнизано» — низанное украшение, подвеска [Срезневский, 1903. Ст. 49].

14 В.Г. Пуцко пришел к выводу, что Мономах «приготовил... „терем серебрян“», но «описание драгоценного оформления рак» не помогает установить «напоминало ли оно киворий в базилике Св. Димитрия в Фессалониках, или же оказывалось ближе к западноевропейским ракам мощей святых, известным с X в.» [Пуцко, 2018. С. 143].

бражениями Бориса и Глеба. Безусловно, этот „терем“ имел форму шатра» [Воронин, 1961. С. 256].

Однако текст летописи не содержит никаких сведений о кивории («тереме») и гранях шатра с чеканными изображениями святых. Здесь сказано другое: «Исковавъ¹⁵ бо сребрьныя дъскы и святыя по нимъ издражавъ¹⁶ и позолотивъ...» означает, что мастера проковали массивные серебряные бруски, сделали на них изображения святых и позолотили. Вероятно, чеканные рельефные изображения святых Бориса и Глеба были сделаны на крышках каменных рак.

Следует отметить, что первоначальный замысел Владимира Мономаха установить раки Бориса и Глеба «среди церкви» и над ними «терем серебрян поставити» не состоялся, поскольку по жребию раки были поставлены на правой стороне храма в аркосолии («и поставиша я в комару тою, на десней стране, где ныне лежита») [Повесть временных лет, 1950. С. 199–200]. Поэтому был воплощен другой замысел — украшение каменных рак золоченым серебром и ажурной ковanej оградой («вором»), с хрустальями, подвесками, позолоченными подсвечниками со свечами, закрепленными на ограде¹⁷, а свод аркосолия (в «комаре») был украшен золоченым серебром: «имушь връху по обилу злато». Ажурная ковanej ограда рак Бориса и Глеба, вероятно, была схожа с оградой раки святой Женевьевы, которая сохранилась до нашего времени в виде копии [ил. 10].

Можно предположить, что золоченым серебром были украшены не только каменные раки, но и стены и свод аркосолия, подобно тому, как было украшено внутреннее пространство Боголюбского собора: «... Издну церкви от верха и до долу, и по стенамъ, и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье цркви златомъ же ковано и бьашеть же и сень златом оукрашена» [ПСРЛ. Т. 2. 1908. С. 581]. Поэтому нам представляется возможным украшение пространства в нише над каменными раками святых Бориса и Глеба, когда серебряные золоченые пластины могли крепиться на ажурной решетке вокруг рак, а также прибиваться гвоздиками на стенах и своде аркосолия.

В арочных нишах древнерусских храмов в местах захоронений князей в конце XI — XII в. имелись фресковые изображения, связанные с личностью

15 «Исковав», «ковка» — происходит от древнерусского «ковати» и является самым первым этапом изготовления предметов из металла. Массивные серебряные слитки или «доски» обрабатывались частыми ударами молота на наковальне для получения тонких серебряных пластин, необходимых для украшения рак и ограды. Подробнее о техникековки и серебряных слитках см.: [Игошев, 2020. С. 143–144].

16 Глагол «издражав» наиболее близок слову — «държание», то есть — действие [Словарь древнерусского языка, 1990. Т. 3. С. 138]. Таким образом, фразу можно прочитать: «Исковав серебряные доски и святых по ним сделал (изобразив) и позолотив, покова ограду...»

17 По мнению И.А. Стерлиговой, в верхней части «вора» могли быть устроены светильники в виде чаш, схожие со светильниками на серебряном ковчежце-мошевице X в. из Музеев Московского Кремля [Стерлигова, 1997. С. 265].

погребенного [Ермонская, Нетунахина, Попова, 1978. С. 21]. Фресковые росписи с живописными изображением фигур святых могли сочетаться с золочеными серебряными венцами и «звездами»¹⁸. Подобные «звезды золотые» на небесно голубом живописном фоне отмечены в Ипатьевской летописи в 1259 г., где указано, что в своде алтаря в церкви Св. Иоанна, построенной князем Даниилом, «верхъ оукрашен звездами златыми на лазуре» [ПСРЛ. Т. 2. 1908. С. 843].

Практика украшения (оковывания) каменных раков святых мучеников и чудотворцев, привнесенная из Византии, была широко распространена на Руси в домонгольский период, что отразилось в письменных источниках. В Повести временных лет говорится о создании каменной раки прп. Феодосию Печерскому в Печерской Успенской церкви в 1091 г., о молении и заступничестве за людей преподобного: «... и по отшествии твоём от сея жизни молишися за люди верныя и за своя ученики, иже, взирающе на раку твою, поминают ученье твое и въздержанье твое...» [Повесть временных лет, 1950. С. 140]. А спустя 50 лет после обретения и перенесения мощей прп. Феодосия тысяцкий Георгий — сын варяжского князя Шимона (Симона) послал из Суздаля золото и серебро для «окования» «каменного гроба» прп. Феодосия: «Въсхоте убо сий Симонови оковати гроб святаго Феодосиа, еже и сътвори. Посла едного от бояръ своих, сущих под ним, именем Василя, и сему вдасть Георгий 500 гривен серебра и 50 гривен злата» [Голубинский, 1903. С. 55; Древнерусские патерики, 1999. С. 10]. Богато украшенная каменная рака с мощами прп. Феодосия, поставленная на правой стороне («десней стране») Успенской церкви, не сохранилась, она была утрачена в монгольское нашествие.

По сведениям «Жития» Леонтия Ростовского его гроб с мощами был обнаружен при рытье рвов для фундамента при строительстве каменного Успенского собора в Ростове, освященного в 1162 г.¹⁹ Для обретенных мощей святого Леонтия князь Андрей Боголюбский прислал «гроб камен», поставленный на правой стороне в аркосолии²⁰, свода которого были украшены орнаментальной фресковой росписью, а у раки были установлены белокаменные пьедесталы, предназначенные для «свещей великих», устроенных князем Андреем [Воронин, 1963. С. 27]. Каменная рака сохранилась в Музее-заповеднике «Ростовский Кремль» в полуразрушенном состоянии, фронтальная стенка саркофага украшена резьбой из зигзагообразных полос, с кругами, разделенными вертикальными зигзагообразными полосами. На саркофаге имеются следы огня и потеки расплавленного металла [Воронин, 1961. С. 190]. Богатое

- 18 Подтверждением этому являются найденные археологами в Боголюбском соборе золоченые детали медного оклада — четырехконечная «звездочка» и фрагмент иконного венца с растительным орнаментом, крепящиеся на гвоздиках к стене храма или к своду аркосолия, поскольку на гвоздиках на одной найденной «звездочке» имеется «кусочек известкового раствора» [Воронин, 1961. С. 225. Рис. 102].
- 19 Повторное освящение ростовского Успенского собора состоялось в 1231 г., который начали строить заново в 1213 г. после обрушения прежнего храма в 1204 г., «причем строительство в соборе не мешало совершать погребения» [Корогодина, 2021. С. 142].
- 20 Глубина аркосолия (75 см), что связано с шириной раки (66 см).

убранство раки было уничтожено пожаром 1408 г., когда Успенский собор «погоре со всем укрошением, и иконы и книги многия старинныя, и сосуды золотые и серебряные и каменные драгоценные и священные облачения, и жемчуги; камение от пожара того распадошася и верх церковный провалися...» [Летописец, 1890. С. 7].

Можно предположить, что в первой половине XV в. после пожара 1408 г. каменная рака святого Леонтия была вновь богато украшена, а на крышке сделан золотой оклад с горельефным чеканным образом Леонтия Ростовского. В Смутное время в 1608 г. роскошный чеканный оклад с образом Леонтия Ростовского был утрачен при разграблении литовскими отрядами Успенского собора в Ростове. Об этом имеются сведения очевидцев и участников истребления ростовских святых: «Церковную казну — золото, серебро, жемчуг и другие ювелирные изделия — разграбили. В числе других был там один замечательный предмет, сделанный из чистого золота (называется это ракови чудотворца), который семь с половиной пудов весил, а пуд заключает в себе 20 фунтов. Также серебряный гроб, золото и серебро, на иконах найдя их великое множество — все это взяли» [Дневник Марины Мнишек, 1995. С. 127–128]. «Золотое изваяние св. Леонтия, доставшееся Сапеге, а от него подаренное Марине [Мнишек], русские ценили в 50 т[ысяч] тогдашних рублей. Вероятно, это была крышка с той же золотой раки, с рельефным на ней изображением святителя» [Толстой, 1860. С. 42]. Об этом же говорится в летописи: «раку же чудотворцову Леонтьеву златую сняша и разсекоша по жеребьём, казну жь церковную всю, а Митрополичью градскую пограбиша, и церкви Божия разориша» [ПСРЛ. Т. 14. 1910. С. 83].

Драгоценный оклад имелся и на раке новгородского чудотворца Варлаама Хутынского. Местное почитание Варлаама Хутынского (год смерти — 1193 г. или 1197 г.) началось с XIII в., а с 1461 г. он признан покровителем московского великокняжеского двора. С 1547 г. введено общецерковное почитание святого, а незадолго до этого, в 1445 г., был построен и освящен каменный собор Спасо-Хутынского монастыря. Возможно, в этот период — в середине XV в. была украшена серебром каменная рака для мощей чудотворца, упомянутая в летописи в 1471 г., когда великий князь Иван III, «ходил походом» на Новгород и в Хутынском монастыре «... целова образ на чудотворцове гробе, в серебре изваян», затем пожелав открыть его мощи, Иван III приказал игумену Нафанилу «скривати дску каменную от гроба чудотворца» [ПСРЛ. Т. 3. 1841. С. 241–242]. Можно предположить, что в тексте говорится о «каменной доске», являющейся частью каменного «гроба чудотворца»²¹, на которой был «в серебре изваян», то есть сделан²², образ Валаама Хутынского. В 1540 г. в монастыре был пожар в соборе «на правой стране у чудотворцова гроба; и погореша иконы со всем

- 21 В летописях и других письменных источниках нередко «каменным гробом» называли раки или саркофаги.
- 22 Древнерусское слово «изваяние» — это действие, а глагол «изваяти» — сделать, обработать [Словарь древнерусского языка. Т. 3. 1990. С. 467–468].

узорочьем до царских дверей, и чудотворцев гроб огоре, посох же его тростной тут же у гроба не сгоре» [ПСРЛ. Т. 3. 1841. С. 241–242, 249].

После пожара на раку был сделан другой оклад, утраченный при разграблении Новгорода в 1611 г.²³ Из текста летописей мы не можем точно установить, в какой технике выполнен серебряный образ Варлаама Хутынского на «каменной доске от гроба чудотворца». Можно предположить, что на каменной крышке саркофага был закреплен высокорельефный чеканный скульптурный образ святого в рост, схожий с чеканными горельефными изображениями святых на древнерусских раках XVI–XVII вв. Несомненно, отдельные отрывочные сведения из письменных источников утраченных памятников значительно затрудняют наше исследование, которое нуждается в продолжении.

Итак, нами выделено несколько возможных способов крепления окладов древнерусских каменных рак XI–XV вв.

1. Каменные раки по сторонам четырех стенок могли закрываться гладкими деревянными (дубовыми) досками, образующими прямоугольную в плане коробку. В свою очередь, к деревянным стенкам прибивались гвоздями серебряные золоченые пластины с чеканными изображениями святых, орнаментом, надписями и др. Подобный способ крепления окладов известен на каменных переносных западноевропейских алтарях XI–XII вв. в виде прямоугольных деревянных коробок с низкими или высокими стенками [ил. 3]. Идентичный способ крепления золоченых медных окладов к деревянному основанию на гвоздях использовался при создании многочисленных лиможских ковчегов-мощевиков XII–XIII вв. [ил. 7].

2. Тонкие пластины окладов с рельефными изображениями, орнаментом или надписями могли крепиться на каменных раках при помощи клейкой смоляной мастики с наполнителем. Такая мастика также заполняла все части рельефа с оборотной стороны пластин, для того чтобы исключить деформацию металла. Технические приемы изготовления и крепления таких окладов схожи с техникой изготовления и крепления окладов икон к деревянной иконной доске. Примером является серебряный оклад новгородской иконы «Петр и Павел» (размером 236 × 147 см), изготовленный русскими и византийскими мастерами в XI в. в технике рельефной чеканки (НГОМЗ)²⁴.

3. Известно, что серебряные пластины окладов крепились к каменным ракам на металлических штифтах с полусферической шляпкой или гвоздях. Следы такого крепления — просверленные отверстия имеются на мраморной византийской стеле IX–X вв. для мощей св. Гликерии [ил. 8]. Они сделаны в сред-

ней части стелы вокруг арки с «окошком», где была закреплена «дверца», закрывающая главу св. Гликерии²⁵. На некоторых смоленских каменных гробницах были обнаружены следы от гвоздей с широкими шляпками, которые, по мнению П.А. Раппорта и Н.Н. Воронина, служили для крепления узорчатых тканей [Самойлова, 2006. С. 585]. Однако такие следы гвоздей могли быть оставлены при креплении тонко раскованных серебряных пластин золоченых окладов.

4. Гладкие тонкие пластины драгоценного металла могли крепиться к плоской или рельефной поверхности каменной раки и при помощи деревянных скульптурных стеков на специально приготовленный клей. Покрытие стенок и крышки каменных саркофагов тонкими пластинами золота было хорошо известно в античном и средневековом мире. Такая техника называлась «левокофор» или «плакирование» [Плиний, 1994. С. 44, 182; Минасян, 2014. С. 263].

* * *

Оковывание, или украшение золотом, золоченым серебром, многоцветными камнями, эмалью и жемчугом рак с мощами святых, как и других священных предметов, широко распространилось в ранневизантийский период и продолжалось в Восточной и Западной Церкви на протяжении многих столетий. Утраченные серебряные оклады, крепившиеся на каменных раках в XI–XV вв., были декорированы священными изображениями, орнаментом, изготовленными в техникековки, выколотки, чеканки и украшены амальгамным золочением. Древнерусские каменные саркофаги, окованные серебром и золотом, так же как и «малые раки», являлись своего рода «иконой» Гроба Господня, живым напоминанием и свидетельством о святых. Большое влияние на формы и конструктивные особенности изготовления горельефных изображений на крышках древнерусских серебряных рак оказали древние византийские памятники — каменные саркофаги с тремя круглыми медальонами на фронтальной стенке. Серебряные золоченые оклады на каменных раках с мощами чудотворцев и святых князей являлись особым сакральным покровом или драгоценной плащаницей, олицетворявшей драгоценную святую — плащаницу с Гроба Господня. На формы, конструктивные особенности и технику изготовления древнерусских каменных рак большое влияние оказали византийские и западноевропейские памятники.

23 Серебряный оклад, украшавший раку прп. Варлаама, весом 28,4 кг и жемчуг были похищены шведами, которые сняли с раки: «серебра 139 гривенок (фунтов) 12 золотников (на 720 руб. 12 алт.), да жемчугу на 58 рублей» [Макарий, 1860. С. 438].

24 Последний этап проработки рельефа серебряного оклада иконы «Петр и Павел» осуществлялся чеканками непосредственно на лицевой поверхности деревянной иконы, о чем свидетельствуют сохранившиеся следы чеканки. Оклад был закреплен к деревянной доске на смоляной мастике и при помощи конусообразных гвоздей [Игошев, 2019. С. 177].

25 В местах крепления обломанных металлических штифтов имеются следы мастики серого цвета.

ЛИТЕРАТУРА

- Банк А.В. Византийское искусство в собраниях музеев Советского Союза. М.: Советский художник, 1966. 391 с.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити, 1996. 567 с.
- Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. 560 с.
- Воронин Н.Н. Житие Леонтия Ростовского и византийско-русские отношения второй половины XII в. // Византийский временник. Т. XXIII. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 23–46.
- Голубинский Е.Е. История канонизации святых Русской Церкви. 2-е изд. М., 1903. Дневник Марины Мнишек. М.: Дмитрий Буланин, 1995. 204 с.
- Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М.: Наука, 1999. 504 с.
- Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф. Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI — начала XX в. М.: Искусство, 1978. 317 с.
- Игошев В.В. Своеобразие технологических приемов произведений древнерусских мастеров золотого и серебряного дела XI–XIV веков // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 1, ч. 2. С. 175–188.
- Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Советская Россия, 1984. 448 с.
- Кучкин В.А. Перенесение мощей Бориса и Глеба 2 мая 1115 года // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Вып. 3 (81), сентябрь, 2020. С. 6–12.
- Корогодина М.В. «Великое освящение» и Борисоглебская церковь в Кидекше // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Вып. 3 (85), сентябрь, 2021. С. 139–146.
- Летописец о ростовских архиереях / С примеч. А.А. Титова. СПб., 1890.
- Некрасова Е.Н. Лазурь, золото Лиможа. Эмали XII–XIV веков. Каталог выст. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 184 с.
- Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1, 2.
- Макарий, архиеп. История Русской церкви. Т. 1. Изд. 2-е. СПб., 1868.
- Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 471 с.
- Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / Изд. подгот. Г.А. Таронян. М.: Ладомир, 1994. 941 с.
- Повесть временных лет. Ч. 1 / Подг. текста Д.С. Лихачева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 405 с.
- ПСРЛ. Т. 3: IV. Новгородские летописи. 1-е изд. СПб.: Изд-во Э. Прац, 1841. 320 с.
- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908. 938 с.
- ПСРЛ. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Изд-во Э. Прац, 1862. 256.
- ПСРЛ. Т. 14: Новый летописец. СПб., 1910. 155 с.
- Пуцко В.Г. Киевская торевтика времени Владимира Мономаха // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Вып. 3 (73), сентябрь, 2018. С. 140–150.
- Самойлова Т.Е. Священное пространство княжеского гроба // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Индик, 2006. С. 580–611.
- Седов Вл.В. Белокаменные саркофаги в аркосолиях церкви Бориса и Глеба в Кидекше // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 225. М., 2019. С. 287–307.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) М.: Русский язык, 1990. Т. III.

- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3.
- Стерлигова И.А. Византийский мощевик Димитрия Солунского из Московского Кремля и его судьба в Древней Руси // Дмитриевский собор во Владимире. К 800-летию создания. М., 1997. С. 255–273.
- Толстой М.В. Древние святыни Ростова Великого. 2-е изд. М., 1860. Успенский сборник XII–XIII вв. М.: Наука, 1971. 752 с.
- Der Gold und Silberschatz von Zadar und Nin. Zagreb, 1972.
- Didier Méhu. L'évidement de l'image ou la figuration de l'invisible corps du Christ (IXe–XIe siècle) // Histoire, anthropologie et théorie de l'art. 11/2013.
- The function of text: Byzantine reliquaries with epigrams, 843–1204 / By B.A. Hostler. 2016.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

О типологии и технике изготовления древнерусских каменных рак XI–XV веков, украшенных золоченым серебром

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Игошев Валерий Викторович — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Государственный научно-исследовательский институт реставрации, 107014, г. Москва, ул. Гастелло, 44, стр. 1. igoshev.valerij@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются древнерусские каменные раки XI–XV вв., украшенные серебряными золочеными окладами. На основании письменных источников и аналогичных памятников изучены типология, техника изготовления и способы крепления драгоценных окладов на раках и на предметах надгробного комплекса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Рака, саркофаг, ковчег-мощевик, древнерусское серебряное дело,ковка, чеканка.

TITLE

Research On Typology and Craft Techniques of Ancient Russian Stone Shrines of The 11th–15th Centuries, Decorated With Gilded Silver

AUTHOR

Igoshev, Valeriy Viktorovich — Full Doctor, Leading researcher, State Research Institute for Restoration, Gastello st., 44, build. 1, Moscow, Russian Federation, 107014. igoshev.valerij@mail.ru

ABSTRACT

The article is dedicated to ancient Russian stone shrines of the 11th–15th centuries decorated with gilded silver. Based on written sources, as well as similar objects, the article studies the typology, manufacturing techniques and methods of attaching silver oklads to shrines and tombstones.

KEYWORDS

Reliquary, sarcophagus, shrine, ancient Russian silversmithing, forging, toreutics.

REFERENCES

- Bank A.V. *Vizantiiskoe iskusstvo v sobraniiah muzeev Sovetskogo Soiuzu (Byzantine Art in Soviet Museum Collections)*. Moscow, Sovetskii hudozhnik Publ., 1966. 391 p. (in Russian).
- Beliaev L.A. *Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennie plity Moskvy i Severo-Vostochnoi Rusi XIII–XVII vv. (Russian Medieval Tombstones. White-stone Slates from Moscow and North-Eastern Russia, 13th–17th cc.)*. Moscow, Modus-Graffiti Publ., 1996. 567 p. (in Russian).
- Demianov V.G., Kniazevskii O.A. (eds.) *Uspenskii sbornik XII–XIII vv. (The Assumption Collection, 12th–13th Centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 752 p. (in Russian).
- Iermenskaia V.V., Netunakhina G.D., Popova T.F. *Ruskaia memorial'naia skulptura. K istorii hudozhestvennogo nadgrobiia v Rossii XI – nachala XX v. (Russian Memorial Sculpture. To the History of Russian Decorative Tombstones in 11th – early 20th Century)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. 317 p. (in Russian).
- Golubinskii E.E. *Istoriia kanonizatsii sviatykh Russkoi Tserkvi (The History of Canonisation of Russian Saints)*. Moscow, 1903 (in Russian).
- Igoshev V.V. Old Russian Masters of Gold and Silversmithing and Their Unique Technological Methods in 11th–14th Centuries. *Vestnik RGGU. Serii «Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia» (RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series)*, 2019, no. 1, part 2, pp.175–188 (in Russian).
- Korogodina M.V. "The Great Consecration" and the Church of Boris and Gleb in Kideksha. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki (Old Russia. Questions of Middle Ages)*, Issue 3 (85). September 2021, pp.139–146 (in Russian).
- Kozliakov V.N. (ed.) *Dnevnik Mariny Mnishek (The Diary of Marina Mnishek)*. Moscow, Dmitrii Bulanin Publ., 1995. 204 p. (in Russian).
- Kuchkin V.A. Translation of the Relics of St. Boris and Gleb, May 2, 1115. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki (Old Russia. Questions of Middle Ages)*, no. 3 (81), September, 2020, pp.6–12 (in Russian).
- Likhachev D.S. (ed.) *Povest' vremennykh let. Chast' 1 (The Primary Chronicle. Tale of Bygone Years. Part 1)*. Moscow, Leningrad, Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1950. 405 p. (in Russian).
- Makar'ii, arhiep. *Istoriia Russkoi tserkvi (History of Russian Church)*. Vol.1. 2nd ed. Saint-Petersburg, 1868 (in Russian).
- Makar'ii, arhim. *Arheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostei v Novgorode i ego okrestnostiakh (Archeological Description of Church Antiquity in Novgorod and Its Environs)*. Moscow, 1860, part 1, 2 (in Russian).
- Minasian R.S. *Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekov'e (Metalcraft in Antiquity and Middle Ages)*. Saint-Petersburg, Gosudarstvennii Ermitazh Publ., 2014. 471 p. (in Russian).
- Nekrasova E.N. *Lazur', zoloto Limozha. Emali XII–XIV vekov. Katalog vystavki (Azure, Limoges gold. Enamels of the 12th–14th centuries. Exhibition catalog)*. Saint-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2009. 184 p. (in Russian).
- Olshevskaia L.A. (ed.) *Drevnerusskie pateriki. Kievo-Pecherskii paterik. Volokolamskii paterik (Kiev Caves Patericon. Volokolamsk Patericon)*. Moscow, Nauka Publ., 1999. 504 p. (in Russian).
- Pliny the Elder. *Estestvoznaniye. Ob iskusstve. (Naturalis Historia)*. Moscow, Lodomir Publ., 1994. 941 p. (in Russian).
- Prokofiev N.I. (ed.) *Kniga hozhenii. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv. (Travel Books. Notes of Russian Travellers, 11th–15th cc.)*. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1984. 448 p. (in Russian).
- PSRL. T.14: *Novii letopisets (Complete Collection of Russian Chronicles. The New Chronicle)*. Saint-Petersburg, 1910. 155 p. (in Russian).
- PSRL. T.2: *Ipat'evskaia letopis'. Izd. 2-e (Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2: Hypatian Codex)*. Saint-Petersburg, 1908. 938 p. (in Russian).
- PSRL. T.3: *IV. Novgorodskie letopisi. Izd. 1-e (Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 3: 4. Novgorodian Chronicles)*. Saint-Petersburg, E. Prats Publ., 1841. 320 p. (in Russian).
- PSRL. T.9: *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu (Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 9. Collection of Chronicles known as the Patriarch's or Nikonov's Chronicle)*. Saint-Petersburg, E. Prats Publ., 1862. 256 p. (in Russian).
- Putso V.G. Kyiv Toreutics of Vladimir Monomakh age. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki (Old Russia. Questions of Middle Ages)*, no. 3 (73), September, 2018, pp.140–150 (in Russian).
- Samoilova T.E. The sacred Space of the Prince's Coffin. *Ierotopiia. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi (Ierotopia, Creating Sacred Spaces in Byzantium and Old Russia)*. Moscow, Indrik Publ., 2006, pp.580–611 (in Russian).
- Sedov V.I. White-stone Tombstones in the Arcosoliums in the Church of Boris and Gleb in Kideksha. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. Issue 225. Moscow, 2019, pp.287–307 (in Russian).
- Slovar' drevnerusskogo iazyka (XI–XIV vv.) (Dictionary of Old Russian (11th–14th Centuries)*. Moscow, Russkii iazyk Publ., vol. 3, 1990 (in Russian).
- Sreznevskii I.I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam. T.3. (Research for the Dictionary of Old Russian based on Written Sources, vol. 3)*. Saint-Petersburg, 1903 (in Russian).
- Sterligova I.A. Byzantine Reliquary of Demetrius of Thessaloniki from the Moscow Kremlin and Its Fate in Old Russia. *Dmitrievskii sobor vo Vladimire. K 800-letiiu sozdaniia (The Cathedral of St. Demetrius in Vladimir. To the 800th Anniversary)*. Moscow, 1997, S.255–273 (in Russian).
- Titov A.A. (ed.) *Letopisets o rostovskikh arhierieiah (The Chronicler on the Bishops of Rostov)*. Saint-Petersburg, 1890 (in Russian).
- Tolstoi M.V. *Drevnie sviatyni Rostova Velikogo. Izd. 2. (Ancient Relics of Rostov the Great. 2nd ed.)*. Moscow, 1860 (in Russian).
- Voronin N.N. Leontii Rostovsky's Vita and Byzantine-Russian Relationships in the Second Half of the 12th Century. *Vizantiiskii vremennik (Byzantina Chronika)*. Vol.23. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, pp.23–46 (in Russian).
- Voronin N.N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII–XV vv. (North-Eastern Architecture, 12th–15th cc.)*. Moscow, AN SSSR Publ., 1961, vol.1. 560 p. (in Russian).

Тканевые завесы в древнерусских рукописях XII–XVI веков: кодикологический и технико-технологический аспекты¹

© 2022

УДК 091.31"11/15"
ББК 85.12
Ч17

Поступила в редакцию 28.04.2022

Введение. Историография вопроса

В некоторых иллюминированных древнерусских кодексах можно встретить фрагменты тонкого цветного шелка в рамке или без нее, располагающиеся, как правило, между миниатюрой и началом текста. В специальной литературе существует целый ряд определений, использующихся для обозначения этих элементов иллюминированных кодексов. Среди них встречаются «закладка», «прокладка», «прикрышка», «предохранитель», отражающие, по-видимому, их предполагаемое назначение. Однако более распространен все же термин «завеса», возникший, вероятно, по аналогии с завесами на иконах².

Вопрос о тканевых завесах в древнерусских кодексах специально не рассматривался. Однако фрагменты шелка, прикрывающие миниатюры, нередко упоминаются в каталогах, а также в работах, посвященных отдельным манускриптам [Евангелие Успенского собора, 2002. С. 69–70]. В последних, как правило, решается проблема датировки завес и времени их появления в составе рассматриваемых кодексов. Однако сводного исследования, которое обобщило бы разрозненные наблюдения над временем возникновения, материалом,

- 1 Данная статья представляет собой дополненную версию доклада, прочитанного на Международной научной конференции «Четырнадцатые Загребинские чтения» 9 октября 2019 г.
- 2 Отметим, что, например, в англоязычных публикациях используется аналогичный термин — «curtain».

структурой, функцией и символическим значением завес, в историографии древнерусских рукописей не существует³.

Ставя перед собой задачу написания такой работы, мы имеем возможность сослаться на единственную известную нам публикацию, поднимающую вопрос об использовании тканей в манускриптах, — статью К. Шакка [Sciacca, 2007. P. 161–190]⁴. Автор данного исследования, основанного главным образом на материале западноевропейских рукописей, пришла к выводу о том, что драгоценные ткани стали включать в состав кодексов еще в IX в.

Завесы, встречающиеся в западноевропейских рукописях, представляют собой небольшие кусочки шелка, размер которых, как правило, соответствует размеру изображения (миниатюры или инициала). Эти фрагменты ткани пришивались нитками к пергамену непосредственно над изображением или сбоку от него, т.е. не закрывали лист рукописи полностью. В ряде случаев сами ткани не сохранились, и о существовании такого рода завес позволяют судить следы от пришивания их к листу кодекса — проколы от иглы или даже остатки нитей. Определение времени появления таких завес в составе рукописей часто затруднено, а порой и вовсе невозможно.

Аналогичные завесы существовали, по всей видимости, и в византийских рукописях. Так, на листах Минология императорской редакции IX в. (ГИМ, Син. греч. 183) в непосредственной близости от миниатюр (как правило, сбоку) имеются проколы от иглы и остатки нитей, при помощи которых, очевидно, крепились небольшие фрагменты ткани. Над миниатюрами Лекционария IX в. из монастыря Св. Екатерины на Синае (Sinait. gr. 204) сохранились фрагменты фиолетового шелка, оставшиеся, по-видимому, от первоначальных завес⁵. Завесы другого типа — вшитые в корешок кодекса — также иногда встречаются в византийских манускриптах. Они имеются, например, в составе Апостола 1072 г. (НБ МГУ, Греч. 2)⁶ и Евангелия тетр первой четверти XII в. (ГИМ, Син. греч. 519).

- 3 По-видимому, единственное обобщающее суждение о завесах содержится в работе Е.Л. Немировского. Ученый определяет назначение завес («оберегать от повреждений»), время их появления (конец XV в.), а также ставит вопрос об их московском происхождении [Немировский, 1964. С. 114].
- 4 Интерес к изучению тканей в средневековых рукописях в настоящее время довольно высок, о чем свидетельствует, например, выставка «Shrine and Shroud», проходившая с 28 июня по 2 октября 2005 г. в Музее П. Гетти. URL: http://www.getty.edu/art/exhibitions/shrine_shroud/index.html. Один ее раздел был посвящен шелковым завесам перед миниатюрами. Кроме того, 2–3 июня 2021 г. в Университете Торонто состоялся международный семинар «Textiles in Manuscripts: Cross-cultural Trade, Craft Production, and Influence in the Art of the Premodern Book», который был посвящен изучению тканей в армянских, китайских, эфиопских, исламских и сирийских средневековых рукописях. URL: <https://booksilkroadstextiles.artsci.utoronto.ca/>. Недавно (11 ноября 2021 г. — 7 апреля 2022 г.) прошла серия онлайн-лекций под общим названием «Textiles in Libraries», организованных Бодлеанской библиотекой с участием приглашенных специалистов. URL: <https://visit.bodleian.ox.ac.uk/event/textiles-in-libraries-series>.
- 5 Мнение Э.Н. Добрыниной.
- 6 Их появление связывают с заменой переплета в XV в. [Мокрецова, Шилова, 2004. С. 152].

Завесы в древнерусских рукописях представляют собой фрагменты тонкой однотонной шелковой материи, как правило, в пергаменной или бумажной рамке, вшитые или вклеенные в корешок и соответствующие по размеру формату кодекса. Датировка завес представляет порой непростую задачу, при решении которой следует опираться прежде всего на данные кодикологического анализа, позволяющего рассматривать каждый отдельный манускрипт комплексно, с учетом его структуры и истории бытования.

Тканевые завесы в древнерусских рукописях XII–XIV веков

Самой ранней древнерусской рукописью, в которой присутствуют тканевые завесы перед миниатюрами, является Мстиславово Евангелие первой четверти XII в. (ГИМ, Син. 1203) [Жуковская, 1983; Сводный каталог, 1984. С. 90–92]. Кусочки шелка золотистого цвета, соответствующие размеру миниатюр, приклеены к широкому пергаменным рамкам и закреплены с обратной стороны узкими полосками пергамена с прорезным орнаментом типа «византийский завиток»⁷. Рамки вклеены в корешок кодекса, причем довольно небрежно, что позволяет предположить позднейшее происхождение завес. Известно, что Евангелие было «обновлено» в 1551 г. в Новгороде по заказу царя Ивана Грозного, о чем на л. 1 об. имеется соответствующая запись, и впоследствии вложено в Архангельский собор Московского Кремля. «Реставрация» коснулась прежде всего переплета и драгоценного византийского оклада кодекса. Считается, что именно в это время рукопись была разброшюрована и сшита заново [Уханова, 2018. С. 75], однако способ монтирования завес свидетельствует, скорее, о том, что блок полностью не перешивался, переплет был заменен ранее, а к 1551 г. относится лишь создание нового оклада и вставка завес⁸.

Аналогичный пример представляет знаменитая Симоновская Псалтирь второй четверти XIV вв. (ГИМ, Хлуд. 3), вывезенная, как предполагают, Иваном Грозным из Новгорода в 1570 г. и вложенная им впоследствии в суздальский Евфимиев монастырь [Сводный каталог, 1984. С. 318–319; Турилов, 1998. С. 38–39]. Рукопись сохранила свой первоначальный переплет — старые доски, шитье на сырмятных ремнях и кожаное покрытие. Вероятно, перед вкладом рукопись также была «отреставрирована»: тератологический орнамент прописан золотом и синей краской (за исключением нескольких листов в конце кодекса), а перед листовыми миниатюрами вклеены завесы из золотистого шелка в бумажных рамках⁹.

7 Завесы расположены между л. 1 и 2, 27 и 28, 69 и 70, 123 и 124 и не пронумерованы.

8 Аналогичного мнения о времени появления завес в составе рукописи придерживалась Л.П. Жуковская [Жуковская, 1983. С. 6], а за ней — Е.В. Уханова [Уханова, 2018. С. 76].

9 Завесы расположены перед л. 1, между л. 6 и 7; завеса между л. 52 и 53 утрачена (сохранились следы клея с фрагментами бумаги в корешке). Ткань вклеена между двумя слоями бумаги. Способ монтирования завес свидетельствует о том, что они были вклеены в уже сброшюрованный кодекс.

Во многом сходный с двумя описанными случаями представляет Псалтирь Ивана Грозного последней четверти XIV в. (РГБ, ф. 304/III, № 7) [Смирнова, 2006. С. 405–426]. Рукопись украшена двумя миниатюрами с изображениями Давида (л. 19 об.) и Асафа (л. 169 об.). Между листами с миниатюрами и следующими за ними листами с выходными заставками и началом текста вставлены завесы из розового шелка в пергаменных рамках (л. 3, 20, 170). Завесы вшиты в корешок рукописи, однако пергамен рамок по цвету и фактуре существенно отличается от пергамена, на котором написан весь кодекс. При рассмотрении переплета становится очевидным, что он не первоначальный и по своей конструкции может датироваться XV–XVI вв. Вполне вероятно, что замена переплета произошла около середины XVI столетия и была приурочена к вкладу рукописи в Троице-Сергиев монастырь; тогда же в составе кодекса могли появиться и шелковые завесы¹⁰.

Таким образом, анализ структуры трех кодексов XII–XIV вв., содержащих тканевые завесы перед миниатюрами, показывает, что эти элементы не входили в состав рукописей первоначально, а являются результатом позднейших ремонтов: они появились при замене или обновлении переплетов лишь в XVI в. Интересно отметить, что включение завес в состав кодексов произошло примерно в одно и то же время — около середины XVI столетия — и, являясь одним из мероприятий по ремонту, возможно, должно было привести вид древних рукописей в некое соответствие с современными представлениями об облике лицевых манускриптов. Следовательно, в середине XVI в. тканевые завесы перед миниатюрами должны были считаться едва ли обязательным элементом иллюминированных кодексов.

Тканевые завесы в древнерусских рукописях первой половины XV века

В других древнерусских манускриптах, датирующихся ранее XV в., ни завес, ни их следов нами к настоящему моменту не обнаружено. В кодексах XV в. шелковые завесы перед листами с иллюминацией встречаются гораздо чаще. Они присутствуют в таких знаменитых лицевых рукописях начала века, как Евангелие Успенского собора (ГММК, № 11056) и Апостол (ГРМ, Др. гр. 20), в Псалтири 1424 г. (ГРМ, Др. гр. 17), а также в не украшенных миниатюрами книгах — Евангелии тетр (РНБ, Кир.-Бел. 2/2) и Евангелии тетр (ГРМ, Др. гр. 9). Однако в каждом из названных случаев вопрос о времени появления завес в составе кодексов должен решаться индивидуально.

Завесы в Евангелии Успенского собора [Вздорнов, 1980. Кат. 59] представляют собой двойную бумажную рамку, внутрь которой вклеены фрагменты шелковой ткани малинового цвета, по форме и размеру соответствующие форме

10 Мнения о позднейшем происхождении завес придерживается и Э.С. Смирнова [Смирнова, 2006. С. 423, примеч. 1]. Примечательно, что тератологический орнамент рукописи (см., например, л. 2 об.), как и в Симоновской Псалтири, поновлен — прописан золотом.

и размеру миниатюр¹¹. Сама рукопись, напомним, написана на пергамене. Благодаря исследованиям, проведенным в процессе реставрации кодекса в конце 1990-х гг., удалось определить, что бумага, использовавшаяся для рамок завес, как и шелковая ткань, относятся ко времени не ранее середины — второй половины XVI в. При разброшюровке блока было также установлено, что завесы были вшиты в корешок на фальцах (фальц сохранился лишь у л. 54) и имеют следы только одного этапа шитья. Следовательно, они появились в составе кодекса при установке существующего переплета, в конце XVI — начале XVII в. [Евангелие Успенского собора, 2002. С. 69].

Что касается пергаменного Апостола, украшенного шестью великолепными миниатюрами (ГРМ, Др. гр. 20) [Вздорнов, 1980. Кат. 68], то его существующий переплет также является вторичным и относится, по всей видимости, к XVII в. Все миниатюры и заставки рукописи были некогда прикрыты фрагментами шелковой материи вишневого цвета, вшитыми в корешок без рамок¹² и по размеру соответствующими половине или трети листа кодекса. В настоящее время часть завес утрачена, но в корешке сохранились фрагменты нитей, а на самих листах — светло-желтые отпечатки краев ткани, которые покрывались, по-видимому, неким клеящим составом во избежание осыпания шелка¹³. К сожалению, у нас недостаточно данных для ответа на вопрос о времени включения завес в состав кодекса. С равной степенью вероятности это могло произойти как при первичном шитье блока, так и при установке существующего переплета.

Евангелие тетр первой трети XV в. из Кирилло-Белозерского монастыря (ГРМ, Др. гр. 9) [Вздорнов, 1980. Кат. 67], написанное на бумаге и не имеющее миниатюр, украшено великолепными заставками неовизантийского стиля перед началами Евангелий [ил. 1]. Каждому выходному листу предшествует завеса из малинового шелка в двойной бумажной рамке¹⁴. Переплет рукописи вторичный, но судя по его конструкции и по бумаге вставных листов, замена произошла, вероятно, в конце XV — начале XVI в.¹⁵ Рамки завес вшиты в корешок и имеют следы от обоих этапов переплета. На этом основании можно было бы предположить, что завесы современны блоку. Однако при

- 11 Прямоугольные — перед изображениями евангелистов (л. 5, 54, 103, 131), круглые — перед изображениями их символов (л. 3, 52, 101, 129).
- 12 Между листами рукописи нередко можно встретить фальцы от несохранившихся завес (например, фальц между л. 209 и 210, оставшийся от завесы, которая находилась между л. 217 и 218).
- 13 Завесы сохранились у миниатюры с изображением апостола Павла (лист б/н между л. 97 и 98) и у заставки перед Посланием к коринфянам (л. 122 об.); в остальных случаях присутствуют фрагменты нитей и фальцы от утраченных завес.
- 14 Завесы расположены между л. [2*] и 3, 70 и 71, 114 и 115, 186 и 187, 240 и 241.
- 15 Основная часть кодекса написана на бумаге одного сорта с филигранью «5-лепестковая розетка» (POL, № 126446, 1402 г.). Л. 251–256 написаны другим (более поздним) почерком на другой бумаге с филигранью «голова быка под 6-лепестковой розеткой на 2-контурной штанге, со стрелой внизу» (POL, № 70140–70141, 1492 г.).

ил. 1 Евангелие тетр. Первая четверть XV в. ГРМ, Др. гр. 9. Л. 186 об.–187
(По изд.: Вздорнов, 1980. Кат. 67)

fig. 1 Four Gospels. First quarter of 15th century. Russian State Museum, Dr. gr. 9
Fol. 186v–187 (After the edition: Vzdornov, 1980. Cat. 67)

более детальном осмотре завес становится ясно, что лишь лицевая сторона рамки вшита в корешок. Очевидно, для создания завес использовали чистые листы рукописи, которые предшествовали выходным листам с заставками. При установке вторичного переплета в середине этих листов было вырезано окошко, на его место вклеена шелковая ткань, а с оборотной стороны наклеен еще один слой бумаги¹⁶. Таким образом, получилась двойная бумажная рамка, вшитая в корешок.

Аналогичный пример использования свободных листов рукописи для крепления завес представляет Евангелие тетр (РНБ, Кир.-Бел. 2/2) первой трети XV в. [Вздорнов, 1980. Кат. 111]. Эта пергаменная рукопись большого формата украшена выходными заставками балканского стиля, открывающими тексты Евангелий. Каждому листу с заставкой предшествует чистый пергаменный лист, к оборотной стороне которого монтирована шелковая ткань золотистого

- 16 С лицевой стороны бумага рамки по параметрам бумажной сетки идентична бумаге основной части рукописи. С оборотной стороны приклеена бумага другого качества, по параметрам бумажной сетки идентичная бумаге вставных листов (л. 251–256).

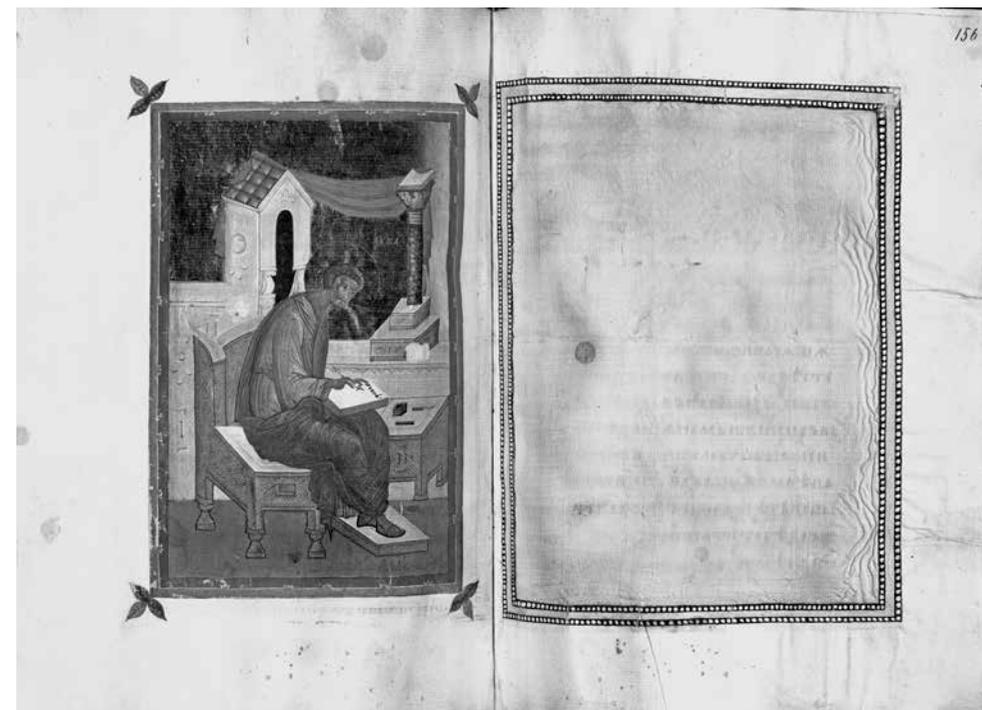
цвета, размером с поле текста. Одна сторона ткани заходит глубоко в корешок кодекса, три другие по краю приклеены к пергамену¹⁷. Переплет рукописи имеет один ряд пропилов для шитья и не несет очевидных следов ремонта. Можно было бы заключить, что конструктивная основа переплета¹⁸ является первоначальной и завесы современны пергаменному блоку. Однако такому выводу противоречит одна деталь. В нижней части л. I [конечн.] имеется отпечаток заставки и заголовка с л. 7, расположенный вверх ногами. Следовательно, данный лист, служащий сейчас защитным, ранее, бесспорно, предшествовал л. 7, затем в процессе ремонта был изъят и в целях экономии материала переставлен в конец книги. Тетради рукописи были сшиты вторично, по-видимому, по старым пропилам; тогда же в составе кодекса появились шелковые завесы¹⁹.

Лишь одна рукопись первой четверти XV столетия имеет завесу, которую с большой долей вероятности можно считать первоначальной. Речь идет о Псалтири 1424 г. (ГРМ, Др. гр. 17) [Вздорнов, 1980. Кат.108]. Кодекс написан на пергамене и сохранил оригинальный переплет; следов повторного шитья и иных позднейших вмешательств при визуальном осмотре не выявлено²⁰. Псалтирь украшена фронтисписом в виде храма (оборот листа б/н, следующего за л. 1) и заставкой неовизантийского стиля перед началом псалмов (л. 2). Между листом с миниатюрой и следующим за ним листом с заставкой и текстом имеется завеса из ярко-зеленого шелка без рамки, вшитая в корешок кодекса (фальц завесы выходит между л. 7 и 8). Цвет завесы перекликается с колористическим решением оригинальных капталов рукописи, сплетенных из зеленых и малиновых нитей.

Тканевые завесы в древнерусских рукописях второй половины XV — XVI века

Начиная приблизительно с середины XV в. тканевые завесы становятся почти неизменным атрибутом лицевых древнерусских рукописей, вне зависимости от места их создания. Самые ранние среди них: новгородское пергаменное Евангелие апракос (т.н. Шереметевское) второй четверти XV в. (ГИМ, Муз. 364) [Смирнова, 2011. С. 280–296], новгородское же Четроевангелие 1460-х гг. (РНБ, Q.I.14) [Смирнова, 2011. С. 334–345] и московская рукопись Чет-

- 17 Шелковая ткань приклеена к оборотным сторонам л. 6, 86, 225. На обороте листа б/№, расположенного между л. 138 и 139, имеются следы клея и фрагменты ткани от утраченной завесы.
- 18 В качестве переплетного покрытия использована шелковая узорная ткань (камка) холодного розового оттенка, положенная поверх неокрашенной холстины; с некоторыми утратами она дошла до наших дней.
- 19 Способ шитья тетрадей, конструкция переплетных крышек, тип каптала дают основания предположить, что это произошло в конце XV–XVI вв.
- 20 Если данная рукопись, как Кир.-Бел. 2/2, не была перешита позднее по старым пропилам.

ил.2 Евангелие тетр. 1470-е. НБ МГУ, 2 Ag 78. Л.155 об.–156 (© Научная библиотека МГУ)
fig.2 Four Gospels. 1470s. Scientific Library of Moscow State University, 2 Ag 78. Fols. 155 v–156 (© Scientific Library of Moscow State University)

вероевангелия 1470-х гг. с более ранними миниатюрами (РНБ, Кир.-Бел. 44/49) [Попов, 2017. С. 127–128]. Лицевые рукописи последней четверти XV и начала XVI столетия с завесами перед миниатюрами довольно многочисленны. Так, среди трех десятков московских кодексов указанного периода тканевыми фрагментами снабжены более половины: Евангелия тетр, НБ МГУ, 2 Ag 78 [ил.2]; ГИМ, Чуд. 30; ГИМ, Увар. 97; РГБ, ф. 173, № 2; ГПНТБ СО РАН, собрание М.Н. Тихомирова, № 16; СПИХМЗ, № 5981; РНБ, Q.I.19; РНБ, Погод. 133; ГИМ, Дон. 2; VL, Egerton 3045; РГБ, ф. 113, № 17; Псалтири с воследованием, РГБ, ф. 304, № 314 и 315; РНБ, F.I.738; Лествица, РГБ, ф. 304, № 162; Апостол, РГБ, ф. 113, № 79; сборник Слов Григория Богослова, НБ МГУ, 2 Сi 295.

Анализ структуры указанных кодексов в каждом отдельном случае позволяет заключить, что завесы принадлежат к их первоначальному составу. Часть рукописей сохранила оригинальные или несущие следы незначительных (не затрагивающих конструкцию) ремонтов переплеты с завесами, вшитыми в корешок (Лествица, РГБ, ф. 304, № 162; Евангелие тетр, РГБ, ф. 173, № 2; Псалтирь с воследованием, РГБ, ф. 304, № 314 и др.). В тех случаях, когда первоначальный переплет не сохранился, существуют различные косвенные данные, позволяющие подтвердить оригинальное происхождение завес: следы

ил. 3 Евангелие тетр (Исаака Бирева). 1531. РГБ, ф. 304/1, №15. Л. 11 об.–12 (По изд.: Евангелие Исаака Бирева, 2019. С. 32–33)

fig. 3 Four Gospel (Isaac Birev). 1531. RSL, f. 304 / 1, no. 15. Fol. 11 v–12 (After the edition: The Gospel of Isaac Birev, 2019, pp. 32–33)

первоначального шитья блока, имеющиеся на рамках завес; красочные орнаментальные бордюры на рамках, по стилю идентичные декорации всего кодекса (Евангелие Феодосия, РНБ, Погод. 133; Евангелие тетр, BL, Egerton 3045; Евангелие тетр, ГИМ, Дон. 2); следы бытования, такие как затеки от воды, имеющиеся на завесах и на других листах рукописи (Евангелие тетр, ГИМ, Чуд. 30) и т.д. Приведенные примеры показывают, что при замене переплета завесы, как правило, сохранялись и оставались на прежнем месте.

Поврежденные или утраченные завесы могли быть починены или заменены новыми. Так, в новгородском Евангелии тетр 1480-х гг. (ГИМ, Муз. 328) завеса перед первой миниатюрой (л. 11) была утрачена и заменена при установке нового переплета в XVII в. В корешок вшили широкий бумажный фальц, к которому приклеили треугольный фрагмент шелковой ткани голубого цвета, в тон рамки миниатюры. При следующем ремонте переплета (вероятно, в конце XVIII — начале XIX в.) лист с завесой дополнили до формата блока голубой бумагой.

В XVI в. иллюминированные кодексы с завесами столь многочисленны, что едва ли поддаются перечислению^[ил. 3]. В этот период появляется новый

вид завес — маленьких тканевых «окошек» в листе бумаги, прикрывающих заставки. Завесы такого типа встречаются в рукописях без миниатюр, например, в томах Минеи Четырех митрополита Макария (на март, ГИМ, Син. 992; на июль, ГИМ, Син. 996; на октябрь, ГИМ, Син. 987), Псалтири толковой (РГБ, ф. 304, № 86), Стихираре (РГБ, ф. 304, № 416), Часослове (РГБ, ф. 304, № 351), Сборнике (РГБ, ф. 113, № 529), Торжественнике 1566 г. (РГБ, ф. 113, № 487), Сборнике Творений Ефрема Сирина (РГБ, ф. 173, № 36) и многих других иллюминированных кодексах. Кроме завес в размер заставок в рукописях XVI в., не содержащих миниатюр, нередко можно увидеть также полноформатные завесы, тканевое «окошко» которых соответствует размеру текстового поля (Псалтирь, РГБ, ф. 304, № 47; Псалтирь, РГБ, ф. 304, № 49; Евангелие тетр, БАН, Арх. Д. 1187; Евангелие учительное 1524 г., РГБ, ф. 304, № 100 и др.).

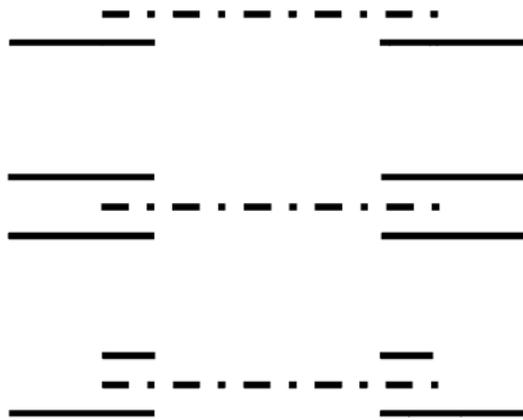
Конструктивные особенности тканевых завес в древнерусских рукописях

Тканевые завесы в древнерусских рукописях всегда монтированы к корешку и в зависимости от того, каким именно способом это сделано, разделяются на связанные и не связанные с переплетом. В первом случае завесы включены в состав тетрадей и вшиты в блок тем же способом, что и остальные листы. Данный метод крепления мог быть использован только при условии, что вставка завес происходила в процессе шитья блока при создании первоначального или при замене очередного переплета. Завесы такого типа могут быть современны блоку рукописи. Во втором случае завесы вклеены или вшиты в корешок способом, отличающимся от способа шитья кодекса, и являются позднейшим дополнением.

Вне зависимости от способа монтирования в блоке завесы подразделяются на две категории. В одном случае ткань вшита или вклеена в корешок без бумажной рамки. Такие примеры немногочисленны. К ним относятся рассмотренные нами завесы в Псалтири 1424 г. (ГРМ, Др. гр. 17), в Апостоле первой четверти XV в. (ГРМ, Др. гр. 20), а также в Евангелии тетр 1470-х гг. (ГИМ, Чуд. 30). Данную разновидность завес следует, по-видимому, считать наиболее близкой к византийской традиции. Во втором случае ткань вставлена в бумажную или пергаменную рамку, которая фиксирует шелк в расправленном состоянии, не давая ему сминаться. Рамка может быть украшена орнаментом (живописным или прорезным) либо не иметь декорации. К этому типу, не встречающему аналогий в византийских и западноевропейских кодексах, относится подавляющее большинство сохранившихся в древнерусских иллюминированных рукописях завес. Именно такой способ крепления ткани являлся, очевидно, традиционным для древнерусской книжной культуры.

Что касается конструкции рамочных завес, можно выделить три основных ее вида:

1) ткань наклеена на однослойную рамку (как правило, с оборотной стороны)^[ил. 4 а];

ил.4а–в Виды конструкции рамочных завес
fig.4а–с Types of construction of frame curtains

- 2) ткань вклеена между двумя слоями рамки [ил.4б];
- 3) ткань наклеена на однослойную рамку и с оборотной стороны укреплена по краю узкими полосками бумаги [ил.4в].

Пример необычной конструкции завес встречается в новгородском Евангелии апракос второй четверти XV в. (ГИМ, Муз.364). У шелковой ткани предварительно подвернуты края, внутрь сгиба вклеены узкие полоски пергамена, затем ткань наклеена на пергаменную рамку. Благодаря такому решению обычно махрящийся срез шелка не виден, и не понадобилось делать двойную рамку для того, чтобы его скрыть.

Какие ткани использовались для завес

Как правило, в качестве завес использовались однотонные шелковые ткани, которые по колориту сочетались с красками миниатюр, орнамента, переплетного покрытия или даже каптала кодекса (голубые, вишневые, зеленые и пр.), либо могли быть нейтрального цвета (чаще всего розовые, золотистые, белые). Гораздо реже использовались ткани с узором (например, в полоску — как в Евангелии тетр 1460–1470-х гг., РГБ, ф. 304/III, № 10²¹ и в Евангелии тетр 1460-х гг., РНБ, Q.I.14 или в клетку — как в Апостоле, ГИМ, Чертк.167, л.152), а также необычных цветов (например, завесы из черного шелка в Псалтири толковой середины XVI в., РГБ, ф. 304, № 86).

При осмотре рукописей с завесами можно констатировать следующие качества использовавшихся для их создания тканей: тонкая легкая шелковая

21 Миниатюры и завесы этой рукописи, а также некоторые листы с текстом были вставлены в блок позднее, вероятно, при ремонте около середины XVI в.

материя полотняного переплетения. Во всех встречавшихся нам описаниях фигурирует тафта — тонкий шелк, применявшийся в церковном лицевом шитье в качестве фона и как подкладочный материал в богатой одежде [Клейн, 1925. С.57–59]. Однако фоны произведений лицевого шитья в сравнении с завесами в рукописях имеют совершенно иные тактильные и даже визуальные характеристики: они более плотные и жесткие благодаря особой крутке нитей, часто имеют приглушенный блеск. Шелка, использовавшиеся в рукописях, напротив, всегда матовые, мягкие и порой настолько невесомые и прозрачные, что сквозь них видно изображение на соседнем листе (см.: Евангелие Исаака Бирева, 1531 г., РГБ, ф. 304/III, № 15). Описанным свойствам как нельзя лучше соответствует определение «фата»²², применявшееся в Древней Руси для обозначения самых тонких шелковых тканей полотняного переплетения [Клейн, 1925. С.59–60]. От тафты фата отличается большей разреженностью нитей основы и утка, благодаря чему ткань получается полупрозрачной. В.К. Клейн прямо упоминает, что фата «нередко служит прокладкой, т.н. паволокой, на жалованных грамотах, а также покрывшей миниатюр в книгах» [Клейн, 1925. С.60]. Поскольку эта ткань из-за своих физических свойств очень быстро изнашивалась, ее образцов, кроме как в рукописях и документах (грамотах), по-видимому, не сохранилось. Фата, как и другие шелковые ткани, была привозной, как правило, европейского (итальянского) происхождения. На вопрос о том, почему эти ткани стали использоваться для украшения древнерусских рукописей именно около середины XV в., еще предстоит ответить.

22 За консультацию по вопросу терминологии и происхождения тканей мы сердечно благодарим А.В. Силкина.

ЛИТЕРАТУРА

- Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М.: Искусство, 1980. 552 с.
- Евангелие Успенского собора Московского Кремля [Исследование и реставрация одного памятника] / Сост. и отв. ред. Э.Н. Добрынина. М.: ВХНРЦ имени академика И.Э. Грабаря, 2002. 172 с.
- Жуковская Л.П. Апракос Мстислава Великого. М.: Наука, 1983. 527 с.
- Клейн В.К. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века, и их терминология. М.: Оружейная палата, 1925. 67 с.
- Мокрецова И.П., Шилова И.А. Переплет Апостола 1072 г. из Научной библиотеки Московского университета и история его реставрации // Деяния и Послания апостолов. Греческая иллюминированная рукопись 1072 года из собрания Научной библиотеки Московского университета. Сб. ст. [Исследование и реставрация одного памятника] / Ред.-сост. Э.Н. Добрынина. М.: Северный паломник, 2004. С.152–159.
- Немировский Е.Л. Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М.: Книга, 1964. 404 с.

- Попов Г.В. Декорация московских рукописей времени митрополитов Киприана и Фотия. Вопросы эволюции // Лицевые рукописи XI–XVII веков. Материалы науч. конф. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2017. С. 107–137.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М.: Наука, 1984. 406 с.
- Смирнова Э.С. Заметки о миниатюрах и орнаменте Псалтири Ивана Грозного // ΣΟΦΙΑ. Сб. ст. по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. М.: Северный паломник, 2006. С. 405–426.
- Смирнова Э.С. Искусство книги в средневековой Руси. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М.: Северный паломник, 2011. 560 с.
- Турилов А.А. Об одной группе каллиграфических рукописей первой половины — середины XIV в. (к вопросу о датировке Симоновской Псалтири) // Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. Тез. докл. междунар. конф. Москва, 17–19 ноября 1998 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 36–37.
- Уханова Е.В. Мстиславово Евангелие 1103–1113 гг.: кодикологическое и историко-культурное исследование // Римские кирилло-мефодиевские чтения. Selecta. Славянское средневековье. Богослужение. Книжность. Язык. М.: Индрик, 2018. С. 53–100.
- Sciassa Ch. Raising the Curtain on the Use of Textiles in Manuscripts // Weaving, Veiling, and Dressing: Textiles and their Metaphors in the Late Middle Ages / Ed. by K.M. Rudy and B. Vaert. Turnhout: Brepols Publ., 2007. P. 161–190.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Тканевые завесы в древнерусских рукописях XII–XVI веков: кодикологический и технико-технологический аспекты

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чаморовская Екатерина Ивановна — научный сотрудник, Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И.Э. Грабаря, ул. Радио, д. 17, корп. 6, Москва, Российская Федерация, 105005. catherine-moro@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Завеса — элемент иллюминированной рукописи, представляющий собой фрагмент тонкой шелковой ткани полотняного переплетения в бумажной рамке или без нее. Завеса располагается, как правило, между миниатюрой и листом с текстом и выполняет, как считается, защитную функцию, препятствуя отпечатыванию красочного слоя и чернил друг на друге. По способу крепления завесы можно разделить на связанные и не связанные с переплетом. В первом случае фрагмент ткани вшит в корешок кодекса, во втором — приклеен к корешковому сгибу либо к свободному полю листа рядом с миниатюрой (заставкой). Определение времени появления завес второго типа в составе рукописи часто затруднено. Тканевые завесы встречаются в византийских, западноевропейских и славянских рукописях разного времени. Древнейшая русская рукопись, в которой присутствуют тканевые завесы, — Мстиславово Евангелие. Однако анализ структуры этого кодекса показывает, что завесы входили в его состав не первоначально, а явились результатом ремонта XVI в. Начиная примерно с середины XV в. тканевые завесы становятся почти неизменным атрибутом лицевых древнерусских рукописей. В XVI столетии иллюминированные рукописи с шелковыми завесами столь многочисленны, что едва ли поддаются перечислению. В этот период появляется новый тип завес — маленьких «кошечек» в листе бумаги, прикрывающих заставки. В ряде случаев завесы утрачивают свою защитную функцию и становятся чисто декоративным элементом кодекса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Шелковые завесы в рукописях, ткани в рукописях, древнерусские иллюминированные рукописи, древнерусское искусство, кодикология, средневековые реставрации рукописей.

TITLE

Textile Curtains in Russian Medieval Manuscripts of 12th-16th Centuries: Codicological, Technical and Technological Aspects

AUTHOR

Chamorovskaja, Ekaterina Ivanovna — researcher, Grabar Art Conservation Center, ulitsa Radio, 17–6, 105005 Moscow, Russian Federation. catherine-moro@yandex.ru

ABSTRACT

Textile curtains used in illuminated manuscripts are pieces of thin silk fabric with or without a paper or parchment frame. As a rule, the curtain is located between the miniature and the text. Presumably its function is to prevent the ink and the paint layer from imprinting on each other. Curtains can be divided into two types according to the mounting method. Curtains of the first type are pieces of fabric sewn into the spine of the codex, while curtains of the second type are glued to the spine fold or to the free field of the sheet next to the miniature (head-piece). It is often difficult to find out when a curtain of the second type was added to a manuscript. Textile curtains are found in Byzantine, Western European and Slavic manuscripts from different periods. The oldest Russian manuscript with textile curtains is the Mstislav Gospel. However, analysis of the structure of this codex shows that the curtains were not originally part of it, but were the result of repairs carried out in the 16th century. Starting from the middle of the 15th century textile curtains almost become an integral part of Russian illuminated manuscripts. In the 16th century, illuminated manuscripts with silk curtains are so numerous that they can hardly be enumerated. During this period, curtains of a new type appear — small “windows” in a sheet of paper covering the headpieces. In a number of cases, the curtains finally lose their protective function and become a purely decorative element of the codex.

KEYWORDS

Silk curtains in manuscripts, textiles in manuscripts, Russian medieval illuminated manuscripts, Russian medieval art, codicology, medieval repairs in manuscripts.

REFERENCES

- Dobrynina E.N. (ed.). *Evangelie Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlia [Issledovanie i restavratsiia odnogo pamiatnika] (Gospel of the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin [Research and Conservation of a Masterpiece])*. Moscow, VKhNRTs imeni akademika I.E. Grabaria Publ., 2002. 172 p. (in Russian).
- Klein V.K. *Inozemnye tkani, bytovavshie v Rossii do XVIII veka, i ikh terminologiiia (Foreign Textiles in Russia until the 18th Century and Their Terminology)*. Moscow, Oruzheinaia palata Publ., 1925. 67 p. (in Russian).
- Mokretsova I.P., Shilova I.A. The Binding of the Praxapostolos Dated 1072 in the Scientific Library of Moscow State University. *Deianiia i Poslaniia apostolov. Grecheskaia illiuminovannaia rukopis' 1072 goda iz sobraniia Nauchnoi biblioteki Moskovskogo universiteta. Sbornik statei [Issledovanie i restavratsiia odnogo pamiatnika] (The Greek Illuminated Praxapostolos Dated 1072 in the Scientific Library of Moscow State University. Collected*

- Articles [Research and Conservation of a Masterpiece]). Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2004, pp.152–159 (in Russian).
- Nemirovskij E.L. *Vozniknovenie knigopечатaniia v Moskve: Ivan Fedorov (The Beginning of Book Printing in Moscow: Ivan Fedorov)*. Moscow, Kniga Publ., 1964. 404 p. (in Russian).
- Popov G.V. Decoration of Moscow Manuscripts from the Time of Metropolitans Cyprian and Photius. Questions of Evolution. *Litseye rukopisi XI–XVII vekov. Materialy nauchnoi konferentsii (Illuminated Manuscripts of the 11th–17th Centuries. Materials of the Scientific Conference)*. Moscow, Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia galereia Publ., 2017, pp.107–137 (in Russian).
- Sciaccia Ch. Raising the Curtain on the Use of Textiles in Manuscripts. *Weaving, Veiling, and Dressing: Textiles and their Metaphors in the Late Middle Ages*. Turnhout: Brepols Publ., 2007, pp.161–190 (in English).
- Smirnova E.S. Notes on Miniatures and Ornaments in the Psalter of Ivan the Terrible. *ΣΟΦΙΑ. Sbornik statei po iskusstvu Vizantii i Drevnei Rusi v chest' A.I. Komecha (Collected Articles on the Art of Byzantium and Medieval Russia in Honor of A.I. Komech)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2006, pp.405–426 (in Russian).
- Smirnova E.S. *Iskusstvo knigi v srednevekovoi Rusi. Litseye rukopisi Velikogo Novgoroda. XV vek (The Manuscript Illumination in Medieval Russia. The Illuminated Manuscripts of Novgorod the Great. 15th Century)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2011. 560 p. (in Russian).
- Turilov A.A. About a Group of Calligraphic Manuscripts of the First Half — the Middle of the 14th Century (On the Question of Dating the Simon Psalter). *Iskusstvo rukopisnoi knigi. Vizantiia. Drevniaia Rus'. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii. Moskva, 17–19 noiabria 1998 g. (Art of the Handwritten Book. Byzantium. Medieval Russia. Abstracts of Reports of the International Conference)*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998. P. 36–37 (in Russian).
- Ukhanova E.V. Gospel of Mstislav of 1103–1113: Codicological, Historical, and Cultural Research. *Rimskie kirillo-mefodievskie chteniia. Selecta. Slavianskoe srednevekov'e. Bogosluzhenie. Knizhnost'. Iazyk (Roman Cyril and Methodius Readings. Selecta. Slavic Middle Ages. Liturgy. Book Culture. Language)*. Moscow, Indrik Publ., 2018, pp.53–100 (in Russian).
- Vzdornov G.I. *Iskusstvo knigi v Drevnej Rusi. Rukopisnaja kniga Severo-Vostochnoj Rusi XII — nachala XV vekov (The Art of the Book in Medieval Russia. Handwritten Book of North-Eastern Russia of 12th — early 15th centuries)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1980. 552 p. (in Russian).
- Zhukovskaia L.P. *Aprakos Mstislava Velikogo (Aprakos of Mstislav the Great)*. Moscow, Nauka Publ., 1983. 527 p. (in Russian).
- Zhukovskaia L.P. (ed.). *Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khраниashchikhsia v SSSR. XI–XIII vv. (Corpus of Slavic-Russian Handwritten Books Stored in the USSR. 11th–13th Centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1984. 406 p. (in Russian).

М.С. Серебрякова

Был ли Прохор Ростовский строителем Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря?

© 2022

УДК 726:72.007(470.12)
ББК 85.11(2)
С32

Поступила в редакцию 14.04.2022

Посвящается памяти Г.М. Прохорова

Утвердившееся в историографии высказанное Н.К. Никольским в его фундаментальном труде [Никольский, 1897. С.24–25] представление о строительстве Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря в 1497 г. ростовскими каменщиками под началом Прохора Ростовского [Никольский, 1897. С.24] не вызывало критики со стороны ни историков архитектуры, ни источниковедов.

Н.К. Никольский, делая свой вывод, основывался на сведениях из 6 рукописей, происходящих из Кирилло-Белозерского монастыря, ныне хранящихся в Российской национальной библиотеке, и выписке из необозначенной при публикации рукописи, (по-видимому, XVII в.), напечатанной в 1850 г. в разделе «Смесь» «Временника Императорского Московского общества истории и древностей российских» [Никольский, 1897. С.24–25]:

1. Соф. библ. 1468, л. 178 об.–179;
2. Имп. публ. библ. Погод. 1554 (Строева № 98), л. 20, 22 об.;
3. Кир. библ. 490–747, л. 449;
4. Имп. публ. библ. Погод. 1566, Q, л. 57;
5. Соф. библ. 501, л. 68 об.–69;
6. Кир. библ. 732–989, XVII в. (1630–1648 г.).
7. Выписка из летописного сборника Кирилло-Белозерского монастыря [Выписка, 1850. С.25].

Суммируя сведения этих источников, Н.К. Никольский пришел к ставшему столь знаменательным выводу о вызове из Ростова в 1497 г. 20 мастеров каменщиков и стенщиков, которым под руководством их главного мастера

Прохора Ростовского было поручено выстроить «церковь каменну» «на место» прежней. Построенная церковь была «великой» по размерам: «в длину от переднего порога до горнего места она имена 12 сажен, в ширину — 10 сажений, а в вышину „от моста до лба“ — 12 сажений, стоимостью стала в 250 рублей, кладка ее стен продолжалась 5 месяцев, освящена она была 8 сентября 1497 г.» [Никольский, 1897. С. 24–25].

Из привлеченных Н.К. Никольским семи рукописных отрывков, повествующих о строительстве Успенского собора, к тому времени опубликованы были только два — один (из рукописи Соф. библ. 501) был приведен самим автором, второй, из неизвестного летописного сборника, был опубликован во «Временнике Императорского Московского общества истории и древностей российских» в 1850 г. [Никольский, 1897. С. 25, примеч. 2]. Датирована к тому времени была только одна рукопись — Кир. библ. 732/489, 1630–1648 гг. [Никольский, 1897. С. 25, примеч. 1].

Как отмечает О.Л. Новикова, Н.К. Никольский в качестве источника по истории строительной деятельности в монастыре привлекал большинство кратких летописцев, но в широкий научный оборот три из них были введены лишь в 1950 г. А.А. Зиминим, опубликовавшим их тексты по сборнику-конволюту Погод. 1554. Кирилло-белозерскими эти летописчики были названы публикатором благодаря сохранившимся в них местным известиям [Новикова, 2008. С. 173].

К настоящему времени прибавились публикации еще четырех из привлекавшихся Н.К. Никольским рукописей, где представлены тексты, связанные со строительством Успенской церкви в Кирилло-Белозерском монастыре [Зимин, 1950. С. 3–39; Казакова, 1961. С. 169–200; Ульяновский, 1994. С. 113–139; Новикова, 2008. С. 173].

Необходимо отметить, что Н.К. Никольский не ставил задач датировки, текстологического и кодикологического обследования доступных ему письменных источников. Суммируя данные из них, он не рассматривал возможные ошибки, неизбежно возникающие при переписывании в последующем протографов.

Таблица 1

Тексты из опубликованных рукописей, использованные Н.К. Никольским для датировки строительства Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря

	Шифр рукописи у Н.К. Никольского, ссылка	Наименование рукописи, шифр	Публикация текста	Текст о строительстве Успенской церкви, примечания
1	Соф. библ. 1468. Л. 178 об.–179. С. 24, примеч. 3–5; С. 25, примеч. 1 [Никольский, 1897. С. 24, примеч. 3–5; С. 25, примеч. 1]	Летописец русский Гурия Тушина, 1523–1526 гг. РНБ. Соф. 1468. Л. 173–179	[Казакова, 1961. С. 200. Л. 178 об.–179]	«В лето 7004 начали ставить в Кирилове монастыре церковь камену, а стала в пять месяц, и лоб железом побили, а стала в полтретья ста рублей, а мастеров было 20 стенщиков, а величество ея от передняго порога до горняго места 12 сажений, // а от мосту до лба 12 сажений, а в ширину 10 сажений».
2	Имп. публ. библ. Погод. 1554 (Строева № 98). Л. 20, 22 об. С. 25, примеч. 2–3 [Никольский, 1897. С. 25. Примеч. 2–3]	Краткий Кирилло-белозерский летописчик, 1530-е гг., не позднее 7045 г. РНБ. Погод. 1554. Л. 20–26 об.	[Зимин, 1950. С. 28. Л. 20]	«В лето 7006 совершена бысть церковь Успения пречистые в Кирилове монастыре. Освещена бысть того же году на Рождество святяя Богородице месяца сентября во 8 день».
3	Кир. библ. 490–747. Л. 449. С. 25, примеч. 2 [Никольский, 1897. С. 25, примеч. 2]	Краткий летописец из кир.-бел. рукописи второй половины XVI в. РНБ. Кир.-Бел. 490/747. Л. 448 об.–449	[Новикова, 2008. С. 216. Л. 449]	«Лѣта 7006 сентября в 8 совершена бысть церковь камена Успение пречистые в Кириловѣ монастырѣ и освящена бысть того же году на Рождество святяя Богородица».
4	Имп. публ. библ. Погод. 1566, Q. Л. 57. С. 24, примеч. 3 [Никольский, 1897. С. 24, примеч. 3]	Летописец Кирилло-Белозерского монастыря, 1604–1617 гг. РНБ. Погод. 1566. Л. 54–61	[Ульяновский, 1994. С. 137. Л. 57]	«Лета 7004-го поставлена быс в Кирилове монастыри церков Успение пречистыя Богородицы. Ставили 5 месяц, стала 250 рублей. Каменщиков и стенщиков — 20 мастеров, болшой был Прохор Ростовской».

	Шифр рукописи у Н.К. Никольского, ссылка	Наименование рукописи, шифр	Публикация текста	Текст о строительстве Успенской церкви, примечания
5	С. 24, примеч. 3 [Никольский, 1897. С. 24, примеч. 3]	Летописный сборник Кир.-Бел. монастыря. Выписка	[Временник, 1850. С. 50. Смесь]	«Лѣта 7004 поставлена бысть въ Кирилови монастыри церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, ставили пять мѣсяцовъ, стала 250 рублевъ, каменщиковъ и стѣнщиковъ 20 мастеровъ, большой былъ Прохоръ Ростовской».
6	Соф. библ. 501. Л. 68 об.–69. С. 25, примеч. 2 [Никольский, 1897. С. 25, примеч. 2]	Келейный летописец 1630-х гг. [Новикова, 2008. С. 176, примеч. 19] РНБ. Соф. 501. Л. 68 об.–69	[Никольский, 1897. С. 25, примеч. 2]	«В лето 7006-е (т.е. 1497) совершена бысть (т.е. закончена) великая церковь Успение Пресвятей Богородицы в Кирилове монастыре и освящена сентября в 8 день».
7	Кир. библ. 732–489. С. 25, примеч. 1 [Никольский, 1897. С. 25, примеч. 1]	Рукопись Кир.-Бел. библиотеки 1630–1648 гг. РНБ. Кир.-Бел. 732/489	[Никольский, 1897. С. 25, примеч. 1]	Датировка рукописи приведена Н.К. Никольским на основании записи «на обороте белого листа», он отмечал, что в этом тексте приведена та же стоимость строительства в 250 рублей, что и в рукописи Соф. библ. 1468 на л. 178 об. [Никольский, 1897. С. 25, примеч. 1]

Сравнение текста выписки из неизвестного кирилловского летописного сборника, опубликованного во «Временнике Императорского Московского общества истории и древностей российских» в 1850 г. [Выписка, 1850. С. 50], с соответствующим отрывком из Летописца Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 гг. на л. 57 в сборнике-конволюте Погодинского собрания (РНБ. Погод. 1566) [Ульяновский, 1994. С. 137], показывает их практически полное сходство и позволяет предположить, что они являются воспроизведением фрагмента одного протографа — некоего летописца Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв.

Таблица 2

Сравнение текста выписки из неизвестного летописного сборника Кирилло-Белозерского монастыря, опубликованного во «Временнике Императорского Московского общества истории и древностей российских» в 1850 г., с соответствующим отрывком из Летописца Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 гг. (РНБ, Погод. 1566)

Выписка из летописного сборника Кирилло-Белозерского монастыря [Выписка, 1850. С. 50]:	Летописец Кирилло-Белозерского монастыря, 1604–1617 гг., отрывок (РНБ. Погод. 1566. Л. 57–57 об.) [Ульяновский, 1994. С. 137]
«Лѣта 7004 поставлена бысть въ Кирилови монастыри церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, ставили пять мѣсяцовъ, стала 250 рублевъ, каменщиковъ и стѣнщиковъ 20 мастеровъ, большой былъ Прохоръ Ростовской».	«Лета 7004-го поставлена бысть в Кирилове монастыри церковь Успение пречистыя Богородицы. Ставили 5 мѣсяцъ, стала 250 рублевъ. Каменщиковъ и стѣнщиковъ — 20 мастеровъ, болшой былъ Прохор Ростовской. В Печерском монастыри, что во Пскове, освящена бысть церковь Успения пречистыя Богородицы августа 15 день в лето 6981-го. В лето ж 7029 иконописец муж благочестив и богобоязлив именем Алексии Псковитин, словомый и Малыи, той написа чудотворный образ пречистыя богородицы честнаго ея успения».
Лѣта 7029 иконописецъ мужъ благочестивъ богобоязливъ, именемъ Алексій Псковитинъ словомый малый, той написа чудотворный образъ Пречистыя Богородицы честнаго ея Успенія».	

Отрывок из рукописи РНБ. Кир.-Бел. 732/489 (не опубликована к настоящему времени) — единственный датированный Никольским текст (1630–1648 гг.). Основанием для этого послужила запись «на обороте белого листа». В тексте рукописи приведена та же стоимость строительства в 250 рублей, что и в Соф. 1468 [Никольский, 1897. С. 25, примеч. 1], правда, в Соф. 1468 (Летописец Гурия Тушина, 1523–1526 гг.) написано «а стала в полтретья ста рублевъ» [Казакова, 1961. С. 200].

Сведем привлеченные Н.К. Никольским тексты, ставшие известными благодаря также публикациям последнего времени, в таблицу 3 и, вслед за Н.К. Никольским, попытаемся определить, какие из них послужили ученому для оказавшегося столь знаменательным в истории архитектуры Русского Севера вывода о том, что Прохор Ростовский был строителем Успенского собора — первой каменной церкви Кирилло-Белозерского монастыря.

Взятые Н.К. Никольским рукописи суммарно содержат 14 фактологических определений, составляющих описание строительства и освящения первой каменной церкви Кирилло-Белозерского монастыря — Успения Богородицы.

Таблица 3
Сравнение сведений из рукописей,
рассматривавшихся Н.К. Никольским

	Составные части текстов	Летописец русский, 1523–1526 гг., РНБ. Соф. 1468 Л. 178 об.–179	Краткий летописчик, 1530-е гг. РНБ. Погод. 1554 Л. 20	Краткий летописец, вторая половина XVI в. РНБ. Кир.-Бел. 490/747 Л. 449	Летописец, 1604–1617 гг. РНБ. Погод. 1566 Л. 57	Летописный сборник Кир.-Бел. монастыря, начало XVII в. Выписка	Келейный летописец, 1630-е гг. РНБ. Соф. 501 Л. 68 об.–69.	Рукопись Кир. библ., 1630–1648 гг. РНБ. Кир.-Бел. 732/489	Выводы Н.К. Никольского
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Начало строительства	В лето 7004 начали ставить							В 1497 году из Ростова было вызвано 20 мастеров <...> было поручено выстроить
2	Время строительства	а стала в пять месяц			Ставили 5 месяц	ставили пять месяцев			продолжалась целых пять месяцев
3	Окончание строительства		В лето 7006 совершена бысть	Лета 7006 сентября в 8 совершена бысть	Лета 7004-го поставлена быс	Лета 7004 поставлена бысть	В лето 7006-е совершена бысть		
4	Освящение		освящена бысть того же году на Рожество святыа Богородице месяца сентября во 8 день	и освящена бысть того же году на Рожество святыа Богородица			и освящена сентября в 8 день		была освящена лишь 8 сентября 1497 года
5	Наименование церкви		церковь Успения пречистые	Успение пречистые	церков Успение пречистыа Богородицы	церковь Успения Пресвятыа Богородицы	Успение Пресвятей Богородицы		
6	Где построена	в Кирилове монастыре	в Кирилове монастыре	в Кирилове монастыре	в Кирилове монастыри	в Кирилове монастыри	в Кирилове монастыре		
7	Особенности архитектуры	и лоб железом побили							об одном куполе
8	Размеры	а величество ея от передняго порога до горняго места 12 сажений, а от мосту до лба 12 сажений, а в ширину 10 сажений					великая церковь		церковь великая; в длину от переднего порога до горнего места она имела 12 сажен, в ширину – 10 сажений, а в вышину «от моста до лба» – 12 сажений
9	Строительный материал	церковь камену		церковь камена					церковь камену «на место» прежней
10	Стоимость строительства	а стала в полтретья ста рублей			стала 250 рублей	стала 250 рублей		250 рублей	250 рублей
11	Число мастеров	а мастеров было 20			20 мастеров	20 мастеров			20 мастеров
12	Стенщики	стенщиков			и стенщиков	и стенщиков			и стенщиков
13	Каменщики				каменщиков	каменщиков			каменщиков
14	Главный мастер				большой был Прохор Ростовской	большой был Прохор Ростовской			под руководством их главного мастера Прохора Ростовского

Из таблицы видно, что семь взятых Н.К. Никольским кирилловских летописцев, представляют два варианта текстов, повествующих о строительстве церкви.

Первый, пространный, сообщает о времени возведения, размерах церкви, стоимости строительства и количестве мастеров (четыре рукописи: Летописец русский 1523–1526 гг., РНБ. Соф. 1468. Л. 178 об.–179; Летописец 1604–1617 гг. РНБ. Погод. 1566. Л. 57; Выписка из летописного сборника Кир.-Бел. монастыря начала XVII в.; Рукопись Кир. библ. 1630–1648 гг. РНБ. Кир.-Бел. 732/489). Причем год начала строительства, 7004, в летописце XVI в. представляется в рукописях XVII в. как год осуществления строительства церкви.

Второй — краткий, скорее всего, не зависящий от первого варианта, сообщает год совершения церкви и дату ее освящения (три рукописи: Краткий летописчик 1530-х гг. РНБ. Погод. 1554. Л. 20; Краткий летописец второй половины XVI в. РНБ. Кир.-Бел. 490/747. Л. 449; Келейный летописец 1630-х гг. РНБ. Соф. 501. Л. 68 об.–69) — 7006 г. и 8 сентября.

Рассмотрим составные части отрывков текстов о строительстве каменной церкви Успения Богородицы.

1. Начало строительства.

Год начала строительства приведен только в рукописи «Летописца русского», 1523–1526 гг. — 7004 (01.09.1495–31.08.1496) г. и в РНБ. Кир.-Бел. 732/489, 1630–1648 гг. Вряд ли строительство было предпринято в начале 7004 (осенью 1495) г. Вероятно, к возведению церкви приступили в один из летних месяцев 7004 г. (т.е. летом 1496 г.), можно предположить, что день закладки церкви был выбран на память прп. Кирилла Белозерского — 9.06.1496 г. или престольного праздника Успения Богородицы — 15.08.1496 г.

Н.К. Никольский отнес начало строительства к 1497 г. (период с 1.01.1497 по 07.09.1497), что в сентябрьском исчислении соответствует 7005 и началу 7006 г. (с 1 по 8 сентября) и не имеет подтверждения в рукописях.

Таким образом, Успенскую каменную церковь в Кирилло-Белозерском монастыре начали возводить летом (9 июня или 15 августа) 1496 г. и 1497 г. нельзя считать годом начала строительства церкви Успения [Подъяпольский, 1989. С. 312, примеч. 14].

2. Время строительства.

Время строительства 5 месяцев приведено в трех источниках: «Летописце русском», 1523–1526 гг., Летописце 1604–1617 гг. и Выписке из летописного сборника Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. Из трех лет 7004 (1.09.1495–31.08.1496), 7005 (1.09.1496–31.08.1497), 7006 гг. (1.09–8.09.1497), под строительство можно отвести теплые месяцы: 2–3 летне-осенних месяца 1496 г. и 2–3 летних месяца 1497 г. плюс 7 дней сентября 1497 г.

Таким образом, строительство велось 5 теплых месяцев 1496 и 1497 гг. Можно предположить, что в 1496 г. был заложен фундамент церкви (предпо-

ложительно, как отмечено выше, 09.06.1496 или 15.08.1496), а в 1497 г. были возведены ее стены.

3. Окончание строительства.

Год окончания строительства церкви — 7006 г. — приведен в трех рукописях: Кратком летописчике 1530-х гг., Кратком летописце второй половины XVI в. и Келейном летописце 1630-х гг. Исходя из того что год начинался 1 сентября, дату окончания строительства должно выбрать из первых дней сентября 1497 г., от 1-го до 8-го числа — дня освящения собора. Это и сделал автор Краткого летописца вт. пол. XVI в. — он уточнил, что церковь совершена и освящена была в одном году, 8 сентября 7006 г., т.е. 8 сентября 1497 г.: «Лѣта 7006 сентября в 8 совершена бысть церковь камена Успение пречистые в Кириловѣ монастырѣ и освящена бысть того же году на Рожество святыя Богородица».

Однако Летописец 1604–1617 гг. (РНБ. Погод. 1566. Л. 57) приводит 7004 г. как год окончания постройки церкви. Возможно, это была описка переписчика, принявшего очертания цифры «S» — 6 за «Д» — 4. Или за неоднократным переписыванием первоначального текста (сравним с текстом из «Летописца русского», 1523–1526 гг.) в течение нескольких десятилетий год начала строительства стал восприниматься как год возведения церкви.

4. Освящение церкви.

На Рождество Богородицы, 8.09.7006, т.е. 8.09.1497. Указано в 3-х рукописях: Кратком летописчике 30-х гг. XVI в., Кратком летописце второй половины XVI в., РНБ. Соф. 501.

5. Наименование церкви.

Успение Пречистой Богородицы — во всех, кроме «Летописца русского», 1523–1526 гг. где она названа «церковь камена».

6. Место строительства.

В Кириллове монастыре, — во всех пяти рукописях.

7. Особенности архитектуры.

«Лоб железом побили» — только в «Летописце русском» 1523–1526 гг. Н.К. Никольский на основании этого делает вывод о том, что церковь Успения имела один купол.

8. Размеры.

Представлены только в Летописце русском 1523–1526 гг.: «Величество ея от передняго порога до горняго места 12 сажений, а от мосту до лба 12 сажений, а в ширину 10 сажений» [Казакова, 1961. С. 200], обозначены, как «великая церковь» — в Келейном летописце 1630-х гг. (РНБ. Соф. 501. Л. 68 об.–69) [Новикова, 2008. С. 176; Никольский, 1897. С. 25, примеч. 2].

9. Строительный материал.

Обозначен только в двух рукописях прилагательным «каменная»: Летописце русском 1523–1526 гг. и Кратком летописце второй половины XVI в. Здесь определение «каменный» является синонимом «кирпичный», так как в язык еще не успело войти определяющее новую строительную технологию на Руси со второй половины XVI в. слово «кирпич».

10. Стоимость строительства.

«Полтретья ста рублей» — в Летописце русском 1523–1526 гг., «250 рублев» — в Летописце 1604–1617 гг., Летописном сборнике начала XVII в., рукописи Кирилловской библиотеки 1630–1648 гг.

11. Количество мастеров.

20 мастеров — в трех рукописях: Летописце русском 1523–1526 гг., Летописце 1604–1617 гг., Летописном сборнике начала XVII в.

12. Мастера стенщики.

Обозначены в трех рукописях: в Летописце русском, 1523–1526 гг., в Летописце 1604–1617 гг. и Летописном сборнике начала XVII в.

13. Мастера каменщики.

Появились вместе с выражением «болшой был Прохор Ростовской» в начале XVII в. в двух рукописях: Летописце 1604–1617 гг. и Летописном сборнике начала XVII в.

14. Строительный мастер.

Выражение «болшой был Прохор Ростовской» появляется в начале XVII в. только в двух рукописях: Летописце 1604–1617 гг. и Летописном сборнике начала XVII в.

Из таблицы видно, что наиболее ранним является отрывок о строительстве Успенской церкви из рукописи РНБ. Соф. 1468 (Летописец русский, 1523–1526 гг.), составителем которой был знаменитый кирилловский книжник Гурий Тушин [Казакова, 1961. С. 19–25]. В нем представлен год начала строительства (не повторенный в последующих четырех более поздних рукописях), в нем не дано название церкви. Отсюда следует, что на тот момент она была единственной каменной в монастыре. Следующая церковь, трапезная каменная во имя Введения Богородицы, была построена и освящена 21 ноября 1519 г. [Никольский, 1897. С. 25].

В рукописи отсутствует дата освящения церкви, что вкупе с выражением «стала в пять месяц» может свидетельствовать о времени написания самого текста в небольшой промежуток времени (несколько дней) между окончанием ее строительства и освящения.

О размерах церкви, отмеченных летописцем, писал С.С. Подъяпольский: «Особенно выделяется Успенский собор своими масштабами. По вместимости это самый крупный из известных нам монастырских храмов Московской Руси, существовавших в конце XV в. О значении, которое придавали современники величине кирилловской монастырской церкви, свидетельствует совершенно уникальный факт приведения ее размеров в местном летописце, составленном свидетелем его строительства Гурием Тушиным: „... а величество ея от передняго порога до горняго места 12 сажений, а от мосту до лба 12 сажений, а в ширину 10 сажений“» [Подъяпольский, 1989. С. 312–313].

Отметим, что для автора текста не была еще очевидной разница в специализации мастеров — они были только «стенщиками». В отрывке из Летописца, написанного в 1604–1617 гг., когда строительная практика в Кирилло-Белозерском монастыре была уже развитой, представлены каменщики, стенщики и строительный мастер.

Встает вопрос почему Гурий Тушин не привел год окончания строительства Успенской церкви? В.И. Ульяновский отмечает, что Гурий Тушин при создании своего летописца использовал более ранние летописцы Кирилло-Белозерского монастыря: 1450-х гг. и первый известный летописец монастыря, написанный в 1501–1510 гг. Германом Пустынником (Подольным) [Казакова, 1961. С. 192–193; Ульяновский, 1994. С. 113; Новикова, 2008. С. 188]. Гурий Тушин умер 8 июля 1526 гг. [Казакова, 1961. С. 172]. Последние авторские записи в его «Летописце русском» относятся к 6993 (смерть Феодора Катата и Феодосия Перхушкова), 7004 (каменной церкви Успения в Кириллове монастыре), 7031 (строительство там же казенной кельи и каменных ворот), 7002 (преставление князя Андрея Васильевича Углицкого) годам и их замыкает запись, относящаяся к 7031 г. (поход великого князя Василия Ивановича на казанского царя) на л. 179 [Казакова, 1961. С. 200]. В этом ряду наполненная чувством восхищения запись современника строительства церкви предстает проходной, переписчик не нашел нужным дополнить ее завершающими сведениями об окончании строительства и освящении, свидетелем чему он, наверно, был. Поэтому вопрос об авторе рассматриваемого нами текста, скорее всего, открыт.

Создателей второго, краткого, варианта текста о строительстве в XVI в. (Краткого летописчика 1530-х гг., РНБ. Погод. 1554, и Краткого летописца второй половины XVI в., РНБ. Кир.-Бел. 490/747) не интересует величина первой каменной церкви монастыря, они не приводят ее размеров, стоимость, число мастеров и их специализацию. В то же время в этих рукописях точно обозначено время окончания строительства церкви и дата ее освящения — 8 сентября 7006 (1497) г.

Через сто лет, в начале XVII в. (имея в основе первый, пространный, вариант текста), Летописец Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 гг., РНБ, Погод. 1566 (вслед за ним неизвестная рукопись начала XVII в.), среди 20 мастеров-стенщиков, строивших Успенскую церковь, выделяет хорошо знакомых по практике обширного каменного строительства XVI–XVII вв. в Кирилло-Белозерском монастыре «каменщиков» и руководителя строительства — «болшой был Прохор Ростовской». Именно этот отрывок из рукописи

РНБ, Погод. 1566 на л. 57 дал основание Н.К. Никольскому говорить о Прохоре ростовском, как представителе ростовских каменных дел мастеров конца XV в.

Однако в этих двух текстах год начала стройки — 7004, представлен как год окончания строительства. Значит, составители этих кирилловских летописцев имели дело с протографом, близким по виду Летописцу русскому 1523–1526 гг., РНБ. Соф. 1468, и вследствие этого им не был известен год завершения работ. Примечательно, что числительное «полтретья ста» рублей было к этому времени вытеснено менее архаичным — «250».

Видимо, к этой группе относится и рукопись 1630–1648 гг., упоминающая эти 250 рублей (РНБ. Кир.-Бел. 732/489).

Этого же времени рукопись келейного летописца 1630-х гг. (РНБ. Соф. 501) входит в группу краткого варианта текста о строительстве Успенской церкви, интересно, что размеры церкви здесь обозначены при помощи прилагательного «великая».

Таким образом, имя «болшой был Прохор Ростовской» представлено только в одной рукописи начала XVII в. — «Летописце Кирилло-Белозерского монастыря, 1604–1617 гг. (РНБ. Погод. 1566. Л. 57).

Рассматривая опубликованные тексты летописцев Кирилло-Белозерского монастыря, мы приходим к следующему выводу: отрывки из рукописей XVI в. не содержат сведений о вызове из Ростова «20 мастеров каменщиков и стенщиков», которым под руководством их главного мастера Прохора Ростовского было поручено выстроить «церковь каменную» [Никольский, 1897. С. 24, примеч. 3].

В статьях 1990–2000-х гг. появились публикации и ссылки на рукописи, с которыми работал Н.К. Никольский, а также представлены сведения о ранее не упоминавшихся рукописях в собраниях ГИМ и СПб ИИ РАН.

В 1994 г. В.И. Ульяновский, публикуя Летописец Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 гг., упомянул рукописи, в которых были названы даты постройки («в лето 7006») и освящения («сентября в 8 день»): РНБ. Погод. 1554. Л. 20; Погод. 1566. Л. 53, 53 об.; Кир.-Бел. 490/747. Л. 449; Соф. 501. Л. 68, 68 об.; Соф. 1468. Л. 178, 178 об.; Кир.-Бел. 732/489; ГИМ. Шук. 652 [Ульяновский, 1994. С. 134, примеч. 102]. В этом перечне просмотренных рукописей автор уточняет сведения неизданных отрывков о строительстве «в лето 7006» и освящения «сентября в 8 день» для Кир.-Бел. 732/489 и ГИМ. Шук. 652.

В 1998 г. и 2008 г. были опубликованы еще два текста, говорящие о строительстве Успенской церкви Кирилло-Белозерского монастыря: М.Н. Шаромазов привел текст отрывка из рукописи архива СПб ИИ РАН. Ф. 11. № 249 [Шаромазов, 1998. С. 236]; публикация О.Л. Новиковой «Летописца русского» 1530-х гг. [Новикова, 2008. С. 172–234] содержит не привлекавшийся ранее текст о строительстве церкви [Новикова, 2008. С. 216].

Представим в хронологической последовательности (таблица 4) известные к настоящему времени тексты о строительстве Успенской церкви из десяти летописных сборников Кирилло-Белозерского монастыря, составленных или переписанных в XVI–XVII вв.

Таблица 4

Фрагменты рукописных текстов, в которых помещены сведения о строительстве Успенской церкви в Кирилло-Белозерском монастыре

[Временник, 1850. Кн. 8. С. 50. Смесь; Никольский, 1897. С. 20, примеч. 1; С. 24, примеч. 3; С. 25, примеч. 1; С. 27, примеч. 4, 6–7; С. 28, примеч. 1–2; Зимин, 1950. С. 3–39; Казакова, 1961. С. 169–200; Ульяновский, 1994. С. 113–139. Публ.: с. 136–139; Новикова, 2008. С. 172–234; Шаромазов, 1998. С. 236]

Рукопись, шифр	Публикация, литература	Текст о строительстве Успенской церкви, примечания
Летописец русский, 1523–1526 гг. РНБ. Соф. 1468. Л. 173–179	[Казакова, 1961. С. 169–200] [Никольский, 1897. С. 24, примеч. 3; Ульяновский, 1994. С. 113, 134; Новикова, 2008. С. 188, 204–205]	[Казакова, 1961. С. 198. (Л. 173 об.–174)]: ...В лето 6/834 августа 4 заложена бысть церковь на Москве святая богородица Успение болшая. Того же лета убили в Орде князя Дмитрия Михайловича. Тое же зимы преставися Петр митрополит декабря 22. В лето 6835 священна бысть церковь на Москве Успение святая богородица Прохором Ростовъским. Того же лета убили в Твери Щелкана, посла царева. В лето 6836 князь великы Иоан Калита Данилович седе на великом княжении. Тое же зимы прииде на Русь митрополит Феогност. В лето 6848 поиде в Орду князь великий Иоан Данилович Калита... [Казакова, 1961. С. 200. Л. 178 об.–179]: «В лето 7004 начали ставить в Кирилове монастыре церковь камену, а стала в пять месяц, и лоб железом побили, а стала в полтретья ста рублей, а мастеров было 20 стенщиков, а величество ея от передняго порога до горняго места 12 сажений, // а от мосту до лба 12 сажений, а в ширину 10 сажений».
Летописец русский, 1530-е гг. РНБ. Погод. 1566. Л. 48–53 об.	[Новикова, 2008. С. 211–216] Ульяновский, 1994. С. 114, 134; Новикова, 2008. С. 177, 186–198]	[Ульяновский, 1994. С. 212. (Л. 48 об.)]: ... В лѣто 6834 августа 4 заложена бысть церковь на Москвѣ святая Богородица Успенье болшая. Того же лѣта убии в Ордѣ князя Димитриа Михаиловича. Тое же зимы преставися Петр митрополит декабря 22. В лѣто 6835 священна бысть церковь на Москвѣ // [Продолжение: Ульяновский, 1994. С. 215. Л. 53.] Успение святая Богородица Прохором Ростовъским. Того лѣта убили во Твери Щолкана посла цесарева. В лѣто 6836 князь велики Иван Калита Даниловичъ съде на великом княженъе. Тое же зимы прииде на Русь митрополит Феогност. ... [Ульяновский, 1994. С. 216. (Л. 53 об.)]: «В лѣто 7004 почали ставити в Кириловѣ монастырѣ церковь камену, а стала в пять месяцъ и лоб желѣзом побили, а стала полтретья ста рублей» (вдоль левого поля практически срезанная запись о размерах Успенского собора. — Новикова О.Л.).

Рукопись, шифр	Публикация, литература	Текст о строительстве Успенской церкви, примечания
Краткий Кирилло-Белозерский летописчик Сергия Климина, 1530-е гг. РНБ. Погод. 1554. Л. 19–25 об.	[Зимин, 1950. С. 27–31. № 4. 30-е гг. XVI в.] [Никольский, 1897. С. 25, примеч. 2; Зимин, 1950. С. 7–8; Ульяновский, 1994. С. 113–114, 134; Новикова, 2008. С. 173, 177–186, 198]	[Зимин, 1950. С. 27–28. (Л. 20–20 об.)]: В лето 6701 преставись Варлам Хутынскы чудотворец месяца ноября 6 день. В лето 6984 в неделю сыропустую темень была, утре росвело и померчь и бысть, яко ночь, пол часа или меньшь. В лето 6985 месяца мая 1 преставись игумень Пахнутей Боровски. В лето 7006 совершена бысть церковь Успения пречистые в Кирилове монастыре. Освящена бысть того же году на Рождество святых Богородице месяца сентября во 8 день. И того же году месяца декабря 23 на память святых мученик 10, иже // в Крите, преставись старец Давыд, брат игум[ен]//а Макариа. В лето 7011 бысть собор на попов на вдовьцов...
Краткий летописец, вторая половина XVI в. РНБ. Кир.-Бел. 490/747. Л. 448 об.–449	[Новикова, 2008. С. 216] [Никольский, 1897. С. 25, примеч. 2; Ульяновский, 1994. С. 134, примеч. 102]	[Новикова, 2008. С. 216. (Л. 448 об.–449)]: Лѣта 6834 декабря 12 преставися Петр митрополит. Лѣта 6885 февраля 12 преставитя Алексѣи митрополит. Лѣта 6900 сентября 25 преставися преподобнии Сергие. Лѣта 6935 преставися Кирил чудотворец Белозерским. Лѣта 6884-го в неделю сырную темно было, а утре свѣтло и померче, и бысть яко ночь полчасы или менши. Лѣта 6985-го маиа в 1 преставися игумен Пахнутии Боро//вский чудотворец. Лѣта 7006 сентября в 8 совершена бысть церковь камена Успение пречистые в Кириловѣ монастырѣ и освящена бысть того же году на Рождество святых Богородица. Лѣта 6091-го генваря 12 преставися старец Мартемьян Ферापонтовскии. Лѣта 7017-го маиа в 7 преставил(ся) Нил старец. Лѣта 7065-го августа 2 преставися Василеи Нагои Христа ради уродивый московский новый чудотворец и чудеса учал творити 96-го году того же месяца августа в 2 день.
Келейный летописец 1630-х гг. РНБ. Соф. 501. Л. 68 об.–69	[Никольский, 1897. С. 25, примеч. 2] [Ульяновский, 1994. С. 134, примеч. 102; Новикова, 2008. С. 176, примеч. 19]	«В лето 7006-е (т.е. 1497) совершена бысть (т.е. закончена) великая церковь Успение Пресвятей Богородицы в Кирилове монастыре и освящена сентября в 8 день».
Кир.-Бел. редакция летописного Сокращенного свода, конец XVI в. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 11. № 249. Л. 100–102	[Шаромазов, 1998. С. 236] [Новикова, 2008. С. 204–205; Ульяновский, 1994. С. 114; Новикова, 2008. С. 236]	[Шаромазов, 1998. С. 236. Л. 101 об.]: «Лета 7004 почали ставити церковь в Кирилове монастыре каменую Успения Богородицы, а поставили в пять месяцев, а стала в пол-третья ста рублей, а мастеров было стенщиков 20, а был большой мастер Прохор Ростовской». (Текст аналогичный РНБ. Погод. 1566. Л. 54–61. 1604–1617 гг. С. 137. Л. 57. — <i>Серебрякова М.С.</i> .)

Рукопись, шифр	Публикация, литература	Текст о строительстве Успенской церкви, примечания
Летописец Кир.-Бел. монастыря, 1604–1617 гг. РНБ. Погод. 1566. Л. 54–61	[Ульяновский, 1994. С. 136–139] [Никольский, 1897. С. 24, примеч. 3; Ульяновский, 1994. С. 113–139; Шаромазов, 1998. С. 236]	[Ульяновский, 1994. С. 137. Л. 57–57 об.] (на л. 57 только эта запись. — <i>Ульяновский В.И.</i>): «Лета 7004-го поставлена быс в Кирилове монастыри церков Успение пречистых Богородицы. Ставили 5 месяц, стала 250 рублей. Каменщиков и стенщиков— 20 мастеров, болшой был Прохор Ростовской. В Печерском монастыри, что во Пскове, освящена бысть церкви Успения пречистых Богородицы августа 15 день в лето 6981-го. В лето ж 7029 иконописец муж благочестив и богобоязлив именем Алексии Псковитин, словомый и Малыи, тои написа чудотворный образ пречистых богородицы честнаго ея успения».
Летописный сборник Кир.-Бел. монастыря, начало XVII в.	[Временник, 1850] [Никольский, 1897. С. 24, примеч. 3]	Выписка из летописного сборника Кирилло-Белозерского монастыря: Лѣта 7004 поставлена бысть въ Кирилови монастыри церковь Успения Пресвятыя Богородицы, ставили пять мѣсяцовъ, стала 250 рублей, каменщиковъ и стѣнщиковъ 20 мастеровъ, большой был Прохоръ Ростовской. Лѣта 7029 иконописецъ мужъ благочестивъ богобоязливъ, именемъ Алексій Псковитинъ словомый малый, той написа чудотворный образъ Пречистые Богородицы честнаго ея Успения. (Рукопись не опубликована, местонахождение неизвестно. Текст схож с Летописцем Кирилло-Белозерского монастыря, 1604–1617 гг. Л. 57. — <i>Серебрякова М.С.</i>)
Рукопись Кир. библ., 1630–1648 гг. РНБ. Кир.-Бел. 732/489	[Никольский, 1897. С. 25, примеч. 1; Ульяновский, 1994. С. 134, примеч. 102]	[Никольский, 1897. С. 24–25]: «стоимость ее / достигала 250 рублей»; [Никольский, 1897. С. 25, примеч. 1]: «Рукоп. Соф. библ. 1468, л. 178 об. — Рукоп. Кир. библ. 732–489, XVII в. (1630–1648 г.), см. на обороте белого листа».
Кирилло-Белозерский летописец монастыря, 1641 г. (до 1649 г.? — <i>Серебрякова М.С.</i>) ГИМ. Щук. 652 (Летописные записи из сборника-конволюта)	[Ульяновский, 1994. С. 114, 115, 124–126, 134, примеч. 102]	[Ульяновский, 1994. С. 114]: Особо следует отметить кирилло-белозерский летописец в собрании Щукина (ГИМ. Щук. 652). Как и ГПБ. Погод. 1566 (1604–1617 гг. — <i>Серебрякова М.С.</i>) он начинается списком игуменов, доведенным (с дополнениями) до 1649 г., затем идут летописные заметки исключительно по истории монастыря. Некоторые из них сходны с публикуемым нами летописцем. [Ульяновский, 1994. С. 115]: В ряду названных выше кирилло-белозерских летописцев публикуемый летописец начала XVII в. (РНБ. Погод. 1566. Л. 54–61. Летописец Кирилло-Белозерского монастыря, 1604–1617 гг. — <i>Серебрякова М.С.</i>), содержащий в основном сведения о современных событиях, не имеет аналогов. Он оригинален даже в описании некоторых фактов местной истории (нескольких схожих по содержанию известий в рукописи ГИМ. Щук. 652). [Ульяновский, 1994. С. 126]. Таким образом, исследуя взаимосвязь двух кирилло-белозерских летописцев в рукописных сборниках ГИМ. Щук. 652 (список середины XVII в.) и ГПБ. Погод. 1566, можно уверенно говорить лишь о том, что второй был фактическим продолжением, «преемником» первого (оригинал которого утрачен) в традиционной цепи кирилло-белозерского летописания. Это, так сказать, объективная взаимозависимость указанных литературных памятников.

Еще раз сведем в таблицу фактологические сведения о строительстве Успенской церкви, дополнив их новыми данными из трех рукописей XVI–XVII вв.: РНБ. Погод. 1566. Л. 53 об.; СПб ИИ РАН. Ф. 11. № 249. Л. 101 об.; ГИМ. Щук. 652.

Таблица 5
Сравнение сведений о строительстве Успенской церкви из рукописей XVI–XVII вв.

	Сведения из текстов	Летописец русский, 1523–1526 гг. РНБ. Соф. 1468 Л. 178 об.–179	Летописец русский, 1530-е гг. РНБ. Погод. 1566 Л. 53 об.	Краткий летописчик, 30-е гг. XVI в. РНБ. Погод. 1554 Л. 20	Краткий летописец, вторая половина XVI в. РНБ. Кир.-Бел. 490/747 Л. 449	Сокращенный свод, конец XVI в. СПб ИИ РАН. Ф. 11. № 249 Л. 101 об.	Летописец, 1604–1617 гг. РНБ. Погод. 1566 Л. 57	Выписка из Летописного сборника Кир.-Бел. монастыря, начало XVII в.	Келейный летописец, 1630-е гг. РНБ. Соф. 501. Л. 68 об.–69	Рукопись Кир. библ., 1630–1648 гг. РНБ. Кир.-Бел. 732/489	Кир.-Бел. летописец, 1641 г. ГИМ. Щук. 652
	1	2(2*)	3	4(3)	5(4)	6	7(5)	8(6)	9(7)	10(8)	11
1	Начало строительства	В лето 7004 начали ставить	В лето 7004 почали ставити			Лета 7004 почали ставити					
2	Время строительства	а стала в пять месяц	а стала в пять месяц			а поставили в пять месяцев	Ставили 5 месяц	ставили пять месяцев			
3	Окончание строительства			В лето 7006 совершена бысть	Лета 7006 сентября в 8 совершена бысть		Лета 7004-го поставлена быс	Лета 7004 поставлена бысть	В лето 7006-е совершена бысть		В лето 7006
4	Освящение			Освящена бысть того же году на Рожество святыя Богородице месяца сентября во 8 день	и освящена бысть того же году на Рожество святыя Богородица				и освящена сентября в 8 день		сентября в 8 день
5	Наименование церкви			церковь Успения пречистые	Успение пречистые	церковь <... > Успения Богородицы	церков Успение пречистыя Богородицы	церковь Успения Пресвятыя Богородицы	Успение Пресвятей Богородицы		
6	Где построена	в Кирилове монастыре	в Кирилове монастыре	в Кирилове монастыре	в Кирилове монастыре	в Кирилове монастыре	в Кирилове монастыре	в Кирилови монастыри	в Кирилове монастыри		
7	Особенности архитектуры	и лоб железом побили	и лоб железом побили								
8	Размеры	а величество ея от передняго порога до горняго места 12 сажней, а от мосту до лба 12 сажней, а в ширину 10 сажней	(вдоль левого поля практически срезанная запись о размерах Успенского собора. — Новикова О.Л.)						великая церковь		
9	Строительный материал	церковь камену	церковь камену		церковь камена	каменую					
10	Стоимость строительства	а стала в полтретья ста рублей	а стала в полтретья ста рублей			а стала в полтретья ста рублей	стала 250 рублей	стала 250 рублей		250 рублей	
11	Число мастеров	а мастеров было 20				а мастеров было	20 мастеров	20 мастеров			
12	Стенщики	стенщиков				стенщиков 20	и стенщиков	и стенщиков			
13	Каменщики						Каменщиков	каменщиков			
14	Главный мастер					а был большой мастер Прохор Ростовской	большой был Прохор Ростовской	большой был Прохор Ростовской			

Как видим, два кирилловских летописца 1530-х гг. и конца XVI в., не известных Н.К. Никольскому (РНБ. Погод. 1566. Л. 48–53 об. [Новикова, 2008. С. 211–216] и СПб ИИ РАН. Ф. 11. № 249 [Шаромазов, 1998. С. 236]), представляют первый, пространный вариант текста о строительстве Успенской церкви. Третий, также не известный Н.К. Никольскому, текст принадлежит кирилло-белозерскому летописцу, входящему в состав рукописи 1641 г. из собрания Щукина (ГИМ. Щук. 652). В.И. Ульяновский считает, что этот летописец был составлен до 1606 г. [Ульяновский, 1994. С. 114, 124–126]. Он представляет второй, краткий, вариант описания строительства, куда входят три летописи: Погод. 1554, Кир.-Бел. 490/747, Соф. 501.

Нам интересен относящийся к концу XVI в. Сокращенный летописный свод из сборника-конволюта, принадлежавшего Матфею Никифорову (Сокращенный свод, конец XVI в. СПб ИИ РАН. Ф. 11. № 249). Этот летописный текст переписан в нескольких тетрадях, которые могут быть датированы концом XVI в. [Новикова, 2008. С. 204–205]. Выражения «лета 7004 почали ставити», «а стала в полтретья ста рублев», «стенщиков 20» отражают использование как протографов текстов первой половины XVI в.

Но главное — здесь мы видим самое раннее упоминание о том, что «а был большой мастер Прохор Ростовской» (Сокращенный свод, конец XVI в. СПб ИИ РАН. Ф. 11. № 249. Л. 101 об.) [Шаромазов, 1998. С. 236]. Несколько позднее имя Прохора Ростовского, как «большого», т.е. руководителя строительства, повторяется еще в двух рукописях XVII в.: Летописце 1604–1617 гг. (РНБ. Погод. 1566. Л. 57) и выписке из Летописного сборника Кир.-Бел. монастыря начала XVII вв. (см. таблицы 4 и 5).

Однако имя «Прохор Ростовский» встречается ранее в трех кирилловских летописцах XV–XVI вв. как имя епископа Прохора Ростовского, возглавлявшего Ростовскую епархию в 1311–1328 гг., († 1328, память его читается 7 сентября): 1) Краткий Кирилло-Белозерский летописчик, середина XV в.; 2) Летописец русский, 1523–1526 гг.; 3) Летописец русский, 1530-е гг.

Таблица 6

Летописцы Кирилло-Белозерского монастыря о строительстве Успенской церкви в Москве и Кирилло-Белозерском монастыре (рукописи XVI–XVII вв.)

[Временник, 1850. Кн. 8. С. 50. Смесь; Никольский, 1897. С. 20, примеч. 1; С. 24, примеч. 3; С. 25, примеч. 1; С. 27, примеч. 4, 6–7; С. 28, примеч. 1–2; Зимин, 1950. С. 3–39; Казакова, 1961. С. 169–200; Ульяновский, 1994. С. 113–139. Публикация: С. 136–139; Новикова, 2008. С. 172–234; Шаромазов, 1998. С. 236].

Рукопись, шифр	Публикация, литература	Текст о строительстве Успенской церкви, примечания
Краткий Кирилло-Белозерский летописчик, середина XV в. РНБ. Погод. 1554. Л. 13–17	[Зимин, 1950. С. 22–27] [Зимин, 1950. С. 6–7; Ульяновский, 1994. С. 113; Новикова, 2008. С. 173–174]	[Зимин, 1950. С. 23–24. (Л. 13 об.–14)]: ... Того же лета (6819) Прохор поставлен бысть.// Того же лета (6834) заложена бысть церковь на Москве святая богородица август[та] 4. Тое же зимы престависсь Петр митрополит дек[абря] 20. В лето 6835 священна бысть церковь на Москве святая богородица Успенье Прохо[ро]м епископъ. Того же лета Шелкана убили на Тфире. [...] Того же в лето (6836) сеп[темврия] 7 престависсь Прохор епископ. Тое же зимы приеха митрополит Фегнаст...
Летописец русский, 1523–1526 гг. РНБ. Соф. 1468 Л. 173–179	[Казакова, 1961. С. 169–200] [Никольский, 1897. С. 24, примеч. 3; Ульяновский, 1994. С. 113, 134; Новикова, 2008. С. 188, 204–205]	[Казакова, 1961. С. 198. (Л. 173 об.–174)]: ... В лето 6/834 августа 4 заложена бысть церковь на Москве святая богородица Успение болшая. Того же лета убили в Орде князя Дмитрия Михайловича. Тое же зимы престависся Петр митрополит декабря 22. В лето 6835 священна бысть церковь на Москве Успение святая богородица Прохором Ростовьским. Того же лета убили в Твери Шелкана, посла царева. В лето 6836 князь велики Иоан Калита Данилович седе на великом княжении. Тое же зимы прииде на Русь митрополит Феогност. В лето 6848 поиде в Орду князь великий Иоан Данилович Калита... [Казакова, 1961. С. 200. Л. 178 об.–179]: «В лето 7004 начали ставить в Кирилове монастыре церковь камену, а стала в пять месяц, и лоб железом побили, а стала в полтретья ста рублев, а мастеров было 20 стенщиков, а величество ея от передняго порога до горняго места 12 сажений, // а от мосту до лба 12 сажений, а в ширину 10 сажений».
Летописец русский. 1530-е гг. РНБ. Погод. 1566. Л. 48–53 об.	[Новикова, 2008. С. 211–216] [Ульяновский, 1994. С. 114, 134; Новикова, 2008. С. 177, 186–198]	[Ульяновский, 1994. С. 212. (Л. 48 об.)]: ... В лето 6834 августа 4 заложена бысть церковь на Москвѣ святая Богородица Успенье болшая. Того же лета убили в Орде князя Димитрия Михайловича. Тое же зимы престависся Петр митрополит декабря 22. В лето 6835 священна бысть церковь на Москвѣ // [Продолжение: Ульяновский, 1994. С. 215. Л. 53.] Успение святая Богородица Прохором Ростовьским. Того лета убили во Твери Шолкана посла цесарева. В лето 6836 князь велики Иван Калита Данилович седе на великом княжене. Тое же зимы прииде на Русь митрополит Феогност. ... [Ульяновский, 1994. С. 216 (Л. 53 об.)]: В лето 7004 почали ставити в Кириловѣ монастырѣ церковь камену, а стала в пять месяц и лоб желѣзом побили, а стала полтретья ста рублев» (вдоль левого поля практически срезанная запись о размерах Успенского собора. — Новикова О.Л.).

Проход Ростовский упоминается здесь как епископ, освящавший новую каменную церковь Успения Богородицы, заложенную 4 августа 1326 г. митрополитом Петром на Москве на месте прежнего деревянного храма. Митрополит Петр преставился 22 декабря 1326 г., был положен в церкви, им основанной. До прихода на Русь поставленного в Константинополе очередного греческого митрополита Феогноста в 1328 г., епископ Проход Ростовский, по-видимому, возглавлял русскую церковь. 14 августа 1327 г. освятил в Москве собор в честь Успения Богородицы, строительство которого было начато 4 августа 1326 г., при митрополите Петре, князем Иваном Даниловичем Калитой¹.

Обращает на себя внимание употребление в этих трех летописных текстах двух знакомых нам устойчивых словосочетаний — «Проход Ростовский» и «Успенская церковь», но они относятся не к Кириллову монастырю, а к Москве, к событию, происходившему не в конце XV в., а 14 августа 1327 г. Показательно, что в этих текстах Проход Ростовский вспоминается только один раз — при освящении московской Успенской церкви.

Поэтому представляется, что при написании где-то в конце XVI в. очередного кирилловского летописчика (возможно, Сокращенного свода конца XVI в., СПб ИИ РАН. Ф. 11. № 249. Л. 101 об.) переписчик отнес словосочетания «освящение Успенской церкви» и «Проход Ростовский» не к московской Успенской церкви, а к Успенской церкви Кирилло-Белозерского монастыря. Позднейшие же переписчики закрепили эту «контаминацию» в рукописях XVII в., благодаря чему «родился» мифический Проход Ростовский — «большой мастер» при строительстве Успенской церкви в 1497 г. в Кирилло-Белозерском монастыре.

Насколько это возможно?

Обратимся благодаря исследованиям последнего времени, прежде всего В.И. Ульяновского и О.Л. Новиковой, к традициям составления и написания кирилловских летописцев. В сборники, составлявшиеся здесь, «их владельцы вносили отдельные летописные записи и целые летописцы небольшого объема. Чаще всего эти летописцы включали важные для их составителей известия о событиях общерусского значения, а также о знаменательных событиях из монастырской жизни». «Текстуальная связь кратких летописчиков, которую выявили исследователи, позволяет и предполагать наличие общих источников, которыми пользовались книжники, и говорить об их взаимодействии между собой». Изучение лишь небольшого комплекса памятников, отражающих келейное летописание, показывает, что процесс составления и записи летописных сообщений был в монастыре постоянным. Фиксация книжниками

¹ Проход († 7.09.1328) — епископ Ростовский, предполагаемый автор Жития митрополита Петра и похвального ему слова. Проход был поставлен в епископы ростовские митрополитом Петром в 1311 г. После смерти митрополита Петра (21.12.1326) до приезда на Русь митрополита Феогноста (1328 г.), по-видимому, возглавлял русскую церковь. 14 августа 1327 г. освятил в Москве собор в честь Успения Богородицы, строительство которого было начато 4 августа 1326 г., при митрополите Петре, князем Иваном Даниловичем Калитой [Проходов, 1987. С. 381–382].

происходящего шла параллельно с их обращением к прошлому монастыря и государства. Отрывочные летописные записи не только вносились на свободные листы богослужебных книг, но и включались в другие летописцы, которые позднее объединялись и дополнялись [Ульяновский, 1994. С. 114, 120–121, 134; Новикова, 2008. С. 173, 177, 186–188, 204–206, 211–216].

Не исключено, что в этом живом взаимообмене рукописями, отдельными листами, полученными при расшивке кодексов, переписке составлявших их текстов, последующем составлении новых сборников могли появиться ошибки, связанные с новым расположением листов из старых сборников, или возникших благодаря схожести отдельных частей текстов, использованию в них однотипных словесных конструкций.

Примечательна судьба рукописи в 6 листов с текстом «Летописца русского» 1530-х гг. (РНБ. Погод. 1566. Л. 48–53 об.). Она входит в состав сборника РНБ. Погод. 1566 и «представляет собой не целостный памятник, а летописные фрагменты, замкнутые в пределах одной тетради». Ранее находилась в составе сборника Соф. 1462 до ознакомления с ним П.М. Строева. До включения в сборник Соф. 1462 рукопись какое-то время существовала самостоятельно, а затем между 1533 и 1539 г. была переплетена вместе с другими, более ранними, тетрадями, образовав тем самым конволют (Соф. 1462), находившийся в Кирилло-Белозерском монастыре [Ульяновский, 1994. С. 114, 120–121, 134; Новикова, 2008. С. 173, 177, 186–188, 204–206, 211–216].

Состав летописных записей интересующей нас тетради из рукописи Погод. 1566 (Л. 48–53 об.) определяет О.Л. Новикова: «В основу текста был положен Летописец Гурия Тушина, хранившийся в монастыре, ряд записей был внесен на основании других летописей из монастырской библиотеки, кроме того, сами монахи вносили записи о событиях, свидетелями которых они были, или о которых становилось известно в обители». Книжник вносил записи на листе на свободные от текста места, часто без учета хронологической привязки. Черновые тетради, в создании которых нередко принимал участие не один книжник, позднее могли быть использованы при создании других летописцев или для их дополнения.

Летописные записи занимают 6 листов, что позволяет предполагать, что они составляют законченную тетрадь, записи в которой носят черновой характер. Основной текст, соответствующий Летописцу Гурия Тушина, занимает один развернутый лист тетради (л. 1-й и 6-й), текст здесь хронологически последователен, начинается с заголовка «Летописец русский», и доведен до известия 7004 г. о строительстве в Кириллове Успенского собора. Эти два листа переписаны одним почерком, основным, почерком создателя и первого владельца тетради [Новикова, 2008. С. 189, 198].

Именно в этой тетради на л. 53 сверху помещены слова, соответствующие словосочетаниям «Успенская церковь», «Проход Ростовский» — «Успение святая Богородица» и «Проходом Ростовским», а на л. 53 об. снизу — текст о начале строительства в Кириллове монастыре в 7004 г. «каменной церкви».

Приведем текст летописца постранично.

Разворот: л. 48 (1), 48 об. (1 об.) — 53 (6), 53 об. (6 об.)

Л. 48	Л. 48 об.	Л. 53	Л. 53 об.
<p>Летописец руский. Первыи князь Рюрик, а сын его Игорь; Святослав, Всеволод, Володимир Маномох, Юрьи, Всеволод. От сего московские князи, Ярослав, Александр Великий, Данило, Иван Калита, Иван, Дмитрие Доньской, Василеи, Василеи, Иван, Иван, Дмитрие, Василеи, Иван.</p> <p>В лето 6371 седе Рюрик в Новеграде, а Синус на Белеозере, а Тривур во Избрьске, Аскольд же и Дир в Киеве.</p> <p>В лето 6496 крестися Владимир во граде в Херсоне, взя за себя Анну, сестру царя Востянтина и Василья креческия, а идолы потребил и сам всю Рускую землю крестил.</p> <p>В лето 6523 преставися князь велики Владимир, был по крещении 28 лет. Того же лета Святополк начати избивати братью свою: стятаго Бориса и Глеба.</p> <p>В лето 6527 прогна Ярослав Святополка и седе в Киеве.</p> <p>В лето 6553 при князе Ярославе заложена бысть церкви Святая Софеи.</p> <p>В лето 6562 преставися князь велики Ярослав.</p>	<p>В лето 6082 мая 3 преставися Феодосеи игумен Печерьски.</p> <p>В лето 6702 генваря 20 бысть замены на небеси: 3 солнца на востоце, а на западе 4-е, а среди небеси аки месяц подобен дузе; и стояста от утра даже до полудни.</p> <p>В лето 6788 Леонтие епископ пренесен бысть и священа церковь.</p> <p>В 6745 бысть Батыевщина и убьен бысть от Угорского краля крестника Савы Сербьскаго.</p> <p>В лето 6816 поставлен бысть Петр митрополит на Русь Афонасьем патриархом Цариграда.</p> <p>В лето 6829 июня 29 во 3 час дне гибость солнцу бысть: яко 2-ю день бысть на люди.</p> <p>В лето 6834 августа 4 заложена бысть церковь на Москвѣ святая Богородица Успенье болшая. Того же лета уби в Ордь князя Димитрия Михайловича. Тое же зимы преставися Петр митрополит декабря 22.</p> <p>В лето 6835 священна бысть церковь на Москве.</p>	<p>Успение святых Богородица Прохором Ростовским. Того лета убили во Твери Щолкана посла цесарева.</p> <p>В лето 6836 князь велики Иван Калита Данилович съде на великом княженье. Тое же зимы прииде на Русь митрополит Феогност.</p> <p>В лето 6849 преставися князь Иван Калита.</p> <p>В лето 6862 поставлен Алексеи митрополит.</p> <p>В лето 6865 Алексеи митрополит ходил в Орду и царицы очи исцелил Христовою благодатию.</p> <p>В лето 6068 седе на царстве Ходырь и дасть княжение великому князю Дмитрею Ивановичю.</p> <p>В лето 6885 февраля 12 преставися митрополит Алексие, пас церковь Божью 23.</p> <p>В лето 6888 бысть сия: князь велики Дмитрие за Доном побил Мамаю, а тогды было Благовещенье на Пасху.</p> <p>В лето 6889 на праздник Възнесения Господня прииде из Царяграда на Русь Киприян митрополит.</p> <p>В лето 6890 прииде Тахтамышь на Русь и Москву, взял августа 20 и много зла сотворил граду.</p>	<p>В лето 6942 марта 14 преставися Христофор игумен Кириловский.</p> <p>Того же лета преставися князь Юрье Дмитриевич.</p> <p>В лето 945 поимал князь велики Василеи на бою князя Василья Косово.</p> <p>В лето 961 преставися великая княгини Софья.</p> <p>Того же лета преставися князь Дмитрие Шемяка в Новеграде.</p> <p>В лето 6063 убьен бысть от гогоulich епископ Питирим Пермьски.</p> <p>В лето 953 июня 7 бысть бои под Суздадем.</p> <p>В лето 6969 марта 31 преставися Иона митрополит, а держал митрополию пол пятнацата года.</p> <p>В лето 970 преставися князь велики Василеи Васильевич.</p> <p>В лето 6986 февраля 2 постригл Нифонт великую княгиню Марфу.</p> <p>В лето 6987 постригл Нифонт Гурья Тушина да Дорофея в неделю на обедне на выходе. Тое же осени постригл Нифонт Луку Соловарова.</p> <p>В лето 6989 княгини великая Софья была в Кирилове монастыре.</p> <p>В лето 991 князь велики Иван Иванович женился, понял Волошанку Олену. Того же лета ходили</p>

Л. 48 (продолжение)	Л. 53 (продолжение)	Л. 53 об. (продолжение)
<p>В лето 6580 Ярославли дети: Изяслав, Святослав, Всеволод принесоша мощи святых мученик Бориса и Глеба мая в 2.</p>	<p>В лето 896 мая 19 преставися князь велики Дмитрие Иванович.</p> <p>В лето 6900 сентября 25 преставися преподобный Сергие. Тое же осени выиде из Орды князь велики Василеи Дмитриевич и седе на великом княженье.</p> <p>В лето 903 ноября 28 преставися Феодор архиепископ Ростовски.</p> <p>В лето 6935 преставися Кирил чудотворец белозерьски, а жил лет 90.</p> <p>В лето 930 преставися преподобный Никон игумен троечки ноября 17.</p>	<p>старци болшие 15 из Кирилова, а пошли по Ильине дни, а пришли в Велики пост в третью неделю в свои кельи по грамоте князя Михаила Андреевича.</p> <p>В лето 7004 почали ставити в Кириловѣ монастыре церковь камену, а стала в пять месяц и лоб железом побили, а стала полтретья ста рублев (вдоль левого поля практически срезанная запись о размерах Успенского собора. — Новикова О.Л.).</p>

Разворот: л. 49 (2), 49 об. (2 об.) — 52 (5), 52 об. (5 об.)

Л. 49	Л. 49 об.	Л. 52	Л. 52 об.
<p>В лето 7037. Был князь велики Василеи Иванович с великою княгинею Еленою в Кирилове декабря 17 день.</p> <p>В лето 7011 бысть собор на попов на вдовцов.</p> <p>В лето 7029 июля 28 на память святых апостол Прохора приходил царь Магмет Киреи Мингиреев сын з своим сыном с Салтаном Богатырем, а было люди с ним сто тысяч да с ним воевода короля литовского Остафеи Дашкович с людьми.</p> <p>В лето 7038 августа 25 родися великому князю Василью сын князь Иван от великие княгини Елены.</p>	<p>церковь Иоанна Предтечу и придел Кирила чудотворца лета 7042-го августа во 8.</p> <p>Лета 7042 месяца декабря 4 день преставися благоверный князь велики Василеи Иванович всея Руси, наречены во мнишеском чину Варлаам.</p>	<p>В лето 6986 генваря 29 в четверток на Масленой недели взял князь велики Иван Васильевич Новгород Велики.</p> <p>В лето 7002-го преставися князь Андреи Васильевич углецки, а сидел на Казенном дворе 2 лета и 2 месяца.</p> <p>В лето 7031 ходил князь велики Василеи Иванович в Новгород Нижней и поставил, срубил, город на Суре.</p> <p>В лето 6961 турьскои цесарь взял Царьгород месяца апреля 29, и на третей год, приехав кораблем фрязове из Родоза града и купиша святых мощи великаго Ивана</p>	<p>Лета 7979 бои был великого князя воеводам князю Данилу Дмитриевичу Холмьскому да Федору Давыдовичу с новгородци, и поможе Бог великого князя воеводам, многих избиша, иных живых поимаша.</p> <p>В лето 6984 февраля 25 в неделю Сырную исходящу первому часу дни, небу пооблачившуся и солнцю неоснявшу еще, начат темнети и толико бысть темно, якоже в паморочное в вторы час ноши и мало тако побыв, начаша быти светли обшаци с полуденья, а на тои же недели мнози видеша в ноши свет</p>

Л. 49 (продолжение)		Л. 52 (продолжение)	Л. 52 об. (продолжение)
В лето 7039 у Кирилова монастыря на горе, где крест чудотворцов Кирилов и где чудотворцова первая была келья была в горе, по велению великого князя Василья, почали делати церковь камену во имя Иоанна Пророка и Предотеча, честнаго его Усекновения главы августа в 3 в четверг в 2 час дни, а придел Кирил чудотворец. А свершили ту		Златаустаго многим златом и серебром у безбожнаго Салтана, а рака его и ныне во Цариграде. И как фрязове пошли с телом святого Ивана и турецкой послал за ними погоню Козята воеводу и молитвами святого Златауста все поtoplени быша. В лето 6989 июля 5 преставися князь Андреи Вологодски. В лето 993 преставися великая княгини Марфа. В лето 64 поймали князя Василья Ярославича июля 22. В лето 6967 поставлен бысть Иона епископом на Коломну.	отблистающ и крузи на небеси. А пред того в лето 6968 июля 18 в 2 час дни нача гибнути солнце и бысть яко 5 дней месяц, минувшу же четвертому часу и бысть полно, яко и преже.

Разворот: л. 50 (3), 50 об. (3 об.) — 51 (4), 51 об. (4 об.)

Л. 50	Л. 50 об.	Л. 51	Л. 51 об.
Да того же лета августа 20 почали делати в Кирилове монастыре другую церковь каменую, под колаколы во имя архистратига Гавриила собор, а придел царь Коньстянтин и матери его Елены в неделю во вторы час дни, а свершили ту церковь Архангела Гавриила лета 7042-го августа 10 (?) на память святого мученика Акафоника. В лето 7041 октября 31 на память святых апостол Стахиа и Амплиа и святого мученика Епимаха родися великому князю Василью Ивановичу сын от великие княгини Елены, и наречен бысть князь Юрьи.	В лето 6879 князь велики Дмитрие Иванович поиде в Орду. Того же лета бысть знамение в солнце: места черны аки гвозди, а мгла стояла поряду два месца и толь велика была, яко за две сажени пред собою человека в лице не видети, а птици по воздуху не видяху летати, но падаху на землю. На ту же осень князь велики Дмитрие выиде из Орды. В лето 6883 ноября 26 князю великому Дмитрею Ивановичю родися сын в Пераславли и кресть его святыи великии Сергие. В лето 7006-го февраля 4 князь велики Иван Васильевич посадил внука своего князя Дмитриа	В лето 7003-го дал князь велики Иван Васильевич дал дщерь свою Елену за великого князя Литовьскаго Александра. Того же лета месяца февраля в 9 день князь великии Иван Васильевич снял с митрополита с Изосимы сан да послал его к Троице в заточение. В лето 7004-го князь велики Иван Васильевич посылал воеводу Якова Захарьича на немци к Выбору, и они землю неметцкую воевали и полону вывели много. Того же лета князь велики Иван посылал воеводы: князя Ивана Бородатого да князя Петра Ушатых, на каяны да на мурманы,	В лето 7007-го февраля 5 князь велики Иван Васильевич велел главу отсеци князю Семену Ивановичю Ряпалоскому. Того же месяца 8 велел князь великии постричи князя Ивана Юрьевича да послал в Сергиев монастырь, а сына его князя Василья — пострици да послал в Кирилов монастырь. Того же лета посылал князь велики Иван посылал воевод князя Петра Ушатого да Василья Гавриловича Иванова мына ратью воевати Югорския земли, и оне, шедши землю их пленили, взяли 20 городков да 4 города, а многих луччих людей

Л. 50 (продолжение)	Л. 50 об. (продолжение)	Л. 51 (продолжение)	Л. 51 об. (продолжение)
В лето 7048 месяца апреля в 7 день святого отца нашего Георгия епископа Митулинскаго гибло солнце на третьем часу дни на другои недели после Велика дни на молоду. В той же день 10 час преставися Данило старец Переславьской, еже составил обитель в Переславле на Божию дому Все святыя.	Ивановича на великое княжение. В лето 7010-го апреля 11 день на память святого священномученика Антипы князь велики Иван снял великое княжение с своего внука с великого князя Дмитрия. Того же месяца апреля 14 день князь велики Иван посадил сына своего князя Василья на великое княжение.	и они землю их воевали и полону вывели много. Того же лета поставлен на Мосекву митрополит Симон, игумен Троецкаго монастыря. Того же л... (Известие не дописано, далее две-три строки свободны от текста. — <i>Новикова О.Л.</i>)	поймав, привели к великому князю. Лета 7029 приходил царь Крымской Махмут на Коломну и учинил много зла.

Попробуем представить работу кирилловского книжника, составлявшего очередной краткий кирилловский летописец переписывая интересные его статьи из имевшихся рукописей, в том числе из РНБ. Погод. 1566 (л. 48–53 об.), где-то в конце 1530-х гг. — в то время, когда рукопись РНБ. Погод. 1566 (л. 48–53 об.) существовала самостоятельно, а затем между 1533 и 1539 гг. была переплетена вместе с другими более ранними тетрадями в конволют (Соф. 1462), находивший в Кирилло-Белозерском монастыре до передачи в 1780 г. в новгородский Софийский собор [*Новикова, 2008. С. 189, 198*].

На четырех сторонах первого развернутого листа тетради (л. 48–1, 48 об.–1 об. — 53–6, 53 об.–6 об.) представлен хронологически последовательный текст, соответствующий Летописцу Гурия Тушина. Эти два листа переписаны почерком создателя и первого владельца тетради. Текст начинается с заголовка «Летописец русский» и доведен до известия 7004 г.: «В лето 7004 почали ставити в Кирилове монастыре церковь камену» — непоименованный тогда (как первая каменная церковь) Успенский собор (как первая каменная церковь) [*Новикова, 2008. С. 189, 198*].

К концу 1530-х гг. в Кириллове монастыре было кроме первой «каменной» Успения Богородицы поставлено уже несколько каменных церквей: Введения с трапезной (1519 г.), Иоанна Предтечи на горе, Архангела Гавриила (1534 г.). Поэтому, переписывая запись о строительстве в 7004 г. «церкви каменной», писец постарался уточнить ее посвящение. Так как запись о строительстве находится внизу л. 53 об., то, перевернув этот лист, он нашел сверху другой стороны листа (л. 53) начинающий его текст «Успение святыя Богородица Прохором Ростовьским», как подходящее продолжение. Возможно, таким образом возник предполагаемый нами текст: «В лето 7004 почали ставити в Кириловѣ монастыре церковь камену, а стала в пять месяц и лоб железом побии, а стала полтретья ста рублев (вдоль левого поля практически срезанная запись о размерах Успенского собора [*Новикова, 2008. С. 211–216, ил. на с. 217–228*]) Успение святыя Богородица Прохором Ростовьским».

Начальная же половина фразы «В лето 6835 священна бысть церковь на Москве» (в конце л. 48 об.) была, скорее всего, переписчиком воспринята за конченной и самодостаточной.

Можно констатировать (см. таблицу 5):

1. В XVI в. в кратких летописях Кирилло-Белозерского монастыря встречается два варианта текста, рассказывающего о строительстве в монастыре первой и единственной тогда каменной церкви Успения Богородицы — пространный, более ранний, и краткий, более поздний.

В пространном варианте представлено время начала строительства — 7004 г., время строительства — 5 месяцев, размер, материал — «каменная», стоимость — «полтретья ста рублей», количество и специальность мастеров — «а мастеров было 20 стенщиков». Но не приведено время окончания строительства.

В кратком варианте приведены год «совершения» церкви (поэтому этот вариант является более поздним) — 7006 г., дата освящения — 8 сентября, на Рождество Богородицы, иногда характеризующие определения — «церковь камена» или «великая церковь».

2. Где-то в конце 1530-х гг. в монастыре пишется очередной, неизвестный нам, краткий летописец, автор которого для статьи о строительстве Успенской церкви, взял за основу краткий «Летописец русский», написанный на четырех сторонах сложенного вдвое листа, между 1533 и 1539 гг. вpletенного в конволют Соф. 1462. В этой статье переписчик по недоразумению к тексту о начале строительства церкви в Кириллове монастыре присоединил слова «Успение святыя Богородица Прохором Ростовским».

3. Получившаяся комбинированная фраза, куда попало имя епископа Прохора Ростовского (1311–1328 гг.), послужила в конце XVI в. протографом для статьи о «церкви в Кириллове монастыре каменной Успения Богородицы» в Сокращенном летописном своде, находящемся в составе конволюта СПб ИИ РАН. Ф. 11. № 249 (л. 100–102) [Ульяновский, 1994. С. 114; Шаромазов, 1998. С. 236; Новикова, 2008. С. 204–205]. Здесь Прохор Ростовский обозначен уже как «большой мастер». Но необходимо отметить, что 7004 г. еще является годом начала строительства церкви.

4. В начале XVII в. статья об Успенской церкви еще раз осмысливается составителем Летописца 1604–1607 гг. (Погод. 1566. Л. 57) в контексте своего времени. Со времени строительства прошло более 100 лет, поэтому начало фразы — «В лето 7004 почали ставити» при отсутствии даты окончания строительства переходит в 1604–1607 гг. в утверждение — «Лета 7004-го поставлена быс», устаревшее числительное «полтретья ста рублей» заменяется на «250 рублей». Примечательно, если в XVI в. «мастеров было стенщиков 20», т.е. их специализация, класть стены, не вызывала сомнений, то в тексте Летописца 1604–1607 гг. автор не может принять отсутствие в тексте слов об изготовлявших кирпичи мастерах-каменщиках. И первоначальные 20 стенщиков разделены им по признаку строительной технологии: одни изготавливают строительный материал — камень-кирпичи, другие кладут из

него стены. Поэтому слова «мастеров было стенщиков 20» заменяются на «каменщиков и стенщиков 20 мастеров» [Антипов, 2003. С. 124–129; Трусов, 2003. С. 130–138]. И главное — их работу, вне сомнений, возглавлял «большой был Прохор Ростовской».

Таким образом, в настоящее время мы не имеем оснований утверждать, что Успенский собор Кириллова монастыря строили ростовские мастера [Подъяпольский, 1989. С. 310; Седов, 1991]. Вопрос о строителях его, а также их принадлежности определенной школе остается открытым [Бунина, 2017].

ЛИТЕРАТУРА

- Антипов И. В. Некоторые проблемы изучения древнерусской строительной керамики // Архитектурно-археологический семинар. Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. СПб., 2003. С. 124–129.
- Бунина О. П. К вопросу о происхождении и семантике декоративной керамики собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря // Ферапонтовские чтения. Вологда, 2017. Вып. 8 (в печати).
- Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 8.
- Выписка из летописного сборника Кирилло-Белозерского монастыря // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 8.
- Голубинский Е. Е. Преп. Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Сергиев Посад, 1892.
- Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 3–39.
- Казакова Н. А. Книгописная деятельность и взгляды Гурия Тушина // ТОДРЛ. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1961. Т. 17. С. 169–200.
- Макарий, архим. Археологические описания церковных древностей в Новгороде. Ч. 1. М., 1860. 654 с.
- Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб., 1897. Т. 1. Вып. 1. 473 с.
- Новикова О. Л. Келейное летописание в Кирилло-Белозерском монастыре в первой половине XVI в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008 / Ред. О. Л. Новикова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 172–234.
- Подъяпольский С. С. К характеристике кирилловского зодчества XV–XVI вв. // Подъяпольский С. С. Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы / Сост. и подг. к публ. Е. Н. Подъяпольской. М.: Индрик, 2006. С. 125–154.
- Подъяпольский С. С. К характеристике кирилловского зодчества XV–XVI вв. // Советская архитектура. 1966. № 2. С. 75–95.
- Подъяпольский С. С. Каменное зодчество Кирилло-Белозерского монастыря в его отношении к строительству Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство. Художественные памятники Русского Севера. М.: Наука, 1989. С. 310–319.
- Прохоров Г. М. Прохор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л.: Наука, 1987. Вып. 1. С. 381–382.
- Русская Фиваида на севере. СПб., 1855.
- Седов Вл. В. К вопросу о ростовской архитектурной школе XV–XVI вв. // История и культура Ростовской земли. Материалы конф. 1991 г. Ростов, 1991. С. 17–20.

Трусов О. А. Белорусский готический кирпич XIII — первая половина XVI века // Архитектурно-археологический семинар. Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. СПб., 2003. С. 130–138.
Ульяновский В. И. Летописец Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 гг. // Книжные центры Древней Руси, XVII век. СПб.: Наука, 1994. С. 113–139.
Шаромазов М. Н. Постройки монастыря. Интерьеры церквей. Ризница // Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / Сост. З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 384 с.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Был ли Прохор Ростовский строителем Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря?

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Серебрякова Марина Сергеевна — свободный исследователь.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор приносит благодарность О. В. Новиковой.

АННОТАЦИЯ

Автор пересматривает предложенную Никольским датировку и атрибуцию Успенского собора в его труде о Кирилло-Белозерском монастыре, вышедшем в 1897 г. Согласно устоявшемуся в историографии мнению, собор датируется 1497 г., а строили его ростовские каменщики под руководством некоего Прохора Ростовского. Пересмотр источников, которым пользовался пришедший к этому выводу Никольский, дополнение их новыми, введенными с тех пор в научный оборот памятниками летописания, показывает, что сведения о дате постройки собора и его строителях относятся к сообщениям о разных событиях, а именно упоминание ростовских мастеров под руководством Прохора Ростовского относится к возведению и освящению первого каменного Успенского собора в Москве в 1327 г. На этом основании автор делает вывод, что вопрос об авторстве Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря снова является открытым.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря, русская средневековая архитектура, Прохор Ростовский, источниковедение, летописи.

TITLE

Was it Prokhor of Rostov who built the Assumption cathedral of Kirillo-Belozerskiy monastery?

AUTHOR

Serebriakova, Marina Sergeevna — free researcher.

ACKNOWLEDGEMENTS

The author expresses her gratitude to Olga L. Novikova.

ABSTRACT

The author reconsiders the date and attribution of the Assumption cathedral of Kirillo-Belozersky monastery, offered by Nikolskiy in his volume about Kirillo-Belozerskiy monastery, published in 1897. According to Nikolskiy and all the authors following him, the cathedral was built in 1497 under the guidance of certain Prokhor Rostovskiy. The revision of the written sources, including those published since Nikolskiy's book had been released, shows that the date of building and information about Prokhor refer to different messages. The date has to do with the Assumption cathedral of Kirillo-Belozersky monastery in the late 15th century, while information about Prokhor refers to the building and consecration of the Assumption cathedral in Moscow in 1327. Thereon, the author concludes that the question about the personality of the author of the Assumption cathedral of Kirillo-Belozerskiy monastery is again open.

KEYWORDS

Assumption cathedral of Kirillo-Belozerskiy monastery, Russian Medieval Architecture, Prokhor of Rostov, source studies, chronicles.

REFERENCES

- Annals of Imperial Moscow Society for Russian History and Antiquities. Moscow, 1850, vol. 8 (in Russian).
- Antipov I. V. Some Problems of Researching Old Russian Architectural Ceramics. *Arkhitekturno-arkheologicheskii seminar. Iz istorii stroitel'noi keramiki srednevekovoi Vostochnoi Evropy (Seminar for Archeology and Architecture. From the History of Building Ceramics of Medieval Eastern Europe)*. Saint Petersburg, 2003, pp. 124–129 (in Russian).
- Bunina O. P. On the Origins and Semantics of Decorative Ceramics of Nativity of the Virgin Mary Cathedral of Ferapontovo Monastery. *Ferapontovskie chteniia (Ferapontovo readings)*. Vologda, 2017, vol. 8 (in print, coming soon) (in Russian).
- Extract from Anthology of Chronicles of Kirillo-Belozerskiy Monastery. *Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei Rossiiskikh (Annals of Imperial Moscow Society for Russian History and Antiquities)*. Moscow, 1850, vol. 8 (in Russian).
- Golubinskiy E. E. *Saint Sergius of Radonezh and his Holy Trinity Lavra*. Sergiev Posad, 1892 (in Russian).
- Kazakova N. A. Manuscripting Activities and Views of Guriy Tushin. *Trudy Otdela Drevnerusskoi Literatury (Works of Department for Old Russian Literature)*. Moscow, Leningrad, Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1961, vol. 17, pp. 169–200 (in Russian).
- Makarii, arhim. *Arkheologicheskaya opis cerkovnykh drevnostei v Novgorode. (Archaeological Inventory of Ecclesiastical Antiquities in Novgorod)*. Part 1. Moscow, 1860. 654 p. (in Russian).
- Muraviev A. N. (ed.) *The Russian Thebaid on the North*. Saint Petersburg, 1855 (in Russian).
- Nikol'skii N. K. *Kirillo-Belozerskii monastyr' i ego ustroistvo do vtoroi chetverti XVII veka (1397–1625) (Kirillo-Belozerskiy Monastery and its Order till Second Quarter of 18th Century (1397–1625))*. Saint Petersburg, 1897, vol. 1. 473 p. (in Russian).
- Novikova O. L. Private Chronicle Writing in Kirillo-Belozerskiy Monastery in the First Half of 16th Century. *Letopisi i hroniki. Novye issledovaniya. 2008 (Annals and Chronicles. New researches. 2008)*. Moscow, Saint Petersburg, Alians-Arkheo Publ., 2008, pp. 172–234 (in Russian).
- Podiapol'skii S. S. Characterizing Architecture of Kirillov, 15th–16th centuries. *Podiapol'skii S. S. Researches on the History of Architecture. Articles and Materials*. Moscow, Indrik Publ., 2006, pp. 125–154 (in Russian).

- Podiapol'skii S.S. Characterizing Architecture of Kirillov, 15th–16th Centuries. *Sovetskaja arhitektura (Soviet Architecture)*. 1966, no. 2, pp. 75–95 (in Russian).
- Podiapol'skii S.S. Stone Architecture of Kirillov-Belozerskiy Monastery Related to Building Activities of Troice-Sergiev monastery. *Drevnerusskoe iskusstvo. Hudozhestvennye pamiatniki Russkogo Severa (Old Russian Art. Monuments of Art of the Russian North)*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 310–319 (in Russian).
- Prokhorov G.M. *Prokhor. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. XI – pervaja polovina XIV vv. (Glossary of Book-Learning Centers and Book Scholars of the Old Rus'. 11th – First Half of 14th Centuries)*. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 1, pp. 381–382 (in Russian).
- Sedov V.I. On Rostov architectural school in 15th–16th centuries. *Istorija i kul'tura Rostovskoj zemli. Materialy konferencii 1991 g (History and culture of Rostov Land. Materials of conference, 1991)*. Rostov, 1991, pp. 17–20 (in Russian).
- Sharomazov M.N. Buildings of the monastery. Interiors of the churches. Riznica. *Opis' stroenij i imushhestva Kirillo-Belozerskogo monastyrja 1601 goda (Inventory of buildings and belongings of Kirillov-Belozerskiy monastery)* / Ed. by Z.V. Dmitrieva, M.N. Sharomazov. St Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 1998 (in Russian).
- Trusov O.A. Belarusian gothic bricks of 13th – first half 16th century. *Arhitekturno-arheologičeskij seminar. Iz istorii stroitel'noj keramiki srednevekovoj Vostočnoj Evropy (Seminar for Archeology and Architecture. From the history of building ceramics of medieval Eastern Europe)*. St Petersburg, 2003, pp. 130–138 (in Russian).
- Ul'janovskij V.I. Chronicle of Kirillov-Belozerskiy monastery, 1604–1617. *Knizhnye centry Drevnej Rusi, XVII vek (Book-learning centers of medieval Russia, 17th century)*. St Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 122–123 (in Russian).
- Zimin A.A. Short Chronicles of 15th–16th centuries. *Istoricheskiy arkhiv (Historical Archive)*. Moscow, Leningrad, 1950, vol. 5, pp. 3–39 (in Russian).

Д. Г. Давиденко

Успенский собор Московского Кремля в пожар 1547 года¹

© 2022

УДК 726.5.03(470-25)“1547”

ББК 85.11(2)

Д13

Поступила в редакцию 17.04.2022

Успенский собор Московского Кремля, выстроенный в 1479 г. и сохранившийся без существенных переделок, оказал влияние на формы соборов в русских городах и монастырях. По мнению А.Л. Баталова, ориентация на него прослеживается с начала XVI столетия [Баталов, 1996. С. 178–179]. В.В. Седов полагает, что в первой половине XVI в. архитектурным образцом выступал в основном Кремлевский Архангельский собор, а Успенский стал таковым с середины столетия, поскольку именно в Успенском храме 16 января 1547 г. Иван IV венчался на царство [Седов, 1996. С. 194–197].

Как кафедре главы Русской Церкви Успенскому собору следовало быть образцом. Посвящение Успению символизировало Вселенскую церковь (что видно на иконографии праздника, представляющей собрание апостолов у ложа Богородицы) [Баталов, 2003. С. 40, 43, 47–48]. А.Л. Баталов обратил внимание на соотнесенность московского храма Успения со всей Русской Церковью, наследницей Римской и Константинопольской, в послании старца Филофея дьяку М.Г. Мисюрю Мунехину, составленном ок. 1523/1524 г.: «вселенския апостольския Церкви, иже вместо римьской и косянтинопольской, иже есть в богоспасеном граде Москве святого и славнаго Успения Пречистыя Богородица, иже едина в вселенней паче солнца светится» [Баталов, 2003. С. 42].

Подражание Успенскому собору усиливается с середины XVI в. [Седов, 1996. С. 196–197; Баталов, 2003. С. 43–44] ввиду ряда событий, к числу которых мы относим московский пожар 21 июня 1547 г. и последующее возобновление храма.

Как сказано в Летописце начала царства (ЛНЦ), «загорися в городе у соборные церкви Пречистые вверх» со специальной оговоркой: «Божиим заступлением Пречистыя Богоматери честнаго и славнаго Ея Успения в соборней церкви деисус и вся сосуды церковныя сохранены были и молитвами святых чудотворец Петра и Ионы» [ПСРЛ, 2009. Т. 29. С. 51–52; Жарков, 1962. С. 224].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20–18–00218).

Согласно летописному Отрывку, на следующий день после пожара государь молился в храме перед образами Владимирской и Петровской Божией Матери и перед гробами митрополитов Петра, Феогноста, Киприана, Фотия и Ионы, которые, очевидно, пожар пощадил. Там сказано, что «церкви та соборная невредима от бывшего пожара... Толико во пророцех в верху три иконы загорались были с нижних поль и прилучишася подъяки и угасиша, и образов тех не вреди огонь» [Жарков, 1962. С. 225–226]².

В Продолжении Хронографа редакции 1512 г. говорится, что «не горело в городе в Пречистой соборной церкви да во Архангиле, да казна великие княгини не горела в полате у Лазаря святого» [Шмидт, 1951. С. 292].

В повести «О великом пожаре» из Рогожского сборника сказано, что «тоя великия церкви кровли вся огоре и паперть каменная от великаго огня распадесе». Митрополиту Макарию, задыхавшемуся в храме, удалось захватить с собой «образ Богоматере, его же великий чюдотворец Петр митрополит написа своею рукою, и книгу Божественаго правила, юже Киприан митрополит принес из Царяграда». Были попытки вынести образ Владимирской Богородицы, но он не сдвинулся с места. В целом храм был сохранен заступничеством Богородицы. Также там описывается видение новокрещенному татарину, как Богородица защитила собор от огня [Зимин, 1958. С. 201–202]. Эти сюжеты в сокращенном виде вошли в Степенную книгу [Зимин, 1958. С. 187–188; Степенная книга. 2008. Т. 2. С. 355–356].

Письменные источники свидетельствуют, что собор при пожаре мало пострадал, и почти не противоречат друг другу. Но если в повести «О великом пожаре» говорится о вынесении иконы Петровской Божией Матери и книги Правил из собора во время пожара³, то текст летописного Отрывка о молебнии государя в соборе перед этим образом на следующий день после пожара, склоняет к мысли, что образ в соборе оставался. Его вынос не подтверждается ранними источниками и маловероятен при спешной эвакуации.

На основании рассмотренных источников исследователи считали, что пострадали только кровля и каменная паперть собора [Зонова, 1964. С. 131; Толстая, 1979. С. 34; Кавельмахер, 1995. С. 215, 226].

Вскоре после пожара в Москве случилось восстание, в ходе которого был убит дядя Ивана IV князь Юрий Васильевич Глинский. Согласно ЛНЦ убийство произошло 26 июня 1547 г. на площади Кремля [ПСРЛ, 2009. Т. 29. С. 54].

Продолжение Хронографа 1512 г., Первое послание Ивана Грозного к Андрею Курбскому от 5 июля 1564 г. и приписка к Царственной книге местом убийства называют Успенский собор.

Иван IV в Первом Послании к Курбскому не фиксируя твердой даты пишет, как во время пожара «наши же изменные бояре... аки время благополучно своей изменой злобе улучиша... И тако тех изменников научением боярина

2 Обзор списков см.: [Жуков, 2016. С. 119].

3 Это же отмечено в приписке к Царственной книге [Лицевой Летописный свод, 2010. Кн. 20. С. 335].

нашего, князя Юрья Васильевича Глинского, воскричав, народ иудейским обычаем, изымали его в пределе великомученика Христова Димитрия Селунского, выволокли его в... церковь Пречистыя Богородицы против митрополита места... его убиша и кровию церковь наполниша и выволокли его мертва в передние двери церковныя и положиша его на торжищи яко осужденника. И сие в церкви убийство всем ведомо... Нам же тогда живущим в своем селе Воробьеве» [Переписка Ивана Грозного, 1993. С. 29, 78, 139, 391. Примеч. 77. Комм.].

Аналогичная картина отражена в приписке к Царственной книге: «А князь Юрьи Глинской... пошел в церковь в Пречистую. Бояре же по своей [...] к Глинским недружбе наустиша черни; они же взяша князя Юрия в церкви и убиша его в церкви, извлекоша передними дверми на площадь и за город и положиша перед того кол, идеже казнят» [Лицевой Летописный свод, 2010. Кн. 20. С. 347, 551, 552]. Согласно Новгородской 4-й летописи по списку Н.К. Никольского (далее — НІВЛ) Юрия Глинского едва живого извлекли из церкви и тут же убили.

Д.Н. Альшиц отметил содержательную близость рассказа Послания Ивана Грозного Андрею Курбскому и приписки к Царственной книге об убийстве Ю.В. Глинского в церкви, и видел в этом тенденциозное редактирование, предпринятое государем чтобы показать, «что... бояре-изменники безвинно проливали в церквах кровь» [Альшиц, 1947. С. 271–272]. Исследователь, больше доверяя рассказу о восстании, помещенному в первоначальной летописи, чем в Послании и в приписке, считал, что государь, искажив факты, внес в приписку «свой рассказ из письма» [Альшиц, 1957. С. 136–137]. Но Д.Н. Альшиц не объясняет, почему об убийстве Ю.В. Глинского в храме сказано не только в Послании Грозного к Курбскому и в приписке к Царственной книге, но и в Продолжении Хронографа 1512 г., а в НІВЛ — в связи с храмом.

И.И. Смирнов, отталкиваясь от текста НІВЛ и Продолжения Хронографа 1512 г., считал, что кровопролитие случилось «в церкви в Пречистей у митрополита в время обедне», допустив, что службу вел митрополит [Смирнов, 1953. С. 109]. Определение «у митрополита в время обедне», по мнению исследователя, употреблено не для обозначения места служения обедни, т.е. митрополичьего Успенского собора, а в том смысле, что «в Успенском соборе обедню 26 июня служил сам митрополит Макарий» [Смирнов, 1953. С. 109]. Учтя текст Послания Грозного к Курбскому, в котором точкой убийства Ю.В. Глинского в соборном Богородичном храме названо митрополичье место, но не упомянут митрополит, И.И. Смирнов оставил «открытым вопрос о личном участии Макария в обедне в Успенском соборе 26 июня» [Смирнов, 1953. С. 110, примеч. 28].

С.О. Шмидт, комментируя миниатюру Царственной книги на Л. 305, иллюстрирующую убийство Ю.В. Глинского, отмечает, «что в иллюстрируемом тексте (т.е. первоначальном, написанным уставом, а не в тексте приписки. — Д.Д.) ничего не сказано о том, что убийство произошло в Успенском соборе, где пытался укрыться Глинский от обезумевших... черных людей. Однако художник, по-видимому, знал об этом и именно Успенский собор изобразил особенно четко» [Шмидт, 1956. С. 270]. С.О. Шмидт присоединился к мнению

И.И. Смирнова, что 26 июня в соборе шла служба: «Юрий Глинский рассчитывал найти спасение в Успенском соборе (если не находился там еще прежде). Но разъяренная толпа ворвалась в храм... религиозные москвичи пренебрегли даже церковными заповедями и решились на расправу с ненавистным боярином в церкви, да еще во время пения "Иже херувимской" ... Вероятно, в храме Ю. Глинский был избит до крови, но убили его уже вне храма: по "Летописцу начала царства" убили камнями. Труп Глинского извлекли на площадь перед торговыми рядами, к месту публичных казней» [Шмидт, 1996. С. 101–103].

Остановимся на вопросе о том, была ли служба в соборе 26 июня 1547 г. и осквернялся ли храм кровопролитием, или же убийство случилось за его пределами? Для этого сопоставим повествования НІВЛ и Продолжения Хронографа редакции 1512 г. об убийстве Ю. Глинского во время службы с текстом ЛНЦ и выскажем предположения о соотношении этих текстов.

Летописец начала царства (ЛНЦ)	Протограф / предполагаемый итог (?) НІВЛ (реконструкция)	Новгородская 4-я летопись по списку Н.К. Никольского (НІВЛ) ⁴	Продолжение Хронографа редакции 1512 г.
А митрополита Макария едва вызваша изс церкви, великого для попущении Божия от дымнаго духа мало не позадохнушася в церкви. Поиде митрополит из церкви... а митрополит уиде на город на таиник к реке Москве. И тамо ему бысть дымный дух тяжек и жар великий, и за невозможение от жару и от дымнаго духа начяша его с таиника спущати обзяв ужищем, на взруб к реке Москве. И перервася ужище и разбися митрополит и едва отдыха, и отвезоша его в его монастырь на Новое еле жива [ПСРЛ. 2009. Т. 29. С. 52]. [...]	... А людеи згорело 2 000 тысячи и семьсот. В церкви в Пречистей у митрополита в время обедне извлекше из церкви едва жива, извлекоша из града привязана ужем. Бе же князь великий в то время в Воробьева ⁵ . На тои же недели... в град к двору к государеву Москвичи, болшие и черные людеи, изымаша князя Юрья Михайловича	... А людеи згорело 2 000 тысячи и семьсот. На тои же недели⁶ Москвичи, болшие⁷ и черные людеи, изымаша князя Юрья Михайловича Глинского, дядю великого князя по матери, в церкви в Пречистей у митрополита в время обедне ⁸ , извлекше из церкви едва жива, и скончаша злою смертию, извлекоша из града привязана ужем ⁹ ; бе же князь великий	И после то[го пожа] ру москвичи черные людеи возволновалися, что будтося Москву зажигали Глинских людеи, и от тое ко[ро]молы князь Михайло Глинской с ж[а]лования с Оржовы хоронился по [мо]настырем, а москвичи черны[е] людеи, собрався вечьем, убили бо[яри]на князя Юрья Васильевича Глинского в Пречистой в соборной церкв[и]на] обедне

4 Археографический комментарий дан по публикации. Жирным шрифтом нами выделены фрагменты, относящиеся к восстанию. — Д.Д.

5 Вариант: «туто же в церкви».

6 Далее на верхнем поле рукописи написана выноска в две строки, причем верхняя строка отрезана при переплете, а на нижней читается: «в град к двору к государеву».

7 Это слово написано позднее, над строкой.

8 Далее было написано и затем зачеркнуто: «перед великим князем».

9 Слова «извлекше из церкви... ужем» приписаны писцом рукописи позже, на левом поле рукописи.

А после пожару стоял царь князь великий в своем селе в Воробьева и с своею царицею с великою княгинею Анастасиею и з братом своим с князем Георгием Васильевичем и з бояры [ПСРЛ. 2009. Т. 29. С. 54]. [...] Того же месяца 26, в неделю, на пятыи день после великого пожара, черные людеи града Москвы от великие скорби пожарные восколебашеся, яко юроди, и пришедше во град и на площади убиша камением царева великого князя боярина князя Юрия Васильевича Глинского, и дети боярских многих побиша, а людеи княж Юрьевых безчислено побиша, и живот княжой розбиша, ркуще безумием своим, яко вашим зажиганием дворы наши и животы погореша [ПСРЛ. 2009. Т. 29. С. 54].	Глинского, дядю великого князя по матери, и скончаша злою смертию потому што на них зговор пришел, буттось они велели зажигати Москву.	в то время в Воробьева ¹⁰ потому што на них зговор пришел, буттось они велели зажигати Москву [ПСРЛ. 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 620–621].	на иже-херувимской песн[и. А ца]рь и великий князь того лет[а жил] с великою княгинею в Острове, а после пожару жил в Воробьева [Шмидт, 1951. С. 292].
---	---	--	--

В ЛНЦ говорится о спасении митрополита Макария в храме во время пожара 21 июня и об убийстве Ю. Глинского 26 июня под разными статьями; события разведены во времени; убийство локализовано не в храме, а на площади в городе (Кремле. — Д.Д.).

В НІВЛ не говорится о спасении митрополита в задымленном соборе, а обедня «в Пречистей у митрополита» и убийство Ю. Глинского представлены как единовременный точно не датированный эпизод, случившийся «на тои же недели», что и пожар. Какая версия предпочтительней?

То, что митрополит 21 июня задыхался в соборе от дыма, фиксируется не только в ЛНЦ, но и в Постниковском летописце [ПСРЛ, 1978. Т. 34. С. 29–30] и в летописном Отрывке [Жарков, 1962. С. 225]. Но проходила ли митрополичья служба во время убийства Ю.В. Глинского? Маловероятно, чтобы пострадавший во вторник 21 июня немолодой святитель уже к воскресенью 26 июня мог возглавить богослужение¹¹.

Как заметил И.И. Смирнов, текст НІВЛ дефектный («первоначальный текст с последующей редакторской правкой того самого лица, которое составляло (или переписывало) основной текст») [Смирнов, 1953. С. 109]. Зачеркивания и вставки текста подсказывают, что перед нами либо небрежный список

10 Слова «в Воробьева» написаны позже, над строкой, вместо зачеркнутых в строке «туто же в церкви».

11 Иначе думает И.И. Смирнов, полагая, «что ушибы его не были тяжелыми» [Смирнов, 1953. С. 110, примеч. 28].

недошедшего оригинала, либо проект-черновик, итог которого не дошел или не был реализован.

Поскольку в ЛНЦ упомянут канат («уж») как средство эвакуации митрополита из Кремля 21 июня, возможно, что и в источнике (или беловом варианте) НІВЛ обедня в храме и «уж» также связывались со спасением владыки, а не с убийством Ю. Глинского. Словосочетание «извлекоша из града», обозначающее перемещение за стены Кремля, отнесенное в НІВЛ к телу убитого Ю. Глинского, в иных источниках по смыслу хорошо согласуется с рассказом о спасении митрополита Макария, перебиравшегося через кремлевскую ограду [ПСРЛ, 1978. Т. 34. С. 30; *Жарков*, 1962. С. 225]. Словосочетание «едва жива» в НІВЛ соотносится с Ю. Глинским, а оборот «еле жива» в ЛНЦ — с митрополитом Макарием. В Повествовании НІВЛ после указания на убийство Ю. Глинского говорится о пребывании государя в Воробьеве, а затем автор, не вполне последовательно, вновь возвращается к ранее затронутой теме восстания, сообщая, что его жертв обвиняли в учинении пожара. Усиливает сомнение в достоверности рассказа НІВЛ ошибочно названное отчество убитого князя Юрия Глинского (Михайлович вместо Васильевича), а также ее немосковское происхождение. По-видимому, дефектность этого фрагмента НІВЛ проявилась не только в оформлении рукописи, но и в составлении текста.

Сопоставление текстов источников и логическая реконструкция позволяют предполагать, что последовательность событий, отразившаяся в ЛНЦ, где сначала говорится о пребывании митрополита в соборе под 21 июня, а затем об убийстве Ю. Глинского под 26 июня, могла быть и в протографе (или предусматривалась в окончательном варианте) текста НІВЛ. В дошедшем же до нас дефектном ее тексте контаминировались разнесенные во времени события — обедня «в Пречистей у митрополита» и состоявшееся спустя несколько дней убийство Ю. Глинского.

Версия об убийстве Ю. Глинского после пожара, но во время службы в соборе в текст Продолжения Хронографа 1512 г. могла попасть из НІВЛ, при этом здесь злодеяние уже четко локализовано внутри соборной церкви Пречистой. На близость повествования обоих источников указывал И. И. Смирнов [*Смирнов*, 1953. С. 108–109, 112.]. Но в Продолжении Хронографа митрополит не отмечен ни в связи с пожаром, ни в связи с последующим восстанием.

ЛНЦ датируется 1550-ми гг. [ПСРЛ, 2009. Т. 29. С. 3]. Бумага рукописи, содержащей текст НІВЛ, относится к 1540-м гг. [*Жуков*, 2016. С. 120–121, примеч. 18], а повествование доведено до 1555/1556 г. [ПСРЛ, 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 622]. Список Хронографической летописи датируется началом третьей четверти XVI в. [*Шмидт*, 1951. С. 256]. Случайно проникшая в летописи середины XVI в. версия об убийстве Ю. Глинского сразу после избиения в Успенском соборе (НІВЛ), или же прямо в храме (Продолжение Хронографа 1512 г.) могла быть усвоена Иваном IV как наиболее удобная ему. Государь, переработав ее, отразил ее в Первом Послании к Андрею Курбскому и в приписке к Царственной книге. Конкретизировав в Послании точку убийства родного дяди внутри храма —

приделе Димитрия Солунского (единственном в соборе, посвященном мученику), Иван IV усилил в глазах читателя тяжесть злодеяния¹².

Миниатюры Царственной книги (ОР ГИМ, Син. 149), сопровождающие текст об убийстве Ю. В. Глинского на Л. 305, 305 об. не подтверждают версии что это случилось именно в храме, и, насколько их можно понять, не фиксируют тело жертвы [Лицевой Летописный свод, 2010. Кн. 20. С. 347, 348]. Миниатюры на Л. 683, 683 об. того же кодекса, как полагает С. О. Шмидт, были составлены с учетом текста приписки. На них изображено тело Ю. В. Глинского вне храмового пространства [*Шмидт*, 1956. С. 275. Вклейка между С. 276–277]. На одной из них показано, как труп волочат веревками в пространстве между стенами Кремля и Китай-города. С. О. Шмидт допустил возможность того, что поправки в текст НІВЛ были внесены редактором после знакомства с миниатюрой Царственной книги на Л. 683 [*Шмидт*, 1956. С. 278, примеч. 1], что маловероятно [*Подобедова*, 1972. С. 12, примеч. 10]. Усложняет проблему условность изображений, совмещение в одной иллюстрации нескольких эпизодов и сравнительно позднее их происхождение.

Тенденциозность рассказа об убийстве Ю. В. Глинского из Первого Послания Грозного к Курбскому и содержательно зависимой от него приписки к Царственной книге (на что указал Д. Н. Альшиц), восходящего, как нам кажется к контаминированному тексту НІВЛ, и, возможно, ориентированному на него рассказу Продолжения Хронографа 1512 г., ставит под сомнение названное в этих источниках место убийства — Успенский собор. Версия ЛНЦ нам представляется более вероятной. Через несколько дней после спасения митрополита в соборе случилось убийство Ю. В. Глинского на площади в Кремле во внебюджетной обстановке, т. е. вблизи собора (видимо, закрытого), но за его пределами. Храм, по всей видимости, не был осквернен кровопролитием, почему и сохранил благоговейное к себе отношение.

Как сказано в ЛНЦ, после пожара государь «церкви и полаты на своем дворе велел поделывати, что от огня распалося, а хоромы деревянные ставити» [ПСРЛ. 2009. Т. 29. С. 54]. Но основные работы по собору велись, по-видимому, в 1550 г. [*Толстая*, 1979. С. 34].

18 мая 1550 г. митрополит Макарий венчал князя Владимира Андреевича и Евдокию «в соборной церкви в Пречистой» [ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 160].

В 1550 г. «месяца сентября повелением благовернаго и христоролюбиваго царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца со многим желанием и с великою верою позлащен бысть верх болшой у соборные церкви Пречистыя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Мария честнаго

12 Трудно согласиться с предположением С. А. Морозова о существовании общего источника у приписки Царственной книги о повествовании о пожаре 1547 г., Первого Послания Грозного к Курбскому «и версий рассказа об убийстве Ю. В. Глинского, читающихся в Хронографической летописи и Летописце начала царства 1-й редакции» [*Морозов*, 1982. С. 117–118], ввиду отличия в определении времени функционирования храма и места убийства в ЛНЦ и в трех других повествованиях.

и славного Ея Успения царствующаго града Москвы во осмоенадесять лето государства его, а в четвертое лето царства его» [ПСРЛ, 2009. Т.29. С.59]¹³. Починка кровли отражена на миниатюре Царственной книги [Толстая, 1979. С.23. Ил. VII]. Тогда же главы собора получили луковичную форму и покрыты золоченой медью, а на них были поставлены восьмиконечные кресты [Толстая, 1979. С.34,55], очертания которых соответствуют существующим.

И.Я. Качалова полагает, что после пожара 1547 г. паперть была перестроена и украшена живописью, указав на размер кирпича ее сводов, характерный для XVI в. [Качалова, 1985. С.184, примеч.58].

Незадолго до пожара, 3 июня 1547 г. «отломишася уши у колокола у благовестника, и паде з деревянные колокольницы и не разбися. И повеле благоверный царь приделати ему уши железные, и приделаша ему уши после великого пожара и поставиша его на деревяной же колоколнице, на том же месте у Ивана Святого под колоколы. И глас звонной бысть по старому» [ПСРЛ, 2009. Т.29. С.51; Жарков, 1962. С.224]. Сразу после статьи о позлащении верха соборного храма, в ЛНЦ сказано об отливки нового благовестника: «Тоя же осени октеврия 23 повелением благовернаго и христоролюбиваго царя и государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси слит большии колокол благовесник и поставлен у Архангела за олтарем на деревяной колокольнице, генваря 6» [ПСРЛ, 2009. Т.29. С.59; 1978. Т.34. С.186]. Благовестник 1550 г. оттеснил колокол, у которого в 1547 г. обломилась уши, на второй план, при этом оба колокола какое-то время сосуществовали [Кавельмахер, 1993. С.82–83,90–91,100–101]. По мнению В.В. Кавельмахера, статьи ЛНЦ 1550 г. о позлащении верха и об отливке колокола воспроизводят надписи, проходившие, соответственно, на подзоре главы Успенского собора и на самом колоколе (во втором случае, возможно, фрагментарно) [Кавельмахер, 1993. С.91,97]. У нас нет прямых сведений о существовании такой надписи на Успенском соборе, но это вероятно. Работы по колоколам велись в рамках той же программы, что и поновление собора, и, по мнению В.В. Кавельмахера, были призваны прославить принятие Иваном IV царского титула [Кавельмахер, 1993. С.91–92]. Но ближайшей их задачей было восстановление собора и связанных с ним атрибутов после пожара.

Неплохая сохранность собора в пожар 1547 г. повысила его значимость, придав статус богохранимой святыни. Это соответствовало миропониманию Средневековья. Сохранность Богородичного образа «за Великим торгом в новом граде, в рекомом Китае, близ Соленого двора в дому» подъячего Третьяка Теплового в тот же пожар обеспечила его почитание и установку в храме Зачатия Св. Анны в Китай-городе [Зимин, 1958. С.202; Степенная книга. 2008. Т.2. С.356–357; Баталов, 2006. С.58]. Невредимость образа св. Николы Великорецкого в пожар 1553/1554 г. также усилила его почитание [Баталов, 1998. С.57].

13 В Продолжении Хронографа 1512 г. это известие, изложенное короче, открывает статью 7058 года [Шмидт, 1951. С.297]. Предпочтение отдаем дате официальной летописи.

Как писал И.М. Снегирев, государь, «на новопозлащенной главе поставил воздвизальный осмиконечный крест, им же благословляют, по образцу его, согласно с заключением Стоглавого собора, повелел ставить подобные кресты на церквах, вместо четвероконечных» [Снегирев, 1856. С.3]. В Стоглаве, как и в летописи, прямо указано на позлащение кровли и установку креста, а его форма объявлена образцовой: «Тако же и ныне убо водружен бысть и поставлен святыи крест благочестивым царем Иваном на соборной церкви Пречистыа Богородици на новопозлащенном версе, яко же есть воздвизальный крест, имже благословляют... и таковыа святыа кресты на церквах и впредь да поставляютьца же» [Емченко, 2000. С.306–307]¹⁴. Очевидно, ко времени проведения Стоглавого собора (т.е. к февралю 1551 г.) устранили основные дефекты, причиненные зданию пожаром 1547 г. Это один из старейших текстов, не литературно-повествовательных или публицистических, а законодательных, где здание Успенского собора (точнее — его фрагмент) названо в качестве образца. То, что образцом для формы креста был назван тот, который венчал Успенский собор, может косвенно указывать на эталонный статус именно этого храма.

Регламентация формы надглавного креста как образца допускает, что и форма самого храма позиционировалась так же.

Если раньше влияние Московского Успенского собора на другие храмы ограничивалось только общим архитектурным обликом, то теперь требования к копированию предъявляются на уровне конкретных значимых фрагментов, и регламентируются письменно.

Как мало пострадавший в пожар храм, Успенский собор укрепился в качестве образцового примера в середине XVI в., в эпоху регламентации ранее стихийно сложившегося художественного канона, провозглашенного Стоглавом. Для иконописи таковыми стали творения Андрея Рублева, а для форм креста — Успенский собор.

14 Допускались и другие формы креста «по древним образцом».

ЛИТЕРАТУРА

- Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. М., 1947. Т.23. С.251–289.
- Альшиц Д.Н. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // Труды ГПБ. Л., 1957. Т.1 (4). С.119–146.
- Баталов А.Л. Московское каменное зодчество конца XVI века: Проблемы художественного мышления эпохи. М.: НИИ Российской академии художеств, 1996. 433 с.
- Баталов А.Л. О ранней истории собора Покрова на Рву и обретении «лишнего» престола // Сакральная топография средневекового города. М.: Изд-во ИХКС, 1998. С.51–63.

- Баталов А.Л.* О традиции строительства Успенских храмов в Московской Руси XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 38–50.
- Баталов А.Л.* К вопросу о происхождении крещатого свода в русской архитектуре XVI века // СФОИА. Сб. ст. по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. М.: Северный паломник, 2006. С. 47–66.
- Емченко Е.Б.* Стоглав: Исследование и текст. М.: Индрик, 2000. 504 с.
- Жарков И.А.* К истории московских пожаров 1547 г. // Исторический архив. 1962. № 3. С. 223–226.
- Жуков А.Е.* Летописные известия о Московских пожарах 1547 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 35. С. 118–130.
- Зимин А.А.* Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. Ленина. Б.м., б.и., 1958. Вып. 20. С. 186–204.
- Зонова О.В.* Стенопись Успенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство. XVII век. М.: Наука, 1964. С. 110–137.
- Кавельмахер В.В.* Большие благовестники Москвы XVI — половины XVII вв. // Колокола. История и современность. 1990. М.: Наука, 1993. С. 75–118.
- Кавельмахер В.В.* К вопросу о первоначальном облике Успенского собора Московского Кремля // Архитектурное наследие. М.: Стройиздат, 1995. Вып. 38. С. 214–235.
- Качалова И.Я.* История реставрации монументальной и станковой живописи Успенского собора // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 174–188.
- Лицевой Летописный свод XVI века. Русская летописная история. М.: Актеон, 2010. Кн. 20. 1541–1551 гг. 552 с.
- Морозов С.А.* О некоторых спорных вопросах текстологии средневековых памятников // Археографический ежегодник за 1981 год. М.: Наука, 1982. С. 110–121.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. М.: Наука, 1993. 432 с.
- Подобедова О.И.* Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40–70-х годов XVI в. М.: Наука, 1972. 208 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 13. М.: Наука, 1965. 532 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 29. М.: Знак, 2009. 400 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 34. М.: Наука, 1978. 304 с.
- Седов Вл.В.* Псковская архитектура XVI в. М.: Б.и., 1996. 304 с.
- Смирнов И.И.* Московское восстание 1547 года // Вопросы истории. 1953. № 12. С. 105–113.
- Снегирев И.М.* Успенский собор в Москве. М.: Изд. А. Мартынов, 1856. 46 с.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2008. 568 с.
- Толстая Т.В.* Успенский собор Московского Кремля. М.: Искусство, 1979. 184 с.
- Шмидт С.О.* Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. М.: АН СССР, 1951. Т. 7. С. 254–299.
- Шмидт С.О.* Миниатюры царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. // Проблемы источниковедения. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 5. С. 265–284.
- Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: Прогресс-Культура, 1996. 496 с.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Успенский собор Московского Кремля в пожар 1547 года

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Давиденко Дмитрий Григорьевич — кандидат исторических наук, специалист Института археологии РАН, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19; научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета. 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6. dgd975@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Успенский собор Кремля был архитектурным образцом в силу своего статуса как храма главы Русской Церкви. В пожар 21 июня 1547 г. он пострадал только в верхних частях и в районе паперти. Источники, заслуживающие, как нам представляется, большего доверия, не говорят, что храм через несколько дней после пожара был осквернен убийством князя Ю.В. Глинского. Относительная сохранность собора в пожар, а также его последующее восстановление усилили значимость святыни. Храм в большей степени стал восприниматься как богохранимый объект, и его значимость подчеркивалась в повествованиях XVI в. о пожаре, а также в деяниях Стоглава.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Кремль, Успенский собор, летописи, пожар 1547 г., Иван IV, митрополит Макарий, Ю.В. Глинский, Стоглав.

TITLE

Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin in the Fire of 1547

AUTHOR

Davidenko, Dmitry Grigor'evich — Ph.D., specialist of the Institute of Archeology of the RAS, researcher at the Russian State University for the Humanities. Moscow 125047 6, Miusskaya St. dgd975@yandex.ru

ABSTRACT

The Assumption Cathedral of the Kremlin was an architectural model due to its status as a temple of the Head of the Russian Church. In the fire of June 21, 1547, it suffered only in the upper parts and in the area of the porch. Sources that seem to us to be more trustworthy do not say that the temple was desecrated by the murder of Prince Yu. V. Glinsky a few days after the fire. The relative lack of damage of the cathedral in the fire, as well as its subsequent restoration have increased the significance of the shrine. The temple began to be perceived to a greater extent as a sacred object, and its importance was emphasized in the narratives of the 16th Century about the fire, as well as in the acts of the Stoglav.

KEYWORDS

Moscow Kremlin, Assumption Cathedral, chronicles, fire of 1547, Ivan IV, Metropolitan Makarii, Yu. V. Glinsky, Stoglav.

REFERENCES

- Al'shits D.N. Ivan the Terrible and the Postscript to the Illustrated Chronicles of his Time. *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)*. 1947, vol. 23, pp. 251–289 (in Russian).
- Al'shits D.N. Sources and Nature of Ivan the Terrible's Editorial Work on the History of his Reign. *Trudy Gosudarstvennoi Publ'chnoi Biblioteki (Proceedings of the State Public Library)*. 1957, vol. 1 (4), pp. 119–146 (in Russian).
- Batalov A.L. About the Early History of the Cathedral of the Intercession on the Moat and the Acquisition of the "Extra" Throne. *Sakral'naya topografiya srednevekovogo goroda (Sacred topography of a medieval city)*. Moscow, Izdatel'stvo IHKS Publ., 1998, pp. 51–63 (in Russian).
- Batalov A.L. About the Tradition of Building Dormition Churches in Moscow Russia of the 16th Century. *Drevnerusskoe iskusstvo. Russkoe iskusstvo pozdnego srednevekov'ia: XVI vek. (Old Russian Art. Russian Art of the Late Middle Ages. 16th Century)*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, pp. 38–50 (in Russian).
- Batalov A.L. *Moskovskoe Kamennoe Zodchestvo Kontsa XVI veka: Problemy Hudozhestvennogo Myshleniya Epohi. (Moscow Stone Architecture of the End of the 16th Century: Problems of Artistic Thinking of the Epoch)*. Moscow, NII Rossijskoi Akademii hudozhestv Publ., 1996. 433 p. (in Russian).
- Batalov A.L. On the Question of the Origin of the Groin Vault in the Russian Architecture of the 16th Century. *ΣΟΦΙΑ. Sbornik statei po iskusstvu Vizantii i Drevnej Rusi v chest' A.I. Komecha. (ΣΟΦΙΑ. Collection of Articles on the Art of Byzantium and Old Russia in Honor of A.I. Komech)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2006, pp. 47–66 (in Russian).
- Iemchenko E.B. *Stoglav: Issledovanie i Tekst. (Stoglav: Research and Text)*. Moscow, Indrik Publ., 2000. 504 p. (in Russian).
- Kachalova I.Ya. History and Restoration of Monumental and Easel Paintings of the Assumption Cathedral. *Uspenskij Sobor Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya. (Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. Materials and Research)*. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 174–188 (in Russian).
- Kavel'maher V.V. On the Question of the Original Appearance of the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. *Arhitekturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*. 1995, vol. 38, pp. 214–235 (in Russian).
- Kavel'maher V.V. The Great Evangelists of Moscow of the 16th – First Half of the 17th Century. *Kolokola. Istorija i sovremennost'. (Bells. History and Modernity)*. 1990. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 75–118 (in Russian).
- Kazakova E.N., Mustafin Kh.Kh. (eds.) *Litsevoi Letopisnyi svod XVI veka. Russkaia letopisnaia istoriia. (The Front Chronicle of the 16th Century. Russian Chronicle History)*, vol. 20, 1541–1551. Moscow, Akteon Publ., 2010. 552 p. (in Russian).
- Lur'e Ia.S., Rykov Iu.D. (eds.) *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim. (Correspondence of Ivan the Terrible with Andrey Kurbsky)*. Moscow, Nauka Publ., 1993. 432 p. (in Russian).
- Morozov S.A. On Some Controversial Issues of Textual Studies of Medieval Monuments. *Arheograficheskii ezhegodnik za 1981 (Archaeographic Yearbook for 1981)*. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 110–121 (in Russian).
- Podobedova O.I. *Moskovskaia shkola zhivopisi pri Ivane IV. Raboty v Moskovskom Kreml'e 40-70-h godov XVI v. (Moscow School of Painting under Ivan IV. Works in the Moscow Kremlin of the 1540s-1570s)*. Moscow, Nauka Publ., 1972. 208 p. (in Russian).
- Pokrovskii N.N., Lenchoff G.D. (eds.) *Stepennaia kniga carskogo rodoslovia po drevneishim spiskam. (The Power book of the Royal Genealogy According to the Oldest Lists)*, vol. 2. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008. 568 p. (in Russian).
- Sedov V.I. *Pskovskaia arhitektura XVI v. (Pskov architecture of the 16th Century)*. Moscow, n.p., 1996. 304 p. (in Russian).
- Shmidt S.O. Continuation of the Chronograph Edition of 1512. *Istoricheskii arkhiv (Historical Archive)*. 1951, vol. 1951, pp. 254–299 (in Russian).
- Shmidt S.O. Miniatures of the Royal Book as a Source on the History of the Moscow Uprising of 1547. *Problemy istochnikovedeniia (Problems of Source Studies)*. 1956, vol. 5, pp. 265–284 (in Russian).
- Shmidt S.O. *U istokov rossiiskogo absolutizma: Issledovanie sotsial'no-politicheskoi istorii vremeni Ivana Groznogo (At the Origins of Russian Absolutism: A Study of the Socio-Political History of the Time of Ivan the Terrible)*. Moscow, Progress–Kul'tura Publ., 1996. 496 p. (in Russian).
- Smirnov I.I. The Moscow Uprising of 1547. *Voprosy istorii. (History Issues)*. 1953, no. 12, pp. 105–113.
- Snegirev I.M. *Uspenskii sobor v Moskve (Assumption Cathedral in Moscow)*. Moscow, izd. A. Martynov Publ., 1856. 46 p. (in Russian).
- Tolstaia T.V. *Uspenskii sobor Moskovskogo Kremlya (Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 184 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. (The Complete Collection of Russian Chronicles), vol. 13. Moscow, Nauka Publ., 1965. 532 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. (The Complete Collection of Russian Chronicles), vol. 29. Moscow, Znak Publ., 2009. 400 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. (The Complete Collection of Russian Chronicles), vol. 34. Moscow, Nauka Publ., 1965. 304 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. (The Complete Collection of Russian Chronicles), vol. 4, part 1. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 728 p. (in Russian).
- Zharkov I.A. On the History of the Moscow Fires of 1547. *Istoricheskii arkhiv (Historical Archive)*. 1962, no. 3, pp. 223–226 (in Russian).
- Zhukov A.E. Chronicle News about the Moscow Fires of 1547. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny (Auxiliary Historical Disciplines)*. 2016, vol. 35, pp. 118–130 (in Russian).
- Zimin A.A. Stories of the 16th Century in the Collection of the Rogozhsky Collection. *Zapiski otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki im. Lenina (Notes of the Manuscripts Department of the Lenin State Library)*, 1958, vol. 20, pp. 186–204 (in Russian).
- Zonova O.V. Wall Painting of the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. *Drevnerusskoe iskusstvo. XVII vek. (Old Russian Art. 17th Century)*. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 110–137 (in Russian).

О драгоценном уборе иконы Богоматери Одигитрии (Грузинской) из Покровского монастыря Суздаля

© 2022

УДК 739:27-526.62(470.314)
ББК 85.126(2)
К56

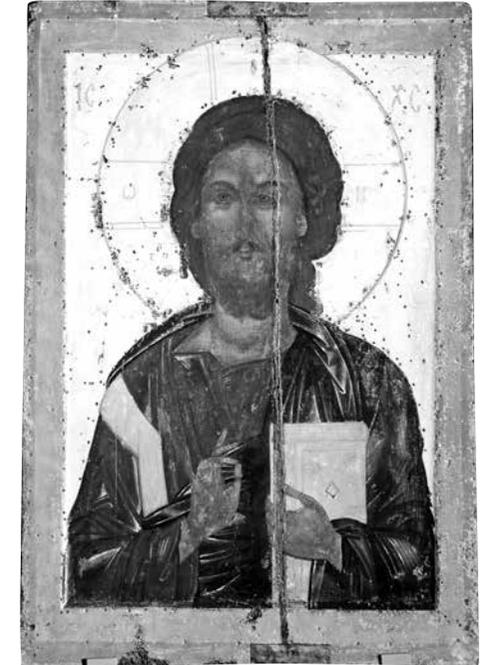
Поступила в редакцию 12.04.2022

Двусторонняя икона «Богоматерь Одигитрия (Грузинская) — Спас Вседержитель» происходит из древнего Покровского суздальского монастыря [ил. 1, 2]. Она относится к разряду малоизученных произведений древнерусской живописи, хотя по своим историко-культурным и художественным достоинствам принадлежит к тем памятникам старины, которые привлекали внимание исследователей искусства начиная уже с середины XIX в. обстоятельной работы об этой иконе пока нет, но она регулярно упоминается в публикациях специалистов, исследующих проблемы древнерусского искусства второй половины XIV–XV вв.

По сложившейся научной традиции икона привлекает внимание искусствоведов как памятник древнерусской живописи, но исторический облик святыни неразрывно связан с ее многосоставным драгоценным убором, который сопутствовал чтимому образу на протяжении нескольких веков.

Впервые о нем в 1910 г. рассказал В.Т. Георгиевский в статье, посвященной истории икон Покровского монастыря, связанных с семейством Ивана Грозного [Георгиевский, 1910. С. 3–21]. В результате изучения архивных материалов ученый выявил исторический облик чудотворной иконы Богоматери, которая была богато украшена чеканным серебром, золотыми венцами, цатами, ожерельями, серьгами, рясами жемчужными и имела множество других драгоценных прикладов, по Описи монастыря 1597 г. — 225 предметов.

В.Т. Георгиевский собрал воедино уцелевшие к началу XX в. металлические и шитые части убора, которые сохранялись в монастыре, но жили частично уже отдельно от иконы и представил цельный комплекс «икона и ее убор» для фотосъемки. В результате мы имеем сегодня фотографию 1910 г., на которой икона Богоматери с Младенцем запечатлена в сложном уборе периода позднего Средневековья, включавшем, кроме металлических частей, шитые пелену и убрус — вклад царицы Анастасии Романовны, первой супруги Ивана IV. [ил. 3]

ил.1 Богоматерь Одигитрия (Грузинская). Начало XV в. Двусторонняя икона. Дерево, левкас, темпера. 68 × 46 см. ГТГ. Инв.12767

fig.1 Double-sided icon. Mother of God Hodegetria (Georgian). Beginning of the 15th century. Wood, gesso, tempera. 68 × 46 cm. State Tretyakov Gallery, inv.12767

ил.2 Спас Вседержитель. Оборот двусторонней иконы. Начало XV в.

fig.2 The reverse of a two-sided icon. Christ Pantokrator. Beginning of the 15th century

Этот убор, к сожалению, практически почти выпал из поля зрения исследователей. Хотя его научная и историческая ценность очевидна. В списке музейных предметов фонда драгоценных металлов Третьяковской галереи по категориям художественной ценности, который был составлен в начале 30-х гг. XX в., он был признан единственным экспонатом фонда, которому была присвоена высшая категория¹.

Многосоставный оклад иконы Богоматери Грузинской поступал в Третьяковскую галерею отдельными партиями из Владимирского музея в 1930 и 1931 гг., в то же время сюда была передана и сама икона из ГИМ. А в 1934 г. из ЦГРМ в галерею пришел басменный оклад с оборота иконы — с образа Господа Вседержителя.

1 ОР ГТГ. Оп. 8.IV/80. Опись предметов драг. металлов по категориям ценности, составленная по распоряжению зам. дир. ГТГ Лехта Ф.К. научными сотрудниками А.В. Лебедевым и А.Н. Свириным 25 дек. 1930.

ил.3 Икона Богоматерь Одигитрия (Грузинская) в драгоценном уборе с пеленой и убрусом. Архивное фото, 1910

fig.3 Icon of the Mother of God Hodegetria (Georgian) in a precious dress with a veil and a sudarium. Archival photo from 1910

В 1960-е гг. икона Богоматери Одигитрии (Грузинской) получила описание в Каталоге древнерусской живописи [Антонова, Мнева, 1963. Т.1. С. 211]. А вот оклад иконы, разобранный на отдельные части, был лишь только упомянут в примечании к каталожной статье.

Более пристальное внимание ему уделил в 1990-е гг. А.М. Лукашов, хранитель фонда драгметаллов Третьяковской галереи. В публикации автор предложил свою версию истории образа и его шитых пелены и убруса. Исследователь сопоставил историческое описание венцов, поднизи, коруны, ожерелий, цаты по опубликованным описям 1597 и 1651 гг. с современным состоянием этих предметов, предоставив при этом данные экспертизы Пробирного надзора 1974 г., удостоверявшей качество металла, способ его обработки и состав драгоценных камней, украшавших убор [Лукашов, 1995. С. 38–52].

Исследование драгоценного обрамления иконы с точки зрения его художественного своеобразия было предпринято И.А. Стерлиговой [Стерлигова, 2000. С. 179]. Особое внимание было уделено истолкованию символики слагаемых убора. Датируя золотой чеканный венец Богоматери временем написания

самой иконы², Стерлигова связала его стилистические особенности с палеологовскими образцами, допуская возможность участия в его изготовлении мастеров этой школы. Впрочем, аналогов венцу обнаружено не было.

Так, в науке наметились основные направления изучения оклада иконы Богоматери Грузинской как сложного памятника декоративно-прикладного искусства. Хотя совершенно очевидно, что недостаточно было бы оценивать части убора, как было принято до недавнего времени, исключительно с точки зрения своеобразия «способов художественной обработки металла» или приемов шитья его тканевых частей [Якунина, 1955. С. 46–48]. В то же время и стилистический анализ без изучения технологических особенностей частей убора все-таки не дает убедительного аргументированного результата.

Адекватное восприятие комплекса требует учитывать его «прикладной» по отношению к самой иконе характер, тесную связь с образом, с его историей и судьбой. Складывался он при непосредственном участии тех или иных исторических лиц, имена которых выявляются по описям. Не менее важно оценить, как изменялся убор на протяжении длительного периода с XVI по XX в. Его разрастание или сокращение, проблемы состояния сохранности, периодичность и характер реставрации иллюстрируют судьбу самой почитаемой иконы, так или иначе отражая историческую обстановку и эволюцию религиозного сознания.

Данный подход предполагает тесное знакомство с архивными материалами, дающими максимально объективную информацию о разнообразных сторонах жизни монастыря. Кроме известных описей 1597 и 1651 гг., новую ценную информацию по истории комплекса дали неопубликованные описи монастырского имущества, с которыми удалось ознакомиться. Это описи 1619, 1682, 1689, 1701, 1763, 1793 и 1894 гг.

Обобщая полученные сведения, можно с уверенностью сказать, что драгоценный убор Богородичного образа вполне оформился к концу XVI в. По своему объему и ценности он не имел себе равных.

Несмотря на то что на протяжении столетий данная икона Богоматери с Младенцем была единственным чудотворным образом в обители, ее статус на протяжении всего пребывания в монастыре нельзя признать постоянным. Он менялся, что проявилось как в перемещении иконы в храм, так и в ее именовании. Описи помогают выявить также изменения деталей драгоценного убора.

Первоначально чудотворный образ Богоматери с Младенцем располагался в особом киоте, помещавшемся в местном ряду иконостаса справа от царских врат, куда традиционно помещают особо почитаемые иконы. Там она оставалась вплоть до середины XVII в. По Описи 1651 г., сделанной по указу царя Алексея Михайловича, икона по-прежнему находилась там, но «образ

2 В Каталоге Третьяковской галереи икона датируется 60-ми гг. XIV в., т.е. временем основания Покровского суздальского монастыря. Однако более убедительной, на наш взгляд, выглядит атрибуция иконы, предложенная Л.И. Лифшицем, который датирует икону началом XV в. [см.: Лифшиц, 2014. С. 17].

местный Пречистые Богородицы чудотворные» теперь не открывает опись, как в 1597 г., а следует только после описания других икон иконостаса: деисуса, праздников, пророческого чина, царских дверей, сени и столпов. Вполне возможно, что причиной тому стало введение определенного регламента в ведении документации.

В Описи 1682 г., составленной по указу митрополита Илариона, икона упомянута уже в другом месте храма: «на левой стороне на налое образ пречистые Богородицы чудотворные в киоте...»³ Перемещение иконы в пространстве церкви, несомненно, отражает явные сдвиги в восприятии образа, который постепенно терял статус главной святыни монастыря. Первым в местном ряду иконостаса справа по Описи 1682 г. назван образ «Всемилового Спаса сидяща на престоле», затем упомянут новый образ Покрова Пресвятой Богородицы, а также иконы «Предста царица», образ «Зачатия Богородицы Иоакима и Анны» и, наконец, образ «преподобной княжны Евфросиньи да Софии Суздальских чудотвориц». На левой стороне царских врат вслед за образом «Богоматери Одигитрии», «Сошествия Св. Духа» и «Происхождения честного Креста» располагалась икона суздальских епископов чудотворцев Иоанна и Феодора, Дионисия и Симона, а рядом с ней образ Евфимия чудотворца суздальского. В таком расположении местных икон, в сравнении с XVI в., отражается тенденция к укреплению почитания местночтимых святых.

Прямое покровительство монастырю великого князя и царя, определявшее устройство и даже распорядок жизни обители в XVI в., что хорошо прослеживается по историческим актам, сменилось во второй половине XVII в. доминирующей ролью местной церковной власти.

После масштабных ремонтных работ в Покровском соборе в 1686 г. по указу преосвященного митрополита Илариона, архиепископа Суздальского и Юрьевского, были обновлены иконостас и его убранство. Икона Грузинской Богоматери получила в храме новое место: теперь она оказалась на правой стороне у столпа⁴, против южных дверей, где и пребывала в дальнейшем на протяжении всего XVIII в.

Анализ описей монастырского имущества дает основание утверждать, что к концу XVIII в. слава некогда главной святыни монастыря — «иконы местной пречистой Богородицы чудотворной» — как будто меркнет. Так, последняя опись, где икона Богоматери с Младенцем названа чудотворной, датирована 1701 г.⁵ Икона в этой описи хотя и названа «образ Пречистые Богородицы чудотворные с Превечным Младенцем», никак особо не выделена и упомянута второй после образа Богоматери Казанской, располагавшейся в храмовом пространстве на правой стороне у южных дверей⁶ и имевшей также богатый драгоценный убор.

3 НИОР РГБ. Ф. 218. № 841.2. Л. 19 об.

4 ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 1271. Л. 50.

5 Опись была составлена по указу Петра I стольником Иваном Мироновичем Кологривовым «по наказу из монастырского приказа».

В Описи 1763 г. икона вовсе утратила определение чудотворной, которого нет и в документах 1793 и 1894 гг. Все они отражают другое, видимо, бытовавшее и ранее в обиходе название, по которому икона теперь выделяется среди других: «... на правой стороне у столпа образ Пресвятыя Богородицы именованіе Грузинския»⁷.

По-видимому, В. Т. Георгиевский, работавший с архивом монастыря, неслучайно использовал в отношении иконы название «Грузинская». Напомним, что авторы музейного каталога 1963 г. сочли, что ученый неверно оценил иконографию образа и предложили называть ее Богоматерью Одигитрия (Грузинская). Очевидно, что В. Т. Георгиевский не был «изобретателем» показавшегося позднее сомнительным названия «Грузинская», он просто применял его как общепринятое, известное по поздним монастырским описям.

Тем не менее и в настоящее время делается попытка корректировать «неправильное» название иконы и ограничиться определением «Богоматерью с Младенцем»⁸. Соблазн полностью отказаться от именованія «Грузинская», на наш взгляд, опасен, поскольку оно, по всей вероятности, обусловлено не иконографией образа, а его происхождением.

В. Т. Георгиевский предполагал, что икона была принесена либо с Афона или непосредственно с Кавказа. О связи с Афоном свидетельствует полное иконографическое сходство нашей иконы с образом Богоматери из афонского Ватопедского монастыря. Вообще, контакты Грузии с Афоном в XIV–XV вв. были достаточно тесными. Сюда через покровительство афонских монастырей прибывали художники из греческой Македонии и Фессалоник, которые несли с собой палеологовские традиции, воплощавшиеся в искусстве [см.: Евсеева, 2002. С. 170]. Характер живописи иконы Богоматери Одигитрии (Грузинской), несомненно, указывает на эту связь⁹.

Наша икона — двухсторонняя, но особо почитался именно образ Богоматери, а не Спаса. Икона помещалась в киоте, а обратная сторона, которая иерархически вроде бы должна была бы быть лицевой, оказалась скрытой¹⁰ и не участвующей в литургической практике.

Об обороте с изображением Спаса Вседержителя не упоминается ни в одной описи вплоть до 1763 г., где после описания Грузинской и ее убора помечено: «... на другой стороне образа Пречистые Богородицы Грузинския написан образ Вседержителей венец и поля обложены серебром басебным золоченым оклад ветх»¹¹. Явные признаки преобладания богородичного культа в нашей иконе опять же вполне укладываются в историю грузинской традиции.

6 НИОР РГБ. Ф. 218. № 841.5. Л. 6 об.

7 НИОР РГБ. Ф. 218. № 841.7. Л. 9.

8 Инициатива научного сотрудника отдела древнерусского искусства Л. В. Нерсисяна рассматривалась на заседании научного отдела.

9 В. И. Антонова писала: «Так называемая Богоматерь Грузинская несомненно является вариантом византийского иконографического типа Перивлепты» [Антонова, 1960. С. 110].

Вернемся к истории бытования иконы в Покровском храме. По Описи 1793 г. икона Богоматери Грузинской располагалась против правого клироса и упомянута после образа Христа Спасителя в киоте с затворами в богатом уборе¹². А в XIX в. икона вновь изменила свое положение. В Описи 1894 г. она попала в рубрику: «Иконостас и иконы в прочих местах храма. Вокруг столпов в киотах иконы на правой стороне»¹³. Икона помещалась на правом столпе над образом Преображения Господня¹⁴, т.е. в верхнем ряду, и была уже в новом киоте: «Сия икона помещается в особо устроенной киоте за стеклом столярной работы резной с позолотой»¹⁵. Нетрудно догадаться, что такое местоположение образа исключало традиционное сугубое поклонение. В уборе его по Описи 1894 г. не обозначены ни пелены, ни убрусы, ни приклады. Все это хранилось отдельно в ризнице и были отнесено по описи к древностям, не принадлежащим к богослужению.

Многосоставный убор иконы Богоматери с Младенцем (Грузинской) сложился в XVI — первой половине XVII в. Кроме основных своих частей в виде золотых венцов, серег «казанских», рясен, ожерелий и цат, пелен и убруса, он включал другой многочисленный приклад, который, согласно описям 1597 и 1619 гг., входил в состав монист. К концу XVI в. таких монист на иконе было пять. На них располагались многочисленные кресты, панагии, иконки, пронизки, цепочки, серьги, перстни, упоминаются также золотые монеты, большие и малые. Особо выделялся так называемый мирской приклад в виде шести гривен у Богоматери и четырех гривен у Младенца «витых золотых невеликих» [Георгиевский, 1927. С. 3; Опись Покровского женского монастыря, 1927. С. 3]. Наличие такого обширного приклада свидетельствует о большом почитании образа в этот период.

К 1619 г. мирской приклад в виде гривен был снят и переделан в одну большую гривну «к Богородице и Спасову образу»¹⁶. Небольшое жемчужное ожерелье Спасы в это время было переделано в рясны к Богородице, а золотые монеты переделаны в коруну к чудотворному образу «да у пречистые Богородицы и у Спасова сорок шесть золотых а против отписки Василия Волынского да подъячева Второва писано было пятнадцать золотых и те золотые переделаны к чудотворному же образу и к Спасову образу в коруну»¹⁷. Из той же описи узнаем, что для сооружения коруны к чудотворной были взяты еще три золотых от приклада к иконе Богоматери Тихвинской из местного

10 Отметим, что деревянные вставки при ремонте доски иконы, имеющей сквозную трещину по середине, расположены со стороны скрытого от обозрения изображения Спасы, а не Богородицы.

11 НИОР РГБ. Ф. 218. № 841.7. Л. 14.

12 ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Ед. хр. 1274. Л. 16, 17 об.

13 ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Ед. хр. 1868. Л. 19.

14 Там же. Л. 20.

15 Там же. Л. 22.

16 НИОР РГБ. Ф. 218. № 841.1. Л. 8.

17 Там же. Л. 9.

18 Там же. Л. 19.

ряда: «... да у пречистыя богородицы было три золотых и те золотые взяла церковница в прибавку делала коруну пречистой богородице к чудотворному образу»¹⁸. Таким образом, коруну следует датировать началом XVII в., что вполне соответствует ее стилистическим и технологическим особенностям.

По той же Описи 1619 г. проясняется судьба жемчужной поднизы, сохранившейся до наших дней: «да в прошлом во сто двадцать втором году (1614 г.) княгиня старица Александра Ногтева приложила прикладу к пречистой богородице к чудотворному образу венец низан а в нем звезда золота а в звезде яхонт лазорев (сапфир. — Л.К.) а около 7 яхонтов червчатых (рубинов. — Л.К.) да 7 зерен жемчужных на спнях на золотых да ожерелье низано на пяти нитях одиннадцать полос да к Спасу ожерельице...»¹⁹. Выясняется, что данная поднизь и ожерелья заменили прежние, более древние, о которых сказано так: «... а около был прежде того венец у пречистой богородицы низанной и ожерелье низанное и у Спасы тот жемчуг весь прибавлен к старым рясам к чудотворной а низано на четырех нитях...»²⁰

Работы по демонтажу и восстановлению частей убора выполнялись несколькими мастерицами: «... а перенизывали все мониста у чудотворной иконова а была тут игумения Ольга, да княгиня Марфа Татева да княгиня Александра Ногтева да церковница Олферия Тетерина»²¹, причем количество монист в 1619 г. сократилось до трех, а расположение приклада стало более рациональным.

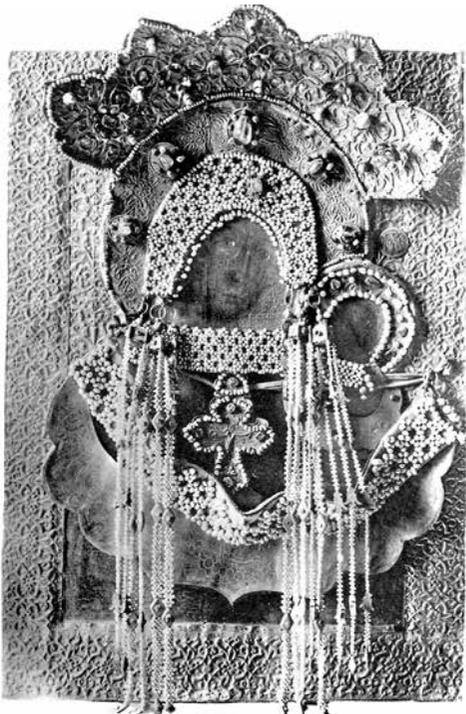
Княгиня Ногтева, в постриге Александра, Анна Федоровна Татева, жена последнего удельного Суздальско-Нижегородского князя Даниила Андреевича Ногтева. После смерти мужа в 1600 г. она добровольно приняла монашество в Покровском монастыре и, можно сказать, воссоединилась со своей матерью Марфой Татевой, урожденной княжной Голицыной, которая пребывала в Покровском монастыре с 1587 г., куда была сослана «на смирение» за буйный нрав и заговор против царицы Ирины Годуновой. Князь Татевы — древнейший род князей Стародубских — рюриковичи. Именно родовитость давала княгиням Марфе Татевой и Александре Ногтевой право особо заботиться об обновлении и поддержании убора моленного великокняжеского образа. По церковному преданию, икона Грузинской была передана в монастырь самим Иваном Грозным после успешной казанской кампании.

Одной из ценнейших исторических и художественных реликвий является шитая пелена к иконе, приклад Анастасии Романовны, первой супруги царя Ивана Грозного. На ней «образ пречистые богородицы вышит золотом да серебром по червчатой камке», т.е. по красному шелку, а жемчужные венцы Богоматери и Спасы украшены шестью яхонтами лазоревыми, т.е. сапфирами, да двумя лалами, т.е. шпинелью, да тремя тумпазами желтыми, которые оказались по современной экспертизе двумя желтыми сапфирами и одним

19 Там же. Л. 134.

20 Там же.

21 Там же. Л. 135 об.

4

5

6

ил.4 Икона Богоматерь Одигитрия (Грузинская) в драгоценном уборе. Архивное фото, 1910
fig.4 Icon of the Mother of God Hodegetria (Georgian) in a precious dress. Archival photo of 1910

ил.5 Икона Богоматерь Тихвинская. Середина XVI в. Дерево, левкас, темпера. 91 × 66,7 см
 Происходит из Покровского монастыря в Суздале. Владимиро-Суздальский музей-заповедник
fig.5 Icon of the Mother of God of Tikhvin. Mid 16th century. Wood, gesso, tempera. 91 × 66.7 cm
 Comes from the Intercession Monastery in Suzdal. Vladimir-Suzdal Museum-Reserve

ил.6 Фрагменты орнаментов венца иконы Богоматери Тихвинской и иконы Богоматери Одигитрии (Грузинской)
fig.6 Fragments of the crown ornaments of the icon of Our Lady of Tikhvin and the icon of Our Lady Hodegetria (Georgian)

лейкосапфиром. Средник пелены сохранился полностью и не перешивался. А вот поля пелены передельвали, и не раз. При Анастасии Романовне они были из черной камки, т.е. из черного шелка, по которому были нашиты дробницы с лицевыми изображениями Христа и Богоматери, Иоанна Предтечи и избранных святых. К 1619 г. черная камка, по-видимому, обветшала, и ее заменили на червчатый (красный) бархат, украсив образ теми же дробницами.

Во времена архиепископа суздальского Серапиона, очевидно, в конце 1630-х — 1640-е гг., пелена, скорее всего, была вновь отреставрирована. Поля были оформлены теперь черным бархатом. Жемчужное шитье по бели было перенесено на эту новую черную бархатную основу, а старые лицевые дробницы сняли и, видимо, судя по всему, заменили на другие — с тисненым цветочным орнаментом. Среди дробниц на полях пелены не осталось ни одной с лицевым изображением, которые упоминаются в описях 1597 и 1619 гг. Именно в этом виде пелена сохранилась до наших дней.

Самой загадочной частью убора с точки зрения датировки долгое время оставались золотые венцы Богоматери и Младенца, которые, по предположению специалистов, оценивались как древнейшие, современные живописи иконы, отнесенной авторами Каталога древнерусской живописи Третьяковской галереи к 60-м гг. XIV в.

Орнамент венца Богоматери, без сомнения, типологически связан с орнаментальными мотивами оклада полей и фона иконы, где узор строится вокруг декоративной восьмилепестковой розетки. Идентичный по орнаменту оклад, как выясняется, был на иконе Богоматери Умиление в том же суздальском Покровском монастыре [Орнаменты на памятниках, 1910. Вып. 2. Табл. X. № 48], который датируется XVI в.

У венца Богоматери Грузинской также обнаруживается аналог XVI в. Это серебряный позолоченный венец иконы Богоматерь Тихвинская²² из того же Покровского собора монастыря [ил.5]. При сопоставлении венцов этих икон нельзя не отметить совершенно очевидное сходство элементов их декорации, и, что особенно важно, — технологическую общность почерка одного и того же мастера [ил.6].

Первоначально золотой венец Богоматери украшали пять драгоценных камней в кастах: три яхонта лазоревых (сапфиры), один изумруд и одна бирюза.

К 1619 г. украшения венца Богоматери не изменились. Но в Описи 1651 г. состав и количество камней уже иное, и оно соответствует современному состоянию венца. Замена камней в кастах произошла, очевидно, в 1630–1640-е гг.

²² Икона «Богоматерь Тихвинская». Вторая четверть — середина XVI в. Инв. В-6300/57.

²³ Судя по характеру деформаций кастов репьев, они подгонялись под размер камня.

²⁴ В.И. Антонова рассматривала суздальскую икону как вариант византийского иконографического типа Перивлепты, восходящей, в свою очередь, к особому варианту Одигитрии, которая именно так и названа в Описи 1641 г. Троице-Сергиевой лавры. По-видимому, в 40-е гг. XVII в. Грузинская из Суздальского монастыря могла быть осмыслена в этом же ряду, что отразилось и в ее убранстве.

при архиепископе Серапионе, когда вместо каст появились массивные тяжеловесные запоны из серебра [ил. 4]. Скорее всего, они были взяты из каких-то прежних запасов²³. В описях XVII в. мы встречаем подробное описание ларей и коробий, в которых в монастыре хранили цаты, дробницы, застежки, серебряные пуговицы, кресты с серебряными обкладками, ломаное серебро. Массивные запоны, богато украшенные драгоценными камнями и жемчугом, имеют некоторое типологическое сходство с крупными золотыми запонами на венце иконы Богоматери Перивлепты из Троице-Сергиевой лавры²⁴.

Венец Христа по Описи 1597 г. был украшен тремя камнями во «вставках», т.е. в кастах: двумя червцами (камни красного цвета) и одной бирюзой, «а около вставок по 4 жемчужки на спнях» [Георгиевский, 1927. С. 1], т.е. жемчужины располагались крестообразно. В центре венца Младенца первоначально располагалась бирюза. Она была чуть крупнее червцов. В эстетике украшения в XVI в. особую роль играли яркие цветовые акценты. Интересно, что убрус к иконе, имел сходное цветовое сочетание: «...убрусец тафта червчата (красная. — Л.К.) чело и наконешники камка синя (шелк синий. — Л.К.)»²⁵.

Расположение двух червцов (рубинов) на венце Младенца не изменилось вплоть до наших дней. Они помещаются на гладких полях перекрестий на венце Младенца справа и слева. К 1619 г. в венец дополнили два алмаза в кастах. А в 1630–1640-е гг. бирюза в центральном перекрестье венца была заменена на яхонт червчат, к которому добавились изумруды в кастах. Жемчужины на спнях, располагавшиеся раньше крестообразно около каст с рубинами и бирюзой, теперь располагаются по одной между алмазами, изумрудами и рубинами²⁶. Жемчуг в украшении венца Младенца крупный и тщательно подобран как по размеру, так и по форме. В описях он назван «большим кафимским жемчугом». Так, к середине XVII в. меняется декоративная композиция венца, возникает иной ритм элементов его убранства, рождается новая эстетическая форма украшения.

В дальнейшем серьезные перемены почти не коснулись обрамления иконы. В описях XVIII в. фиксируются уже не прибавки, а, к сожалению, утраты в уборе иконы.

Таким образом, многосоставный оклад иконы Богоматери Одигитрии (Грузинской) в основных своих частях относится к периоду наибольшего почитания образа — к середине XVI — первой половине XVII в., а не к XIV в., как это предполагалось ранее.

Но этот оклад сменил более древний басменный, что устанавливается по характеру размещения гвоздевых отверстий на иконе, особенно хорошо просматриваемых на рентгенограмме. И оклад этот был подобен тому, что сохранился на обороте иконы с изображением Спаса²⁷. Изучение убора лицевой и оборотной стороны продолжается.

25 НИОР РГБ. Ф. 218. № 841.1. Л. 10.

26 Что нашло отражение в описи 1651 г.: «... у Спасова образа в венце два алмаза да три яхонта червчаты два изумруда да шесть жемчугов бурмицких на золотых спнях».

27 В настоящий момент оклад находится на реставрации.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова В.И. Иконографический тип Перивлепты и русские иконы Богоматери в XIV веке // Из истории русского и западноевропейского искусства. Материалы и исследования. М., 1960. С. 103–117.
- Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в. Т. 1: XI — начало XVI века. М., Искусство, 1963. 394 с.
- Георгиевский В.Т. Иконы Иоанна Грозного и его семьи в Суздале // Старые годы. 1910, ноябрь. С. 3–21.
- Государственная Третьяковская галерея: каталог собрания. Древнерусское искусство X — начала XV века. Т. 1. М.: Красная площадь, 1995. 272 с.
- Евсеева Л.М. Грузинская икона X–XV вв. // История иконописи VI–XX в. М.: АРТ-БМБ, 2002. С. 167–172.
- Лифшиц Л.И. О датировке двухсторонней иконы Богоматери из Покровского монастыря в Суздале (ГТГ) // Сергей Радонежский и русское искусство второй половины XIV — первой половины XV века в контексте византийской культуры. Тез. докл. междунар. науч. симп. Москва, 10–12 ноября 2014 года. С. 17.
- Лукашов А.М. Икона «Богоматерь с Младенцем — Спас Вседержитель» из Покровского монастыря в Суздале и ее убор // Сообщения Гос. Третьяковской галереи. М., 1995. С. 38–52.
- Стерлигова И.А. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. Происхождение, символика, художественный образ. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 264 с.
- Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале 7159/1651 года // Труды Владимирской ученой комиссии. Кн. V. Владимир, 1903.
- Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале 1597 года // Георгиевский В.Т. Памятники старинного русского искусства суздальского музея. М.: Главнаука, 1927.
- Орнаменты на памятниках древнерусского искусства. М., 1910. Вып. 2.
- Якунина Л.И. Русское шитье жемчугом. М., 1955. 160 с.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

О драгоценном уборе иконы Богоматери Одигитрии (Грузинской) из Покровского монастыря Суздаля

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковтырева Людмила Владимировна — кандидат искусствоведения, главный научный сотрудник музея, хранитель фонда драгоценных металлов, Государственная Третьяковская галерея, Лаврушинский пер. 10. Москва, Российская Федерация, 119017. milinmir@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Двусторонняя икона Богоматери Одигитрии (Грузинской) из Покровского монастыря в Суздале и ее многосоставный драгоценный убор представляют собой единый средневековый культурно-исторический комплекс, научное освоение которого было начато в 1910 г. В.Т. Георгиевским. В 1930 г. икона поступила в Третьяковскую галерею, куда вскоре был передан частями и ее убор, состоящий из металлических и тканевых частей, украшенных драгоценными камнями и жемчугом. Икона неоднократно упоминалась специалистами в исследованиях, посвященных древнерусской живописи XIV — первой половины XV в., однако убор почитаемой иконы почти не привлекал внимания искусствоведов. Статья знакомит читателя с промежуточным результатом исследования сложного обрамления почитаемой иконы, которое складывалось на протяжении столетий.

Его адекватное восприятие строится на анализе содержания девяти архивных Описей монастырского имущества XVI–XIX вв., которые дают представление об эволюции убора в целом, изменении его отдельных частей, вкладчиках и исполнителях деталей оклада. Описи позволяют проследить изменения местоположения иконы в пространстве храма. Совокупность приведенных данных по архивным документам дает возможность уточнения атрибуции малоизученного образа и его убранства, включая проблему его происхождения и датировки.

Ключевые слова

Древнерусская живопись, Покровский монастырь в Суздале, чудотворная икона, драгоценный убор, описи монастырского имущества XVI–XIX вв.

Title

About the Precious Decoration of the Icon of the Mother of God Hodegetria (Georgian) From the Intercession Monastery in Suzdal

Author

Kovtyreva, Liudmila Vladimirovna — Ph.D, Chief Researcher of the Museum, Curator of the Fund of Precious Metals, State Tretyakov Gallery, Lavrushinsky per., 10. Moscow, Russian Federation, 119017. milinmir@yandex.ru

Abstract

The double-sided icon of the so-called Georgian Mother of God Hodegetria from the Intercession Monastery in Suzdal and its multi-piece precious attire represent a single medieval cultural and historical complex, the scientific development of which was begun in 1910 by V.T. Georgievsky. In 1930, the icon entered the Tretyakov Gallery with its decoration, consisting of metal and fabric parts, decorated with precious stones and pearls. The icon was repeatedly mentioned by experts in studies on ancient Russian painting of the 14th — first half of the 15th centuries, however, the headdress of the venerated icon almost did not attract the attention of art historians. The article acquaints the reader with the intermediate result of the study of the complex framing of the venerated icon, which has evolved over the centuries. Its adequate perception is based on the analysis of the contents of nine archival inventories of monastic property of the 16th–19th centuries, which give an idea on the evolution of the decoration as a whole, the changes in its individual parts and its contributors and executors. The descriptions make it possible to trace the changes in the location of the icon in the space of the temple. The totality of the given data on archival documents makes it possible to clarify the attribution of the little-studied image and its decoration, including the problem of its origin and dating.

Keywords

Ancient Russian painting, Pokrovsky monastery in Suzdal, miraculous icon, precious decoration, inventories of monastic property of the 16th–19th centuries.

References

Antonova V.I. The Perivlepta Iconographic Type and Russian Mother of God Icons of the 14th Century. *Iz istorii russkogo i zapadnoevropeiskogo iskusstva. Materialy i issledovaniia (From the History of Russian and Western Art. Studies and Materials)*. Moscow, 1960, pp. 103–117 (in Russian).

- Antonova V.I., Mneva N.E. *Katalog drevnerusskoi zhivopisi XI — nachala XVIII vekov (Catalogue of Old Russian Painting of 11th — early 18th Century)*, vol. 1. Moscow, 1963. 394 p. (in Russian).
- Bruk Ia. V. et al. (eds.) *Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia galereia: katalog sobraniia. Drevnerusskoe iskusstvo X — nachala XV veka. Tom 1 (State Tretyakov Gallery. Catalogue of the Collection. Old Russian Art, 10th — early 15th Century, vol. 1)*. Moscow, Krasnaia Ploshad' Publ., 1995. 273 p.
- Evseeva L.M. Georgian Icons of 10th–15th Centuries. *Istoriia ikonopisi VI–XX v (The History of Icon Painting, 6th–20th Centuries)*. Moscow, ART-BMB Publ., 2002, pp. 167–172 (in Russian).
- Georgievskii V.T. (ed.) Inventory of Pokrovsky Convent of Suzdal', 7159/1651. *Trudy Vladimirskoi uchenoi komissii. Kniga V. (Works of Vladimir Scientific Commission, vol. 5)*. Vladimir, 1903 (in Russian).
- Georgievskii V.T. (ed.) Inventory of Pokrovsky Convent of Suzdal', 1597. *Pamiatniki starinogo russkogo iskusstva suzdal'skogo muzeia (Monuments of Old Russian Art from the Suzdal Museum)*. Moscow, Glavnauka Publ., 1927 (in Russian).
- Georgievskii V.T. The Icons of Ivan the Terrible and his Family in Suzdal. *Starye gody (Old Years)*, 1910, November, pp. 3–21 (in Russian).
- Iakunina L.I. *Russkoe shit'e zhemchugom (Russian Pearl Embroidery)*. Moscow, 1955. 160 p. (in Russian).
- Lifshits L.I. On the Date of a Two-Sided Icon of the Mother of God from Pokrovsky Monastery in Suzdal (Tretyakov Gallery). *Sergii Radonezhskii i russkoe iskusstvo vtoroi poloviny XIV — pervoi poloviny XV veka v kontekste vizantiiskoi kul'tury. Tezisy dokladov mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma (Sergius of Radonezh and Russian Art of the Second Half of 14th — First Half of 15th Century in the Context of Byzantine Culture)*. Moscow, November 10–12, 2014, p. 17 (in Russian).
- Lukashov A.M. Icon of the Mother of God with Christ Pantocrator from Pokrovsky Monastery in Suzdal and Its Decoration. *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Tret'iakovskoi galerei (Bulletin of the State Tretyakov Gallery)*. Moscow, 1995, pp. 38–52 (in Russian).
- Sterligova I.A. *Dragotsennyi ubor drevnerusskikh ikon XI–XIV vekov. Proiskhozhdenie, simbolika, khudozhestvennyi obraz (Precious Decorations of Old Russian Icons of 11th–14th Centuries. Origins, Symbols and Image)*. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2000. 264 p. (in Russian).

«Встреча Марии и Елисаветы» в миниатюрах Лицевого сборника Чудова монастыря 1560-х годов: к проблеме интерпретации авторского замысла «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи»

© 2022

УДК 75.056(470-25)"156"
ББК 85.14(2)
У79

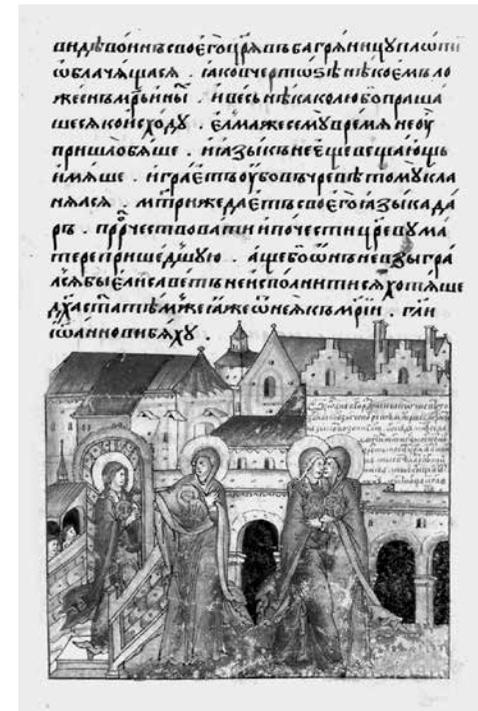
Поступила в редакцию 12.04.2022

В «Слове на Зачатие св. Иоанна Предтечи» в составе Лицевого сборника Чудова монастыря 1560–1570-х гг. (ОР РГБ. Ф. 98. № 1844) один из фрагментов повести посвящен свиданию Девы Марии, получившей от архангела Гавриила благую весть о грядущем рождении Мессии, с ее родственницей Елисаветой, которая в это же время носила во чреве св. Иоанна Крестителя (Л. 149 об.–151). Эпизод входит в состав первой, так называемой святоотеческой, части «Слова», примыкает к истории Благовещения Богородице и предваряет рассказ о рождестве Иоанна [Иванов, 2015. С. 160–161].

Текст проиллюстрирован двумя миниатюрами. На л. 150 показан приход Девы Марии к дому Елисаветы, которая открывает ей двери. Затем следует сцена их встречи, сопровождаемой объятиями [ил. 1]. А в верхней части миниатюры на л. 151 представлена беседа святых родственниц в доме Захарии [ил. 2]. Уникальной особенностью указанных сцен является то, что на лонах Марии и Елисаветы изображены проглядывающие сквозь одежды контуры полуфигур их еще не рожденных младенцев, и на каждой из них Иоанн из чрева матери поклоном приветствует Иисуса.

Изображение «Встречи Девы Марии и Елисаветы» известно в искусстве с раннехристианских времен [Покровский, 2001. С. 131–135]. Сюжет восходит к евангельскому тексту (Лк. 1:39–56) и его пересказу в Протоевангелии Иакова (25:11–12). В Православной Церкви нет отдельного праздничного дня, соответствующего данному событию. Однако его изображение стало важной составляющей иллюстрированных мариологических циклов, в т.ч. цикла Протоевангелия и Акафиста¹, а также жития св. Иоанна Предтечи [Κατωτη, 1998. Σ. 42–59].

¹ «Встреча Марии и Елисаветы» в цикле Акафиста стала иллюстрацией к 4 Икосу: «Имущи богоприятную Дева утробу востече ко Елисавети» [Громова, 2005. С. 236, 264].

ил.1 Встреча Марии и Елисаветы. Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи» Лицевого сборника Чудова монастыря. 1560-е. ОР РГБ. Ф. 98. № 1844. Л. 150

fig.1 Meeting of Mary and Elizabeth. Miniature “Word on the Conception of St. John the Baptist” from the Illuminated manuscript of the Chudov Monastery. 1560s. OR RSL. F. 98. No.1844. L.151

ил.2 Беседа Марии и Елисаветы в доме Захарии. История Ионы. Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи» лицевого сборника Чудова монастыря. 1560-е. ОР РГБ. Ф. 98. № 1844. Л. 151

fig.2 The conversation of Mary and Elizabeth in the house of Zechariah. History of Jonah Miniature from the Illuminated manuscript of the Chudov Monastery “Word on the Conception of St. John the Baptist”. 1560s. OR RSL. F. 98. No.1844. L.151

В византийском и древнерусском искусстве сцена традиционно изображалась через формулу «встречи – целования»: Богородица и Елисавету показывали сошедшимися в родственном объятии с приникшими друг к другу ликами².

Напротив, в средневековой католической Европе Посещение Девы Марии стало темой отдельного праздника (лат. Visitatio Mariae, 31 мая или 2 июля), введенного в практику богослужений во второй половине XIII в. орденом

² По мнению А. Грабара, в ранних циклах жизни Марии сюжет «Посещения», следующий за «Благовещением», служил смысловым эквивалентом непорочного зачатия, по аналогии с иллюстрациями «Книги Царей» (3-я и 4-я Книга Царств) из Ватиканской библиотеки (Vat. Gr. 333), иконографией Встречи Иоакима и Анны у Золотых ворот, миниатюрами «Романа об Александре» и др., где сцена объятия предшествует сценам рождения библейских царей, Александра Македонского, Марии [Grabar, 1969. P.130–131].

францисканцев. В 1263 г. он был письменно рекомендован для всей конгрегации главой ордена Бонавентурой. Праздник *Visitatio* быстро распространился на Западе благодаря высокому авторитету францисканского ордена, а всецерковное одобрение он получил по приказу папы Урбана VI в 1389 г. (повторено в 1441 г.) [*Holweck*, 1912].

В романском искусстве в сценах «*Visitatio*» изображались две стоящие в полуобороте друг к другу фигуры святых жен с жестами приветствия, но без тесного объятия. Встречаются и «византизирующие» варианты, со сценой «целования». В искусстве готики и особенно Возрождения для изображения данного сюжета стали применяться более разнообразные композиционные схемы: Елисавету представляли на коленях перед Марией, святые матери изображались с жестами прикосновений к животам друг друга, которые показывали, что каждая из них узнала о беременности другой. Значительную роль в развитии иконографии праздника сыграло распространение в католическом мире текста «Золотой Легенды» Иакова Ворагинского, в котором подробно рассказывалось о взыгрании младенца Иоанна в утробе матери в момент свидания [*Иаков Ворагинский*, 2018. Т. II. С. 11]. По-видимому, еще большее влияние оказали на нее литургические тексты, группировавшиеся вокруг «*Magnificat*» — произнесенного Девой Марией в ответ на приветствие Елисаветы хвалебного гимна «Величит душа моя Господа...» (Лк. 1:46–55). В католическом богослужении «*Magnificat*» был кульминационным пунктом вечерни, одним из наиболее торжественно исполнявшихся гимнов, которому придавали различные формы — большого респонсория (*responsorium prolixum*), тракта, верса аллилуйи, антифона, секвенций и даже особых литургических мистерий [*Fassler*, 2019. P. 636–640]. В текстах этих песнопений, иногда написанных в форме диалога между нерожденными младенцами, с партией Иоанна, поющего Господу из чрева матери, развивались темы общения Христа с его пророком еще до их появления на свет. Особенную популярность такие мистические драмы получили в богослужебной практике католических женских монастырей, уставы которых могли достаточно сильно варьироваться от ордена к ордену.

Неудивительно, что в западном искусстве с рубежа XIII–XIV вв. прослеживается традиция изображения в момент свидания Марии и Елисаветы нерожденных младенцев в утробах матерей, часто окруженных сиянием. При этом Иоанн кланяется Иисусу или преклоняет перед ним колени, а Христос благословляет своего Предтечу. В миниатюрах градуалов (сборников богослужебных песнопений) XIV–XV вв. именно такие изображения «Посещения» могли сопровождать тексты «*Magnificat*»³. Выразительным примером описан-

3 Нетрадиционно данная сцена решена на миниатюре первой части «Часослова Висконти» 1390–1402 гг. (Национальная библиотека Флоренции, *Vanco Rari* 397. Fol. 147 v). Эпизод «Посещения Девой Марией Елисаветы» вписан в инициал «Магнификата». Младенец Иоанн показан сидящим на руках у матери, встречающей Марию на пороге своего дома. Иоанн протягивает руку к Марии, указывая на Ее чрево (*Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze. TECA BNCF — Manoscritti e Incunaboli*. URL: <https://teca.bncf.firenze.sbn.it/ImageViewer/servlet/ImageViewer?idr=TECA00000021184#> (дата обращения: 05.01.2022).

ного варианта иконографии является миниатюра «*Visitatio*» Градуала цистерцианского монастыря Вонненталь в Брейсгау, ок. 1340–1350 гг., хранящегося в Баденской гос. библиотеке, Карлсруэ (*Cod. U. N. 1, f. 172 v*)⁴ [ил. 3]. В иконографии «*Visitatio*» с видимыми младенцами нашло отражение специфическое учение францисканцев о совершенстве человеческой природы Христа с момента воплощения. Оно было изложено, в частности, в популярном сочинении «Размышления о жизни Христа» Псевдо-Бонавентуры (Иоанна де Каулибуса) между 1336 и 1360 гг.: «Тогда Сын Божий тотчас, весь и без промедления вошел в чрево Девы, и принял от нее плоть, и при том весь остался в лоне Отца. [...] и в тот же миг была сотворена душа и влита в тело: совершенный человек по всем чертам тела, только очень-очень маленький, — с тем, чтобы потом естественно расти во чреве, как все прочие люди. Только вливание души в плоть и формирование отдельных членов тела не было постепенным, как у прочих. Он сразу был совершенный Бог и совершенный человек, такой же мудрый и могучий, как есть всегда» [*де Каулибус*, 2011. С. 15]⁵.

Не исключено, что импульс к художественному воплощению данной темы был получен из иконографии Богоматери с Младенцем в мандорле на лоне, распространившейся из Италии в страны континентальной Европы и восходящей, в свою очередь, к византийскому образу Богоматери *Επίσηψις-Πλατυτέρα*. Как показала И.А. Шалина, икона Богоматери *Επίσηψις* Влахернского храма, широко прославившаяся благодаря еженедельному «пятничному чуду», была известна на Западе по запискам пилигримов еще до падения Константинополя⁶. При этом догматически строгая символическая композиция, соотносившая образ Девы Марии с пророчеством о будущем воплощении Эммануила (Ис. 7:14), получила на Западе более натуралистическую трактовку изображения «непраздной» Богоматери, носящей во чреве Младенца Христа.

Вариант иконографии «Посещения» с видимыми фигурками младенцев был распространен преимущественно в странах Центральной и Восточной Европы. Одним из ранних примеров является скульптурная группа «*Visitatio*» 1310–1320 гг. немецкого мастера Генриха Констанцкого из доминиканского монастыря Катариненталь в районе Боденского озера в Швейцарии (Музей Метрополитен) [*Rosenau*, 1944. P. 179, fig. A; *Jung*, 2007. P. 223–237, fig. 18.1, 2, 7] [ил. 4]. Вырезанные из орехового дерева, с почти полностью сохранившейся полихромией и позолотой, фигуры Марии и Елисаветы имеют миндалевидные полости со вставленными кабошонами из горного хрусталя, через которые первоначально

4 *Badische Landes-Bibliothek*. URL: <https://digital.blb-karlsruhe.de/blbhs/Handschriften/content/pageview/208648> (дата обращения: 05.01.2022).

5 В тот же период это учение нашло отражение на Западе в иконографии Благовещения с изображением Младенца Христа, летящего по воздуху к Деве Марии [*González Montañés*, 1996. P. 11–45].

6 См. описание еженедельного пятничного чуда и самой иконы в так называемом Таррагонском анониме XI в. и Анониме Меркати XII в., а также в латинской поэме *Liber Virginalis*, дошедшей в списке XIII в., но восходящей к времени до 1204 г., и в ряде других [*Шалина*, 2005. С. 362–364].

3

4

5

6

7

ил.3 Посещение Девой Марией Елисаветы. Миниатюра градуала из цистерцианского монастыря Вонненталь в Брейсгау. Ок. 1340–1350. Баденская гос. биб-ка, Карлсруэ. Cod. U. H. 1. Fol. 172 v

fig.3 Visitation of the Virgin Mary to Elizabeth. Miniature of a gradual from the Cistercian Vonnental Monastery in the Breisgau. Ca. 1340–1350. Baden State library, Karlsruhe. Cod. U. H. 1. Fol. 172 v

ил.4 Генрих Констанцкий. Посещение Девой Марией Елисаветы. Скульптура. Из доминиканского монастыря Катариненталь, Швейцария. 1310–1320-е. Музей Метрополитен, Нью-Йорк

fig.4 Heinrich of Constance. Visitation of the Virgin Mary to Elizabeth. Sculpture. From the Dominican Katharinental monastery, Switzerland. 1310–1320s. Metropolitan Museum, New York

ил.5 Посещение Девой Марией Елисаветы. Фрагмент шитого антепендиума из Страсбурга. Ок. 1410. Музей декоративно-прикладного искусства, Франкфурт-на-Майне

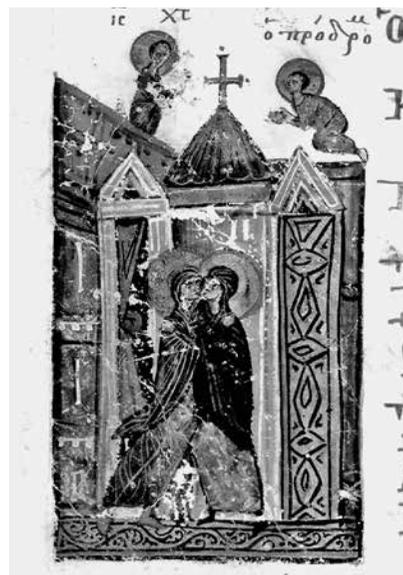
fig.5 Visitation of the Virgin Mary to Elizabeth. Fragment of an embroidered antependium from Strasbourg. Ca. 1410. Museum of Decorative Arts, Frankfurt am Main

ил.6 Конрад Витц. Посещение Девой Марией Елисаветы. Ок. 1445. Фрагмент алтарного панно из собора в Базеле. Национальная картинная галерея, Берлин

fig.6 Konrad Witz. Visitation of the Virgin Mary to Elizabeth. Ca. 1445. Fragment of an altar panel from the cathedral in Basel. National Art Gallery, Berlin

ил.7 Ханс Струб. Посещение Девой Марией Елисаветы. Ок. 1505. Национальный Музей Тиссена-Борнемисы, Мадрид

fig.7 Hans Strub. Visitation of the Virgin Mary to Elizabeth. Ca. 1505. Thyssen-Bornemisza National Museum, Madrid

ил.8 Встреча Марии и Елисаветы. Фреска церкви Св. Креста (Тимиу Ставру) в Пелендри, Кипр Третья четверть XIV в.

fig.8 Meeting of Mary and Elizabeth. Fresco of the Church of the Holy Cross (Timiou Stavrou) in Pelendri, Cyprus. Third quarter of the 14th century

ил.9 Встреча Марии и Елисаветы. Миниатюра Феодоровской псалтири. Византия, 1066 Британская биб-ка, Лондон. MS 19352. Fol. 113 v

fig.9 Meeting of Mary and Elizabeth. Miniature of the Feodorovskaya Psalter. Byzantium, 1066 British Library, London. MS 19352. Fol. 113 v

можно было видеть вкладывавшиеся в них фигурки Иисуса и Иоанна. 1350-ми гг. датируется фреска «Посещение» в романской кирхе Св. Георгия (Согн-Гиери) в селе Рецюнс в швейцарском кантоне Граубюнден, на которой младенцы Христос и Иоанн смотрят друг на друга из темных прямоугольных «окон» на груди их матерей [Poeschel, 1940. Bd. 3. S. 43–59. Abb. 49, s. 50]. В XV–XVI в. аналогичные изображения встречались на алтарных антепендиумах⁷, в скульптуре⁸ и живописных алтарных панно⁹ [ил. 5–7]. На картине «Встреча Марии и Елисаветы» неизвестного немецкого художника Дунайской школы 1530–1550 гг. (Музей искусств в Кливленде) [Duffy, 2017. F.18] нерожденные младенцы не совсем типично представлены парящими в воздухе в ореолах

- 7 Например, шитая панель (Orphrey Panel) «Посещение» из Богемии, ок. 1400 г. (Музей Искусств — музей Фогга, Гарвард, инв. 1928.118.C (URL: <https://harvardartmuseums.org/collections/object/215177> (дата обращения: 05.01.2022)), шитый антепендиум из Страсбурга, ок. 1410 г., хранящийся в Музее декоративно-прикладного искусства во Франкфурте-на-Майне, Инв. 6810. [Duffy, 2017. Ill. 11].
- 8 Скульптурная группа «Посещение», 1420-е гг., Германия, в Германском национальном музее в Нюрнберге, и немецкий барельеф, ок. 1440 г., в Баварском национальном музее в Мюнхене [Duffy, 2017. Ill. 2, 12].

между фигурами своих матерей, однако чаще всего в это время они изображались именно во чреве, теснящимися в физиологически обусловленных позах, что в жанре скульптуры выглядело особенно натуралистично.

Характерно, что данная европейская традиция изображения «Посещения» породила эпизодические рефлексии в искусстве восточно-христианских регионов, находившихся в эпоху их создания под влиянием культуры Запада. Об этом наглядно свидетельствует миниатюра в армянском Евангелии мастера Авага 1337 г. из собрания Матенадаран в Ереване № 212, f. 157 a [La Miniature Arménienne XIIIe–XIVe siècles. Cat. 18–20], где на фигурах обнимающихся Елисаветы и Марии показаны обращенные друг к другу головы взрослых Иоанна Предтечи и Христа в нимбах, выглядывающие из складок мафориев своих матерей¹⁰. Известно также изображение на этот сюжет в росписи ц. Св. Креста (Тимиу Ставру) в Пелендри на Кипре третьей четверти XIV в., выполненное в эпоху владычества крестоносцев [Stylianou, 1997. P. 228–230]¹¹ [ил. 8]. На фреске на фоне одежд Марии и Елисаветы изображены довольно крупные фигуры обнаженных младенцев в нимбах, причем Иоанн низко кланяется сидящему, словно на престоле, благословляющему Христу.

Следует отметить, что тема приветствия младенцем Иоанном Младенца Христа в момент Посещения изредка отражалась и в восточной иконографии, но иначе, чем на Западе. Так, в декорации византийских Псалтирей XI в. с маргинальными миниатюрами — Барберини, ок. 1050 г. (Библиотека Ватикана. Cod. Barb. gr. 372, f. 146 v)¹² и Феодоровской 1066 г. (Британская биб-ка. MS 19352, f. 113 v)¹³ [ил. 9] над обнимающимися фигурами Марии и Елисаветы выше архитектуры показаны юный Христос и коленопреклоненно припадающий к нему Иоанн. В композиции символически раскрывается истинный смысл свидания: не только Елисавета встречает Марию, но, главное, Предтеча узнает и приветствует Спасителя мира Христа. Почву для такой трактовки

- 9 «Встреча Девы Марии и Елисаветы», 1430-х гг., в Национальной галерее в Праге; Конрад Витц. «Совет спасения. Посещение», ок. 1445 г., из Базеля в Национальной картинной галерее Берлина, инв. 1673 (URL: <http://www.smb-digital.de/eMuseumPlus?service=ExternalInterface&module=collection&objectId=867591&viewType=detailView> (дата обращения: 05.01.2022)), австрийское «Посещение», 1460-х гг., в Кремсмонстерском аббатстве, Австрия; Марк Рейлих. «Посещение», ок. 1500 г., Баварский национальный музей в Мюнхене, Старая пинакотекка, Ханс Струб «Посещение», ок. 1505 г., Национальный Музей Тиссена-Борнемисы, Мадрид, и мн. др. [Duffy, 2017. Ill. 1, 14, 17].
- 10 Кодекс происходит из г. Сольтание в Иране, который входил в сферу миссионерской деятельности францисканского и доминиканского орденов, а с 1318 г. стал центром католической архиепархии, переданной доминиканцам.
- 11 Во второй половине XIV в. деревня Пелендри была собственностью коннетабля Жана де Лузиньяна (1329–1375), сына короля Кипра Гуго IV де Лузиньяна. Северный придел храма, возведенный в этот период, служил домовою моленной семье феодала [Stylianou, 1997. P. 228–230].
- 12 DigiVatLib. URL: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Barb.gr.372 (дата обращения: 05.01.2022).
- 13 British Library Digitised Manuscripts. URL: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Add_MS_19352 (дата обращения: 05.01.2022).

ил. 10 Зачатие Иоанна Предтечи. Миниатюра «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи» Лицевого сборника Чудова монастыря. 1560-е. ОР РГБ. Ф. 98. № 1844. Л. 147

fig. 10 Conception of John the Baptist. Miniature from the Illuminated manuscript of the Chudov Monastery "Words on the Conception of St. John the Baptist" 1560s. OR RSL. F. 98. No. 1844. L. 147

ил. 11 Елисавета с младенцем Иоанном во чреве. Фрагмент фрески «Что Ти принесем» Успенский собор, Свяяжск. Ок. 1605. Фото Д.В. Денисова

fig. 11 Elizabeth with baby John in the womb. Fragment of the fresco "What We Bring Thee" Assumption Cathedral, Sviyazhsk. Ca. 1605. Photo by D.V. Denisov

сюжета помимо канонических источников могли давать развивающие данные идеи богослужебные тексты¹⁴.

В целом необходимо констатировать, что, в отличие от западного искусства, изображение нерожденных младенцев в лоне матерей в сцене свидания Девы Марии и Елисаветы для православного Востока не типично.

Однако в восточнохристианском искусстве все же был сюжет, визуализирующий физическое присутствие нерожденного Младенца Христа в утробе Марии — в иконографии «Устюжского Благовещения», где изображались проступающие сквозь одежду контуры Его фигурки на груди Богородицы.

14 «Веселяшися Предтеча в ложеснах носим матерних и покланяшися Господу, носиму в ложеснах твоих, Богоблагодатная», «Неплодная утроба носяше Тя, Дево, во чреве носившую Слово воплощенно: Егоже Божественными възгрании великий Предтеча, неплодная всесвятый плод, позна радуяся, и поклонися», «Носиму во утробе Богоматерни, вся Носящему манием, поклонился еси, Пророче» (Канон Иоанну Предтече, творение Иосифово, песнь 3, 7, 9, Богородичны).

Немаловажно, что данный извод иконографии был актуализирован в ряде списков в грозненском искусстве середины — второй половины XVI в. после того, как древняя икона XII в. из Новгорода [Нерсесян, 2020. С. 144] была перенесена в Благовещенский собор Московского Кремля¹⁵, т.е. незадолго до времени создания изучаемых миниатюр «Слова на Зачатие» лицевого сборника Чудова монастыря. Вторая икона, несущая отголосок данной темы, которая также присутствовала в это время в Москве — «Похвала Богоматери с Акафистом» третьей четверти XIV в., входящая в убранство Успенского собора. В ее клейме с изображением 3 кондака («Сила Вышняго осени тогда к зачатию браконек-искусную...») в сцене Благовещения на лоне сидящей Богоматери изображены контуры полуфигуры Младенца Христа в полупрозрачной мандорле [Громова, 2005. С. 236, 264]¹⁶. Здесь также формула, восходящая к строгим прототипам Ελίσαβετις-Πλατυτέρα, была связана с темой зачатия Богородицей Христа, физического пребывания Его в утробе Девы.

Весьма вероятно, что именно авторитет упомянутых древних икон (одна из которых считалась «письма корсунского, а как принесена с Корсуну в Юрьев монастырь тому лет пят сот и более», а другая — «письма греческого от древних лет» [Розыск, 1858. Кн. 2, ч. 3. С. 11]), оказавшихся в середине — второй половине XVI в. в Кремле, стал тем «шлюзом», который открыл дорогу к воспроизведению в миниатюрах «Слова на Зачатие» западной схемы «Visitatio». О том, что обе эти иконы находились под пристальным вниманием высшего духовенства и интеллигенции того времени, свидетельствует обсуждение особенностей их иконографии в «Розыске дьяка Висковатого» 1554 г.¹⁷

Общеизвестно, что в грозненском искусстве активно осуществлялась адаптация западноевропейского художественного материала, хотя в эту эпоху культурный «европеизм» был еще исключительной прерогативой ближайшего царского круга, особым пафосом его двора [Панченко, Успенский, 1983. С. 65]. На использование западноевропейских гравюр при создании миниатюр сборника Чудова монастыря указывал Ю.А. Неволин [Неволин, 1996. С. 71–84]. Учитывая широкое распространение варианта «Visitatio» с видимыми фигурами младенцев в странах Центральной и Восточной Европы, достаточно легко допустить присутствие такого образца иконографии в кремлевских мастерских

15 «Благовещение» из Юрьева монастыря в Новгороде появилась в столице до 1554 г., вероятно, в связи с обновлением убранства кремлевских соборов после пожара 1547 г., и оказалась в царском домовом храме — Благовещенском соборе, а затем — в Успенском соборе Кремля [Маханько, 2015. С. 58, 139–150].

16 В ранних вариантах иконографии цикла Акафиста этот текст иллюстрировался сценой с сидящей Богоматерью, позади которой ангелы раздвигают завесу — например, во фресках монастыря Панагии Олимпотиссы в Элассоне конца XIII в. Исследователи определяют ее как «Непорочное Зачатие» [Краснова, 2013. С. 93]. Следующая за ней сцена — «Встреча Девы Марии и Елисаветы».

17 Митрополит Макарий ссылался на изображения на этих иконах Господа Саваофа, обосновывая каноничность данного образа их древностью и почитанием [Розыск, 1858. Кн. 2, ч. 3. С. 11].

грозненского времени. Западный источник данного сюжета в изучаемых миниатюрах прослеживается также на уровне трактовки облика Марии, показанной с локонами кудрявых волос, выпущенных из-под чепца, что характерно именно для европейской, а не восточнохристианской, традиции.

Следует отметить, что в миниатюрах «Слова на Зачатие» лицевого сборника Чудова монастыря сцены «Встречи Марии и Елисаветы» — не первые, на которых Иоанн и Христос изображались как еще не рожденные младенцы. Иисус впервые изображен таким образом в сценах «Благовещения» (л. 144, 149 об.). Елисавета с контурами своего младенца на лоне также изображалась в предшествующих «Посещению» эпизодах, причем в весьма специфическом контексте. В большом фрагменте текста, посвященном Благовестию Захарии, присутствует несколько миниатюр, на которых зачатие Предтечи представлено как осенение лона Елисаветы Святым Духом. Так, на л. 147 справа от Захарии, принимающего благовестие от архангела Гавриила, представлена Елисавета, воздевшая руки в жесте принятия благодати, над ней в облачном сегменте — поясное изображение «Отечества». Св. Дух в виде голубя в «софийном» сиянии изображен в узком конце сегмента, почивающем на матери Предтечи. От Него на Елисавету нисходят лучи света, осеняя ее лоно, в котором просматриваются контуры младенца Иоанна. Правее представлен пророк Илия со свитком, как образ будущего служения Предтечи, которому предстояло прийти «в духе и силе Илии» [ил. 10].

В описанном изображении и в ряде аналогичных ему по смыслу наглядно проводится мысль о зачатии Иоанна Предтечи действием благодати Святого Духа¹⁸. Показательно, что среди 25 миниатюр «Слова», посвященных теме Зачатия Иоанна, нет ни одной с изображением «Целования» его родителей, которое в данную эпоху воспринималось как образ плотского зачатия и поэтому часто изображалось на фоне супружеского ложа [Устинова, 2005. С. 197–212]. Напротив, Зачатие Иоанна в миниатюрах Чудовского сборника показывается превосходящим естество, почти «непорочным», что сближает его рождение

18 Наиболее подробное изображение такого рода помещено в Чудовском сборнике на развороте л. 143 об.–144. В верхней части композиции представлено полнофигурное Отечество в окружении сонма ангелов, а внизу — стоящая Елисавета; от Святого Духа на нее сходит двойной луч, осеняя зачатого младенца Предтечу в лоне матери. Изображение сопровождается надписью: «Ангел похвали Елисавет: воистину велика в женах носившая Иоанна». Справа изображена сидящая Дева Мария, к Которой подходит Гавриил с благой вестью. На Ее мафории также намечены контуры фигуры Младенца Христа. На Богоматерь сходит тройной луч из уст Бога-Отца. Рядом с Ней надпись: «Гавриил ко Девеи глаголюще: и се, Елисавет, южика твоя, зачат от благородия рода и от чистоты жития, еже познати во плоти крыющегося Бога». Любопытно, что в сходных выражениях Степенная книга повествует о зачатии царского родителя Василия III от «благородия рода». На это обратил внимание М.С. Иванов, указавший общий источник данной словесной конструкции — «Слово о Законе и благодати» митрополита Иллариона, в котором, как и в «Степенной книге», проводилась тема благородного происхождения царских предков. По мысли автора, «вместе Степенная книга и „Слово“ об Иоанне говорят о благородстве самого царя, его предков и небесного покровителя» [Иванов, 2015. С. 204–205].

с Рождеством Христа. Этот намек автор раскрывает и в тексте, вкладывая с уста архангела Гавриила следующие слова: «О Захарие, ничтоже по естеству Бог делает, но чрес естество. Аще бо естеству чинаеши, не увеси преславнаго Божественнаго творения» (л. 139 об.).

«Слово на Зачатие Иоанна Предтечи» создавалось в митрополичьем скриптории Чудова монастыря как уникальное личное житие патронального царского святого, которое, по мнению большинства исследователей, было выполнено лично для Ивана Грозного [Иванов, 2015. С. 209]. Поскольку фолиант не предназначался для широкого круга читателей, неудивительно, что автор его программы, в котором видят бывшего царского духовника — всероссийского митрополита Афанасия [Там же. С. 214–215], — намеренно усилил в миниатюрах идею благодатного рождения царского святого. Причем усилил настолько, что она даже стала несколько выходить за рамки канонического православного учения, согласно которому зачатие Предтечи бесплодными престарелыми родителями было чудесным, но все же вполне естественным, «плотским». Нарочитое уподобление Зачатия Иоанна Воплощению Христа стало частью обширной программы по прославлению Предтечи в качестве «ангела» первого русского царя. В контекст данной программы логично вписалась и история встречи матери Предтечи и Девы Марии.

Значение этого события в общей канве повествования «Слова на Зачатие» с исключительной полнотой раскрывается в текстах, которые сопровождают изучаемые миниатюры. Первое изображение данного мини-цикла иллюстрирует текст: «Бысть бо, рече, яко услыша Елисавет целование Мариино, възграся младенец во чреве ея. Позна раб своего Владыку, *виде* воин своего царя, *в багряницу плоти облачяшася, яко в чертозе некоем ложесн Марииных* (здесь и далее курсив мой. — Ю. У.). И весь не како любо прашашеся ко исходу. Елма же сему время не у пришло бяше, и язык не еще вещающъ имяше, *играет убо во чреве Тому кланяся*». Все элементы изображения есть в тексте: и Младенец Христос, облаченный в багряницу плоти в «чертоге ложесн» Богоматери, которого зримо познает Иоанн, и его поклонение Иисусу. А далее в тексте проводится мысль, что не Елисавета, а сам Предтеча, как истинный пророк, Духом Святым прозрел в Марии Матерь Бога и, не имея еще самостоятельной способности к речи, внушил слова приветствия своей матери: «Матери же дает своего языка дар пророчествовати и почести Цареву Матерь пришедшую. Аще бо он не възгрался бы, Елисавет не исполнитися хотяше Духа Свята, темже яже от нея к Марии глаголи Иоаннови бяху». Это дает комментатору повод восхититься тем, что пророческий дар впервые был дарован нерожденному младенцу: «О, чюдеси! Свершен пророк бяше, не еще чювства свершена имея и младенец, ниже еще на воздух дохнув. Кто виде и слыша младенца пророка, не на руках, не в пеленах, не отдоена, но во чреве шестомесечна?» Так эпизод прорицания из чрева устами матери ставит Иоанна Предтечу выше всех пророков Ветхого Завета. «И ови убо по неких временех порождении тех или пророчествоваша, или чюдодествоваша. Ов же еще во чреве носим, Святаго Духа исполнися и чюдотворец показася» (л. 151). В последних строках слышится отголосок францисканской темы

совершенства человеческой природы Христа от Его зачатия, но в несколько ином контексте: Иоанн обретает дар зрелости ума и плоти не сразу после зачатия, а через шесть месяцев чревоношения вследствие посещения Св. Духа: «Тогда бо и Духа Святаго исполнися, егда и възыграся. А идеже Дух, вся совершена суть. Действом Его и недостаточная прелагаема на совершение».

В подтверждение своей мысли о превосходстве Иоанна автор приводит в пример Иону, ставшего пророком в зрелом возрасте, но не сразу принявшего свой жребий, попытавшись уклониться от него, убежав в Фарсис. «Иоанн же из чрева матерня Духа Святаго исполнен, и Сим тамо помазан пророк и пророком печать. И не дремая, не дряхлая в толиких чрева мокротах, но бодрствуя издавля зря Материю носимаго Господа» (л. 151).

Данный фрагмент текста сопровождает следующая миниатюра цикла: «Беседа Девы Марии с Елисаветой. История Ионы». В очередной раз вдохновленный западной гравюрой [Неволин, 1996. С. 71–84], художник показал наиболее драматический момент истории ветхозаветного пророка — напуганные штормом корабельщики выбрасывают Иону в морскую пучину, где его поглощает левиафан, который затем извергает его на берег. Выше представлены беседующие в доме Захарии Богородица и Елисавета, вновь с контурами младенцев на их лонах¹⁹.

В святоотеческой традиции экзегезы, опиравшейся на евангельское свидетельство Спасителя (Мф. 12:40), история пророка Ионы с китом традиционно являлась прообразом трехдневного погребения и Воскресения Христа. В этом контексте изображения истории Ионы известны с раннехристианских времен [Журавлева, Орецкая, 2010. С. 391–392]. Характерно, что незадолго до создания изучаемых миниатюр ее изображение появилось на фреске северной галереи Благовещенского собора в Московском Кремле (1547–1551). Создателями «Слова на Зачатие» она привлекается к житию Предтечи в неординарном сопоставлении: молитвенное воздыхание Ионы из чрева кита сравнивается автором с пророческим възыгранием Иоанна во чреве матери²⁰. Здесь снова иносказательно проводится мысль о близости образов Предтечи и Христа, служащей главной цели «Слова» — возвеличиванию личности пророка.

- 19 Характерно, что это не первый случай соединения тем Встречи Марии и Елисаветы и Истории Ионы в иконографии. Наиболее известный пример — миниатюра Гомилий Григория Назианзина (879–882) Par. gr. 510. Fol. 3v Национальной библиотеки Франции. На ней подробно проиллюстрированная История Ионы выступает иллюстрацией к словам святителя, объясняющим причины его бегства от пресвитерского сана, история же Благовещения и Посещения Марией Елисаветы с данным сюжетом в тексте гомилий непосредственно не связаны. В отличие от миниатюр «Слова на Зачатие», соединение данных сюжетов на одном листе в парижской рукописи чисто механическое, что подчеркивает широкая разгранка, отделяющая новозаветные сцены от истории Ионы [Der Nersessian, 1962. P. 195–228].
- 20 «Сие от Иони на чюдесе преславнейше есть. И много множае, он бо убо муж сыи, пророческое прият дарование, и бежа в Фарсис постизашеся, любопрящуся морю от своих плещю, того яко бегелца Божия низвергнути. Тои же спяше и храпяше, и от варвар възбуждаашеся. И конец жребию падшу на нем и в море ввержену бывшу, и в китове чреве уже видевся печалюся тужааше, многия скорбив молитвенных онех назнаменуя глаголах» (л. 151).

В программе «Слова на Зачатие Иоанна Предтечи» изучаемый фрагмент завершает его объемную первую часть, посвященную теме Зачатия святого (л. 133–155). На всем ее протяжении автор-составитель последовательно доказывал на множестве примеров из Ветхого Завета, что Иоанн превосходил святостью и силой пророческого дарования всех известных пророков, величием же превосходил и ангелов²¹. Пророчество Иоанна из чрева матери автор «Слова» рассматривает как кульминационный момент, подтверждающий и превосходящий все, сказанное им о Предтече ранее.

Таким образом, история Встречи Елисаветы с Девой Марией трактуется в «Слове» как чрезвычайно важный эпизод жития Иоанна Крестителя. Главной его темой становится первое свидание воплощенного Христа и Его Предтечи — тем более чудесное, что оба являлись еще не рожденными младенцами, а также уникальный опыт прорицания Иоанна из чрева матери, возвышающий его над всеми пророками. Именно с воплощением этих идей связано появление в миниатюрах изображений видимых младенцев Иисуса и Иоанна на лонах их матерей. Непосредственно воспринятая из западноевропейских образцов, данная иконография была косвенно подкреплена авторитетными примерами древних русских Богородичных икон, находившихся в Кремле в эпоху создания миниатюр. Она позволила автору наиболее выпукло выразить главную идею повести — тему величия Иоанна Предтечи, в том числе как небесного покровителя первого русского царя. Мероприятия по сугубому прославлению Иоанна Крестителя в эпоху Ивана IV в рамках культа царского ангела рассматривались его идеологами как средство укрепления и сакрализации царской власти.

Изображение свидания Девы Марии и Елисаветы с видимыми младенцами в лонах не стало распространенным мотивом древнерусской иконографии ни в грозненское время, ни позднее. Однако образ Елисаветы с Иоанном во чреве еще раз появляется во фресках Успенского собора в Свияжске ок. 1605 г. [Преображенский, 2009. С. 268–308] [ил. 11]. Там он стал частью развернутой композиции «Что Ти принесем, Христе». Образ «непраздной» Елисаветы с развернутым свитком в руке сопоставлен в ее программе с изображением взрослого Иоанна, который вместе с матерью предстоит Богородице на престоле с Младенцем Христом, чье рождение и пришествие в мир они предвозвестили. По словам М.А. Маханько, на фреске «небесный патрон первого московского царя изображен во всех возрастах: от младенца в лоне матери до взрослого и Боговдохновенного, что приближает значение его образа к Спасителю» [Маханько, 2015. С. 150]. Так идеи, заложенные в программу «Слова на Зачатие» и актуальные в правление Ивана Грозного, нашли поздний отголосок в памятнике годуновского времени.

- 21 «О непости(жи)мых Божиих судьбах, о краиня человеколюбия, о величеству достоинства Иоаннова. Будет велик пред Богом. Ангели служебнии дуси, но не велицы пред Богом. Тмы бо ангел служат Ему якоже в Данииле пишется, и тысяща архангел. Но и серафимы не велицы пред Богом, являет же ся в Исаии лица и ноги закрывающе, с толицем спрятанием стояще окрест престола оного царскаго и превознесеннаго. О Иоанне же тои самыи Гавриил рече: велик будет пред Богом и в лепоту такову достояше быти другу женихову» (л. 143).

ЛИТЕРАТУРА

- Громова Е.Б. История русской иконографии Акафиста. Икона «Похвала Богоматери с Акафистом» из Успенского собора Московского Кремля. М.: Индрик, 2005. 302 с.
- Журавлева И.А., Орецкая И.А. Иона, пророк [Иконография] // ПЭ. Т. 25. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. С. 391–392.
- Иаков Ворагинский. Золотая Легенда. Т. II. М.: Изд-во Францисканцев, 2018. 694 с.
- Иванов М.Л. О «Слове Похвальном на Зачатие Иоанна Предтечи» Чудовского лицевого сборника: Исследовательская статья // Лицевой сборник Чудова монастыря. Научный аппарат / И.В. Ловочкин, М.С. Крутова, М.Л. Иванов. 3-е изд., испр., доп. М.: Актеон, 2015. С. 177–223.
- Краснова Н.Л. Иконография древнейших циклов Акафиста Пресвятой Богородице // Греческие иконы и стенописи XII–XVI вв.: Сб. ст. М., 2013. С. 89–110.
- Каулибус де, Иоанн (Псевдо-Бонавентура). Размышления о жизни Христа. М.: Ин-т св. Фомы, XIV век (Христианская мысль. Тексты и исследования. Биб-ка журнала «Символ»), 2011. 311 с.
- Маханько М.А. Почитание и собирание древних икон в истории и культуре Московской Руси XVI века. М.: БуксМАрт, 2015. 351 с.
- Неволин Ю.А. Влияние идеи «Москва — Третий Рим» на традиции древнерусского изобразительного искусства // Искусство христианского мира. Вып. I. М.: ПСТГУ, 1996. С. 71–84.
- Нерсеян Л.В. Благовещение («Благовещение Устюжское») // Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 3. Древнерусская живопись XII–XIII вв. М., 2020. Кат. б. С. 144–189.
- Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха — статья первая // ТОДРЛ. Т. XXXVII. Л., 1983. С. 54–78.
- Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 564 с.
- Преображенский А.С. О стиле и времени создания росписи собора Успенского монастыря в Свяжске // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Материалы науч. конф. М., 2009. С. 268–308
- Розыск или список о богохульных строках и о сумнении честных икон, диака Ивана Михайлова Висковатого в лето 7062 // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 2, ч. 3.
- Устинова Ю.В. «Зачатьевский цикл» в составе жития св. Иоанна Крестителя в древнерусском искусстве XVI — первой половины XVII веков // Искусство христианского мира. Сб. ст. Вып. 9. М., 2005. С. 197–212.
- Шалина И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. М.: Индрик, 2005. 534 с.
- Der Nersessian S. The Illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus: Par. gr. 510. A Study of the Connections between Text and Images // *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 16. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1962. P. 195–228.
- Duffy M. The Joyful Mysteries, The Second Joyful Mystery, The Visitation Part IV—Visible Babies // *Ad Imaginem Dei: Thoughts on the history of European art, from a Catholic perspective*, 2017. URL: http://imaginemdei.blogspot.com/2017/05/the-joyful-mysteries-second-joyful_89.html?m=1 (дата обращения: 10.09.2021).
- Fassler M.E. Women and Their Sequences: An Overview and a Case Study // *Speculum* 94, 3 (2019). P. 625–673.
- González Montañés J.I. Parvulus Puer n Annuntiatione Virginis. Un estudio sobre la iconografía de la Encarnación // *Espacio, Tiempo y Forma, Serie VI, H.* del Arte, t. 9, 1996. P. 11–45.
- Grabar A. Christian Iconography. A Study of its Origins. Princeton: Princeton University Press, 1968. 174 p. + 346 pl.

- Holweck F. Visitation of the Blessed Virgin Mary // *The Catholic Encyclopedia*. Vol. 15. New York: Robert Appleton Company, 1912. 9 Aug. 2021 URL: <http://www.newadvent.org/cathen/15480a.htm> (дата обращения: 10.09.2021).
- Jung J.E. Crystalline Wombs and Pregnant Hearts: The Exuberant Bodies of the Katharinenthal Visitation Group. History in the Comic Mode: Medieval Communities and the Matter of Person, edited by Rachel Fulton, and Bruce W. Holsinger. New York: Columbia University Press, 2007. P. 223–237.
- Poeschel E. Die Kunstdenkmäler des Kantons Graubünden. Bd. 3. Basel, 1940. La Miniature Arménienne XIIIe–XIVe siècles. Collection du Maténadaran, Erévan. Leningrad: Éditions d'art Aurora, 1984. 224 p.
- Rosenau H. A Study in the Iconography of the Incarnation, *Burlington Magazine* 85, no. 496 (July 1944). P. 176–179.
- Stylianou A. & J. Peledri: The Church of the Holy Cross / The Painted Churches of Cyprus. Nicosia, 1997. 527 p.
- Κατσιωτή Α. Οι Σκηνοί της Ζωής και ο εικονογραφικός κύκλος του Αγίου Ιωάννη Προδρομού στη Βυζαντινή Τέχνη. Αθήνα, 1998.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

«Встреча Марии и Елисаветы» в миниатюрах Лицевого сборника Чудова монастыря 1560-х гг.: к проблеме интерпретации авторского замысла «Слова на Зачатие св. Иоанна Предтечи»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Устинова Юлия Владимировна — заведующая сектором станковой и монументальной живописи отдела хранения (научно-фондового) ФГБУК «Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева». Андроньевская пл., 10, Москва, Российская Федерация, 105120; старший преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Новокузнецкая ул., 236, Москва, Российская Федерация, 115184. u.ustinova@rublev-museum.ru

АННОТАЦИЯ

В «Слове на Зачатие св. Иоанна Предтечи» в составе Лицевого сборника Чудова монастыря 1560–1570-х гг. (ОР РГБ. Ф. 98. № 1844) один из фрагментов повести посвящен свиданию Девы Марии, получившей благую весть от архангела Гавриила, с ее родственницей Елисаветой, носившей в это время во чреве Иоанна Предтечу (л. 150–151). Текст проиллюстрирован двумя миниатюрами, уникальной особенностью которых является изображение на ложах святых матерей полуфигур их еще не рожденных младенцев Иисуса и Иоанна. Для византийского и древнерусского искусства изображение видимых младенцев в данном сюжете не характерно, однако в европейском искусстве такая трактовка сюжета известна с рубежа XIII–XIV вв., став популярным мотивом в странах Центральной и Восточной Европы. По-видимому, именно западный образец лег в основу композиции изучаемых миниатюр грозненского времени. Его использование позволило художникам выразить идею о превосходстве Иоанна Предтечи над другими пророками Ветхого Завета, заложенную в программе рукописи, выполненной в качестве лицевого жития святого покровителя первого русского царя.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Древнерусское искусство XVI в., древнерусская миниатюра, Лицевой сборник Чудова монастыря, эпоха Ивана Грозного, иконография Встречи Марии и Елисаветы, иконография св. Иоанна Предтечи, культ патронального святого.

TITLE

“The Visitation of Blessed Virgin Mary” In the Illuminated Manuscript From Chudov Monastery of the 1560s: To the Problem of Interpreting the Author's Concept of “Word on the Conception of St. John the Baptist”

AUTHOR

Ustinova, Julia Vladimirovna — head of the sector of easel and monumental paintings of the Department of storage. The Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art, Andronjevskaya pl., 10, 105120, Moscow, Russian Federation; Head Lecturer of the Saint Tikhon's Orthodox University, Novokuznetskaya ul., 23b, 115184, Moscow, Russian Federation. y.ustinova@rublev-museum.ru

ABSTRACT

The illuminated “Word on the Conception of St. John the Baptist” (1560–1570s) from Chudov monastery (Russian State Library. F. 98, collection of E. E. Egorov, no. 1844) contains the story of the Visitation of Blessed Virgin Mary, who was pregnant with Jesus, to St. Elizabeth, who was pregnant with John the Baptist (fol. 149v–151). The text is illustrated with two miniatures. A unique feature of these scenes is that the contours of their unborn babies are depicted on the bosoms of Mary and Elizabeth, peeking through their clothes. In Byzantine and ancient Russian art, the image of visible babies on the bosoms of their mothers is not characteristic in this scene. But in the art of Catholic Europe, such an interpretation of the scene has been known since the turn of the 13th–14th centuries, becoming a popular motif in countries of central and eastern Europe. Apparently, it was the Western model that formed the basis for the composition of the studied Russian miniatures. The use of this motif allowed the artists to express the idea of the superiority of John the Baptist over other prophets of the Old Testament, laid down in the program of the manuscript, which is composed as a vita of the patron saint of the first Russian tsar.

KEYWORDS

Old Russian art, 16th-century art, Old Russian book miniature, illuminated manuscript of the Chudov Monastery, epoch of Ivan the Terrible, iconography of the Visitation of the Blessed Virgin Mary to St. Elizabeth, iconography of St. John the Baptist, cult of the patron saint.

REFERENCES

- Der Nersessian S. The Illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus: Par. gr. 510. A Study of the Connections between Text and Images. *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 16. Washington, D.C., Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies Publ., 1962, pp. 195–228.
- Duffy M. The Joyful Mysteries, The Second Joyful Mystery, The Visitation Part IV — Visible Babies. *Ad Imaginem Dei: Thoughts on the history of European art, from a Catholic perspective, 2017*. Available at: http://imaginemdei.blogspot.com/2017/05/the-joyful-mysteries-second-joyful_89.html?m=1 (accessed 10.09.2021).
- Fassler M.E. Women and Their Sequences: An Overview and a Case Study. *Speculum*, vol. 94, no. 3 (2019), pp. 625–673.
- González Montañés J.I. Parvulus Puer in Annuntiatione Virginis. Un estudio sobre la iconografía de la Encarnación. *Espacio, Tiempo y Forma, Serie VIl, H.* del Arte, t. 9, 1996, pp. 11–45 (in Spanish).
- Grabar A. *Christian Iconography. A Study of its Origins*. Princeton, Princeton University Press Publ., 1968. 174 pp. + 346 plates.

- Gromova E.B. *Istoriia russkoi ikonografii Akafista. Ikona «Pohvala Bogomateri s Akafistom» iz Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlia (History of the Russian iconography of Akathist. Icon “Praise of Our Lady with Akathist” from the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin)*. Moscow, Indrik Publ., 2005. 302 p. (in Russian).
- Holweck F. Visitation of the Blessed Virgin Mary. *The Catholic Encyclopedia*, vol. 15. New York, Robert Appleton Company Publ., 1912. 9.08.2021. Available at: <http://www.newadvent.org/cathen/15480a.htm> (accessed 10.09.2021).
- Jung J.E. Crystalline Wombs and Pregnant Hearts: The Exuberant Bodies of the Katharinenthal Visitation Group. *History in the Comic Mode: Medieval Communities and the Matter of Person*, ed. by R. Fulton, B.W. Holsinger. New York, Columbia University Press Publ., 2007, pp. 223–237.
- Katsiwth A. *Oi Skhnes ths Zwhs kai o eikonografikos kyklos toy Agioy Iwannh Prodomoy sth Byzantin Technh (The Scenes of Life and the iconographic cycle of Saint John the Baptist in Byzantine Art)*. Athens, 1998. 347 p. (in Greek).
- Krasnova N.L. Iconography of the oldest cycles of the Akathist to the Most Holy Theotokos. *Grecheskie ikony i stenopisi XII–XVI vv.: Sbornik statei (Greek icons and murals of the 12th–16th centuries: Collection of articles)*. Moscow, 2013, pp. 89–110 (in Russian).
- La Miniature Arménienne XIIIe–XIVe siècles. Collection du Maténadaran, Erévan. Léningrad, Éditions d'art Aurora Publ., 1984. 224 p. (in French).
- Levochkin I.V., Krutova M.S., Ivanov M.L. (eds.). *Litsevoi sbornik Chudova monastyrja iz sobraniia rukopisnykh knig E.E. Egorova. Nauchnyi apparat (Illustrated Book of the Chudov Monastery from E.E. Egorov's Collection of Manuscript Book. Scientific apparatus)*. 3rd ed. Moscow, Akteon Publ., 2015. 280 p. (in Russian).
- Makhan'ko M.A. *Pochitanie i sobiranie drevnikh ikon v istorii i kul'ture Moskovskoi Rusi XVI veka (Veneration and collection of ancient icons in the history and culture of Moscow Russia in the 16th century)*. Moscow, BooksMArt Publ., 2015, 351 p. (in Russian).
- Nevoln Iu.A. Influence of the idea “Moscow — the Third Rome” on the traditions of old Russian fine art. *Iskusstvo khristianskogo mira (Art of the Christian World)*. 1996, vol. 1, pp. 71–84 (in Russian).
- Panchenko A.M., Uspenskii B.A. Ivan the Terrible and Peter the Great: Concepts of the first monarch. *TODRL (Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature)*. Leningrad, 1983, vol. 37, pp. 54–78 (in Russian).
- Preobrazhenskii A.S. About the style and time of the creation of the painting of the Cathedral of the Assumption Monastery in Sviyazhsk. *Lazarevskie chteniia. Iskusstvo Vizantii, Drevnei Rusi, Zapadnoi Evropy. Materialy nauchnoi konferentsii (Lazarev Readings. Art of Byzantium, Ancient Russia, Western Europe. Materials of the scientific conference)*. Moscow, 2009, pp. 268–308 (in Russian).
- Rosenau H. A Study in the Iconography of the Incarnation. *Burlington Magazine*, vol. 85, no. 496 (July 1944), pp. 176–179.
- Shalina I.A. *Relikvii v vostochnokhristianskoi ikonografii (Relics in Eastern Christian Iconography)*. Moscow, Indrik Publ., 2005. 534 p. (in Russian).
- Stylianou A. & J. Pelendri: *The Church of the Holy Cross (The Painted Churches of Cyprus)*. Nicosia, 1997. 527 p.
- Ustinova Iu. V. “The Conception cycle” as part of the life of St. John the Baptist in the old Russian art of the 16th — first half of the 17th centuries. *Iskusstvo Khristianskogo Mira (Art of the Christian World)*. 2005, vol. 9, pp. 197–212 (in Russian).
- Zhuravleva I.A., Oretskaia I.A. Jonah, the prophet [Iconography]. *Pravoslavnaia Entsiklopediia (Orthodox Encyclopedia)*, vol. 25. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2010, pp. 391–392 (in Russian).

«...взят сей образ из Диких полей»: новгородская икона Николая Чудотворца из Свято-Духова монастыря и Никитская вотчина Софийского дома

© 2022

УДК 27.526.62(470.24-25)
ББК 85.14
Ш18

Поступила в редакцию 12.04.2022

В отличие от многих домонгольских икон Великого Новгорода, чье происхождение прослеживается по источникам и поздним свидетельствам, первоначальное местонахождение образа святителя Николая Мирликийского середины XIII в. (ГРМ) ¹ [ил. 1] установить не удастся. Принято считать, что он был написан для Свято-Духова монастыря на Софийской стороне в Новгороде, где его, действительно, на протяжении всей второй половины XIX в. упоминают местные краеведы, и откуда в 1925 г. поступил в Новгородский музей.

Этому предположению как будто не противоречат и сведения о самой обители — одной из старейших и богатейших в городе, судя по летописным упоминаниям, уже существовавшей в 1162 г., когда «у Святого Духа Съшьствия поставиша игуменомъ Саву» (в других списках прибавлено: «попина святого Савы», то есть из приходских священников церкви Св. Савы) [НЛ, 1950. С. 31, 218]. К сожалению, за интересующий нас период следующего столетия о ней ничего не известно вплоть до 1357 г., когда повелением архиепископа Моисея в монастыре возвели каменную церковь Св. Троицы, причем летописец особо отметил, что «иже ныше манастырь мужеский» [НЛ, 1879. С. 234]. Строительство и возобновление там иноческой жизни пришлось на годы второго периода его владычества, отмеченного широким храмоздательством в пригородных монастырях [Антипов, 2017], что, безусловно, было связано со стремлением Моисея к пустынночеству. В Клопском синодике (1660)

1 ГРМ. ДРЖ-2778. Размеры: 67,5 × 52,8 × 2,4. Дерево, левкас, темпера. Датировка иконы и обоснование ее атрибуции: [Смирнова, 1976. С. 23–26, 28–32, 150–156, Кат. 1. Ил. с. 27–29, 265–267]. Интерпретация иконографии и художественного образа приведена: [Шалина, 1997].

ил. 1 Св. Николай Чудотворец, с поклоняющимися ангелами и избранными святыми. Икона из Свято-Духова монастыря в Новгороде. Ок. середины XIII в. ГРМ

fig. 1 St. Nicholas the Wonderworker with adoring angels and selected saints. Icon from the Holy Spirit Monastery in Novgorod. Around the middle of the 13th century. State Russian Museum

его имя записано как одного из строителей Духовской обители ², подтверждающая особое к ней внимание архиепископа. Впоследствии в местном ряду иконостаза Троицкого собора упоминаются личные вещи и реликварии с частицами мощей святителя Моисея, появление которых также не могло быть простым совпадением ³.

Расцвет монастыря пришелся на XVI столетие, когда архиепископ Макарий собственноручно написал для него и ввел там общежительный устав, а в годы царствования Ивана Грозного, особенно с 1550-х гг. с воздвижения

2 Этот источник цитирует архиепископ Макарий: «...там записаны имена создателей Духова монастыря: преосвященного Моисея, Твердислава (посадника) Филиппа, Иоанна, Анисия, Парфения, инока Варлаама» [Макарий, 1860. Ч. 1. С. 122].

3 «Подле Сошествия святого Духа образ Моисеева архиепископа стоящей на нем венец серебряной резной золочен по полям обложен окладом серебряным басменным золоченым. У того образа ковчег деревянной обложен з двух сторон и по концам серебром басменным золоченым, а на третьей стороне образ ево же Моисея архиепископа върезан на серебре золоченом в нем мощи онаго Моисея архиепископа новгородского. Посох ево чудотворцев деревянной съ яблоком позолочен». — РГАДА. Ф. 280 (Коллегия экономии). Оп. 3. Д. 164. Описи Троицкого Свято-Духова монастыря в Новгороде. 1763 год. Л. 1 об.–2. Можно допустить, что в какой-то момент все эти реликвии архиепископа Моисея были перенесены в обитель из разоренного во время Смуты Михайло-Сковородского монастыря, где находилась рака с его мощами. О надгробной иконе «на золоте» упоминает [Опись 1617, 1984. Ч. II. С. 116].

ил.2 Троицкий собор и церковь Святого Духа в Новгороде. Современная фотография
fig.2 Trinity Cathedral and the Church of the Holy Spirit in Novgorod. Modern photography

нового величественного Троицкого храма (1557?)⁴ [ил.2], началось активное каменное строительство. Особым покровительством обитель продолжала пользоваться у царя Феодора Иоанновича, наделившего ее землями и вотчинами. Писцовая книга письма Леонтия Аксакова 1582 г. [Майков, 1911. С. 52–53] и особенно подробная духовная грамота строителя Варлаама (1591) [Лихачев, 1909. С. 101–112] зафиксировали сложившийся здесь крупный архитектурный ансамбль [Ядрышников, 1999; Секретарь, 2011] каменных храмов Святого Духа (назван «старым»), «нового строения» Живоначальной Троицы «о пяти верхах» с приделом Святого Николая с трапезной и келарской палатами («а под ними хлебня да поварня»), трехшатровой колокольни с часозвоней и надвратных церквей в честь Богородицы и Александра Свирского. В духовной грамоте содержится и детальное описание богатого убранства храмовых интерьеров, украшенных высокими иконостасами и поклонными иконами, украшенными многочисленными драгоценными привесами и панаяями. Примечателен и ряд образов святителя Николая, перечисленных в приделе его имени, но все они либо писаны на золоте, либо имеют серебряные чеканные оклады, либо отмечены их крупные размеры и принадлежность определенному типу: «образ Никола чудотворец Можайский, девяти пядей [...] да образ Николы

4 Эту дату называет архим. Макарий [Макарий, 1860. Ч.1. С.123].

чюдотворца Чаженского, четырех пядей; да образ Николы чюдотворца Ляцкого, полупятых пядей; да образ Николы чюдотворца Болотовского, локотной» [Лихачев, 1909. С.103]. Ни одно из этих крайне редких по перечисленным изданиям описаний не соответствует облику иконы из Русского музея, что позволяет говорить о том, что в конце XVI в. этого памятника в монастыре не было.

Как и многие другие ансамбли, Свято-Духов монастырь был опустошен во время шведской оккупации (1611–1617), причем по росписи новгородских церквей 1615 г. он назван «бывший мужской, а ныне женский» [Опись 1617, 1984. С.322]: «...в нем две церкви каменные разорены, и кельи, и ограда сожжены. И как послы пришли в Великий Новгород, и велели в том монастыре быти игумену Александру и церковь освятити, и монастырь строити». Далее автор перечисляет значительное число уцелевших или перенесенных туда после освящения икон: «5 двери царские резные и на золоте, 169 образов в деисусах святых и праздников и пророков [...] 68 пядниц...» [Опись 1617, 1984. Ч.1. С.97]. О быстром его восстановлении свидетельствует и список денежных доходов по Новгороду за 1620–1621 гг., где Свято-Духов назван четвертым «большим монастырем» после Юрьева, Хутынского и Антониева [Опись 1617, 1984. Ч.11. С.259].

Ко времени составления следующей известной нам переписной книги 1763 г., к нему был приписан целый ряд упраздненных новгородских обителей, в том числе архиепископский Благовещенский на Мячине, а позднее — в 1787-м и древний княжеский Михалицкий, откуда были переведены не только инокини, но и часть убранства, среди которого могли оказаться произведения, ранее принадлежавшие архиерейской казне [Зверинский, 1890. С.137–138].

Все это усложняет решение вопроса о времени перемещения туда рассматриваемой иконы святителя Николая, которую и в это время не удается связать с иконостасом Никольского придела. Однако схожий с ней памятник упоминается среди местных икон, стоящих по правую сторону Царских врат самого Троицкого собора. Писец называет его вслед упомянутому образу — мощевнику архиепископа Моисея, также оказавшемуся там в позднее время: «образ Николая Чудотворца писан красками на нем венец и цата серебряная резная золоченая. Пред оным образом лампада медная»⁵. О сравнительно небольших размерах этого храмового памятника косвенно свидетельствует тот факт, что над ним и в том же ярусе «у окна» располагалась еще одна икона — Богоматери Знаменая. Основные описанные приметы — отсутствие золотого фона и скромный характер драгоценного убранства — вполне соответствуют особенностям произведения, сохранившего следы от гвоздей, крепивших лишь венец и цату. Однако в силу традиционности сюжета, утверждать окончательно, что речь идет именно о нем, нельзя. С середины XIX в. икона Николая Чудотворца прослеживается по упоминаниям в краеведческой

5 РГАДА. Ф.280. Оп.3. Д.164. Описи Троицкого Свято-Духова монастыря в Новгороде. 1763 г. Л.2.

3

4

ил.3 Икона «Св. Николай Чудотворец» из Духова монастыря в Новгороде. Фотография во время раскрытия. 1929. ОР ГТГ. Ф. 68. Д. 243

fig.3 Icon "St. Nicholas the Wonderworker" from the Dukhov Monastery in Novgorod. Photographed during the discovery. 1929. ОР ГТГ. Ф. 68. Д. 243

ил.4 Тот же фрагмент. Надпись

fig.4 The same fragment. Inscription

И.А. Шалина

«...взят сей образ из Диких полей» Новгородская икона Николая Чудотворца...

литературе: сначала архимандрит Макарий [Миролюбов] и В.М. Толстой, затем в начале следующего столетия В.П. Ласковский выделяют ее среди убранства Троицкого собора благодаря надписи на нижнем поле, сообщавшей о создании образа в 1500 г. и «перенесении» его из «Диких полей» [Макарий, 1860. Ч.2. С. 89]⁶. Известный этим исследователям текст автографа, появившийся, во всяком случае, не позднее первой половины XIX в., был удален во время реставрации, но о нем можно судить по фотографии, обнаруженной в архиве ЦГРМ в Москве, где памятник раскрывали в 1928–1929 гг.⁷ [ил. 3, 4]. Надпись гласила: «W(т) ВОПЛОЩЕНИЯ БГА СЛОВА АФ (1500) ГОДУ НАПИСАН СЕЙ WBPA3 СТАГО ВЕЛИКАГО СТИТЕЛЯ НИКОЛЫ МИРЛИКСКАГО ЧЮД. ВЗАТ СЕЙ WBPA3 ИЗ ДИКИХ ПОЛ».

В Русском музее на протяжении всех этих лет ошибочно полагали⁸, что речь в надписи шла о возвращении иконы из слабозаселенных степных причерноморских и приазовских степей, лежащих между Днестром и Доном и отделявших крымских татар от Московского государства, поскольку эта территория издавна называлась Дикими полями [Назаров, 1970. С. 97–114; Солодкин, 1996. С. 23–25]. Однако это предположение выглядит большой натяжкой в силу позднего времени появления надписи, когда само понятие уже утратило свое значение, тем более, что в ней говорится «взят из Диких пол», что подразумевает конкретное поселение и передачу иконы из одного храма в другой. Ошибалась и Л.А. Секретарь, безосновательно наделив этим топонимом Архиерейскую мызу, — древний владичный удел с деревянной церковью Свят. Николая, расположенный в пяти верстах от Новгорода на берегу Волхова⁹.

На самом деле в надписи говорится о подмосковной Дикопольской вотчине в Богородицком уезде на реке Непрядве (к югу от Тулы) — селе Никитском с деревнями, полученном, как полагал Б.Д. Греков новгородским митрополитом между 1678 и 1683 гг. [Греков, 1914. С. 301–302] [ил. 5]. Свое название поселение получило благодаря расположению на древнем пути, связывавшем Москву, Тулу и Воронеж с «Дикими полями» на южном порубежье Российского государства [Малицкий, 1895. С. 122].

Этот топоним встречается в новгородских источниках среди актов новгородского Софийского дома¹⁰, и обнаруженные документы позволяют восстановить историю как самой вотчины, так и представить характер художественного убранства возведенной там церкви. Впервые это словосочетание

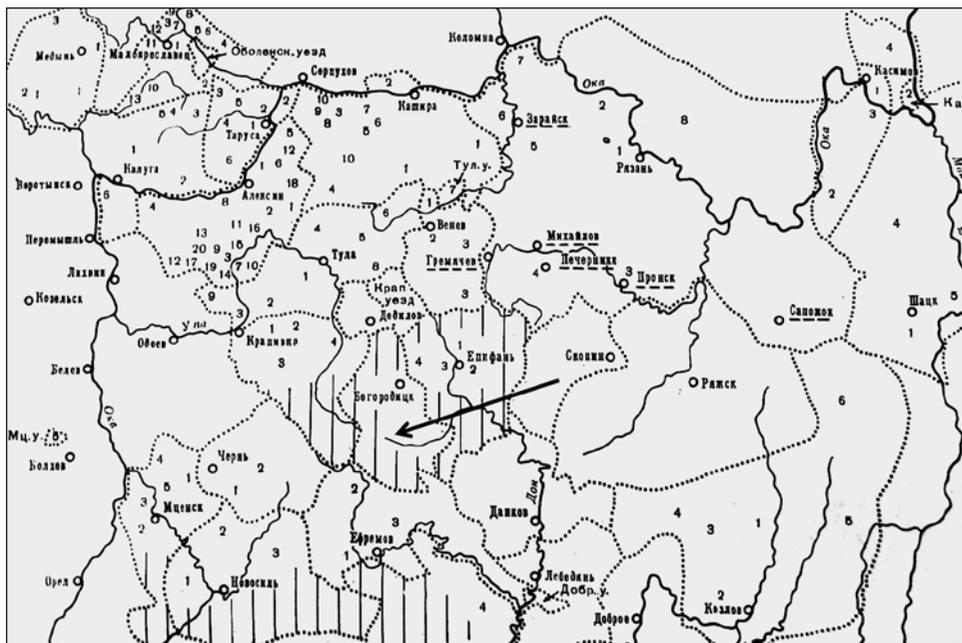
6 Те же сведения и без уточнения места расположения образа в Троицком храме, приводят: [Толстой, 1862. С. 83–84; Ласковский, 1910. С. 183].

7 ОР ГТГ. Ф. 68 Д. 243. Протокол реставрации иконы «Никола» из Духова монастыря, Новгород. Снимок № 1010. Надпись на этой фотографии процитирована: [Смирнова, 1976. С. 150].

8 В частности, эту мысль активно поддерживала Т.Б. Вилинбахова.

9 Со слов исследовательницы, эти сведения попали в издание [История русского искусства, 2019. С. 226, примеч. 62].

10 Сердечно благодарю И.Ю. Анкундинова, указавшего на документы описи фонда новгородских актов.

ил.5 Схема Дикопольской софийской вотчины в Богородицком уезде на реке Непрядве (в окрестностях Тулы) — селе Никитском с деревнями (по Б.Д. Грекову)

fig.5 Scheme of the Dikopol Sofia estate in the Bogoroditsky district on the Nepryadva River (in the vicinity of Tula) — the town of Nikitsky with villages (after B.D. Grekov)

встречается в черновой «памяти», датированной сентябрем 1675 г., которая фиксирует распоряжение митрополита Корнилия «софейского дому нашему старцу Сергию»: «...как к тебе наша грамота придет, и ты бы из Диких полей поехал в Великий Новгород, а с собою взял Софейского дому служебников». В октябре того же года владыка писал «сыну боярскому Андрею Саблину ехать в софийскую вотчину на Дикое Поле, в село Никитское» для досмотра над служебниками, работающими там на дворовом строении и сменить упомянутого выше старца Сергия¹¹. То есть к этому времени вотчина уже не только существовала, но там велось активное деревянное строительство: «а приехав на Дикое поле, бысти ему Андрею [...] служебникам велеть на дворовое строение рубить и возить бревна и дрова и самому над ними надсматривать, и во всем радеть, и лошадей которым быть в Диких полях беречь»¹². К этому документу приложена и подробная роспись как служилых там людей, так и коней¹³.

11 Архив СПбИИ РАН. Ф. 171. Акты Новгородского Софийского Дома. Картон XII. № 743. Л. 188.

12 Там же. Л. 185.

13 Там же. Л. 190.

Согласно обнаруженной среди тех же актов описи имущества села Никитского Дикопольской вотчины, составленной 4 декабря 1679 г., поп Василий «с причетники, что принял Софейского дому у детей боярских у Леонтия да у Якима Шулгиных церковное строение и всякую церковную утвар налицо, а то в сих книгах писано порознь и по статьям»¹⁴. К этому времени в селе была выстроена и уже освящена деревянная церковь с трапезной в честь новгородских чудотворцев святителей Никиты и Иоанна, само посвящение которой ярко свидетельствует о статусе этого строения: так часто именовали храмы на далеких от Новгорода архиерейских территориях, например, Никитская церковь, возведенная при Иване Грозном (?) на Софийском подворье в Москве на Ильинском крестце [Макарий, 1867. С. 64].

Украшавший храм невысокий двухярусный иконостас состоял из деисусного чина «одиннацет икон на краски, венцы на золоте» и верхнего тябла «писано по белелу розными травами». Местный ряд также был лаконичным: по сторонам царских врат («с сенью и столпием, а у еван(ге)листов венцы на золоте») размещались всего три иконы: «На правой стороны Воскресение Христово на золоте, да подле того образа стоит Никита епископ да Николая чудотворец на золоте. А пелена у местных образов средина крашенина зеленой травчатой опушена крашениною красною новая. [...] На ливой стороне местная икона Пресвятая Богородица Неопалимая купина в киоте на краске, венцы на золоте, а киот писан по белелам розными травами, а пелена крашенинная средина кирпичная травчатая, опушена кра(ше)ниною красною, а подложена крашениною лазоревой новая. Сиверняя двери написан Стефан архидьякон на краски, венец и зарукаве, кадило и ладонница и крестъ з уларна серебри»¹⁵. Число икон местного ряда соответствуют указаниям писца на небольшие размеры наоса церкви — «три сажени с аршином», — чуть более семи метров в длину и трех — в ширину. Предметы утвари и образа всех рядов иконостаса, отдельные пядницы и шитые пелены, а также книги, необходимые для храмового обустройства и украшения, как следует из приведенных документов, были привезены из Новгорода и московского Софийского подворья, причем среди них были как новые, так и бывшие ранее в употреблении архиерейским домом. Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие храмового парного образа новгородских чудотворцев, замененного изображением Никиты и Николы чудотворца, а также нетрадиционный состав местного ряда, то есть ставили те иконы, которые оказались «под рукой». Писец постоянно указывает как на новые, так и на ветхие предметы и перешитые облачения, что также довольно странно, учитывая обстоятельства только что возведенной постройки: «В церкви перед мистными образы три свечи деревянные, две писаны по вохры, а третья свеча писана по белелу разными травами, а те свечи дви новья, а третя старая; на свечах две налепки старых, а третя новая, в налепках

14 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 2. Д. 42. Опись церковному имуществу в селе Никитском Софийской Дикопольской вотчины 1679 г. Л. 35–43.

15 Там же. Л. 35–36 об.

три свечи воцаных. [...] Налой обшит крашениной, а на ней пелена отласная белая травчатая ветхая»¹⁶.

В силу удаленности Дикопольской вотчины через несколько лет после составления указанной описи ее обменяли на другие угодья, о чем свидетельствует дело 1683 г. о предполагаемой уступке никитских дворов за землю думного дьяка В.Г. Семенова в Новгородском, Псковском и Гдовском уездах [Греков, 1914. С. 302]¹⁷.

Неизвестно, состоялась ли именно эта «мена», но в какой-то момент упоминания о ней действительно перестали фигурировать в документах. Естественно, что все хозяйственное и церковное имущество было возвращено в казну Софийского архиерейского дома, а позднее частично распределено по владычным монастырям и храмам, коих особенно в XVII в., по случаю шведского разорения, было к нему приписано очень много [Макарий, 1867. С. 72–73]. Это объясняет формулу надписи на нашей иконе «взяты из Диких полей» — то есть она явно в какой-то момент оказалась в числе вывезенного туда убранства.

Приведенная опись Дикопольского храма фиксирует первоначальный вид интерьера [Ходаковский, Шалина, 2022] и не называет иконы Николая Мирликийского, похожей на рассматриваемый памятник, но это не означает, что ее не могли привезти туда в последующие годы, когда церковь и дом священника продолжали обустраивать за счет Софийского дома. При этом надо иметь в виду и несколько вариантов происхождения самого образа. Прежде всего усиливается вероятность того, что он мог происходить и из самого Софийского собора или одного из нескольких архиерейских монастырей. Но нельзя полностью исключать и иной вариант — перемещение памятника во владычную казну уже в XVII в., когда в результате шведской оккупации Новгорода туда передавали имущество многих разоренных храмов и обителей.

Если памятник в древности все же украшал один из храмов Софийского дома, то высказанное нами ранее предположение, что замысел композиции был определен поминальным характером и вотивным заказом [Шалина, 1997], подтверждается довольно высоким статусом ктиторов, явно связанных с элитарным слоем новгородского общества того времени.

Поздняя надпись, судя по палеографии, возникшая не ранее конца XVIII в., приводит явно легендарную дату поновления, о чем свидетельствует и характер ее буквенного написания, не соответствующий эпохе (АФ=1500 г. от Р.Х.), и равное число упомянутых лет, характерное для вымышленных или неверно прочитанных в предшествующем тексте данных. Но, в любом случае, она должна была повторять более ранний текст, скорее всего, сделанный во

¹⁶ Там же. Л. 37.

¹⁷ Впоследствии село вошло в состав Богородицкого уезда Тульской губернии и принадлежность вотчины новгородскому Софийскому дому была забыта. П.И. Малицкий относил появление храма в Никитском к XVII в., но считал, что он был посвящен Вмч. Никите, а не святителю новгородскому [Малицкий, 1895. С. 123].

¹⁸ ОР ГТГ. Ф. 68 Д. 243. Протокол реставрации иконы «Никола» из Духова монастыря, Новгород. Л. 2.

ил. 6 Свято-Духов монастырь. Вид с юго-востока от вала Окольного города
Фотография начала XX в.

fig. 6 Holy Spirit Monastery. View from the south-east from the rampart of the Round City
Photo of the beginning of the 20th century

время реставрации живописи в последней четверти XVII в. — до отправки или после возвращения иконы из Дикопольской вотчины. Об этом заявлял в протоколе и раскрывавший живопись московский реставратор Н.А. Баранов, удаливший позднейшую запись нижнего поля с надписью и обнаруживший под ней еще один промежуточный слой: «На более сохранившихся местах нижнего поля обнаружены фрагменты надписи, начало которой аналогично с более поздней „ѡт вопло...“ и т.д.»¹⁸

Еще до закрытия в марте 1920 г. Свято-Духова монастыря¹⁹ (после чего его храмы некоторое время оставались в пользовании «коллектива верующих»²⁰) [ил. 6], убранство соборов было поставлено на учет и «осматривалось разными комиссиями. Среди них числилась икона Николая Чудотворца с надписью 1500 г., висевшая «высоко на стене над входной дверью» [Порфиридов, 1987. С. 186–187]. В 1925 г. ее передали в открывшуюся тогда реставрационную мастерскую Новгородского музея, однако вскоре, видимо, в процессе собирания памятников для зарубежной выставки, передали в ЦГРМ, где

¹⁹ Ликвидация монастырей Новгородского уезда // «Звезда». 1920. № 52. 7 марта; Окончательная ликвидация монастырей // «Звезда». 1920. № 148. 6 июля.

²⁰ Закрытие Троицкой церкви в Духовом монастыре // «Звезда». 1929. № 162. 18 июня.

раскрытие под руководством, И.Э. Грабаря и А.И. Анисимова с декабря 1928 г. осуществлялось сразу несколькими мастерами: Н.И. Брягиным, П.И. Юкиным и Н.А. Барановым.

После снятия записей А.И. Анисимов, И.Э. Грабарь и Н.В. Сычев посчитали икону новгородской, созданной в конце XIII в. — их атрибуция и датировка нашла отражение во всех каталогах зарубежной выставки памятников древнерусской живописи (1929–1932) [Denkmaler, 1929. S.10,13. № 6], объезжавшей американские, европейские и английские музеи. После ее возвращения в Советскую Россию непростым путем — в 1933 г. через Антиквариат, — эта выдающаяся икона оказалась в Русском музее, где началась ее новая жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипов И.В. Строительная деятельность архиепископа Моисея // ПЭ. Т. 46 (Михаил Пселл — Мопсуестия). М., 2017. С. 300–302.
- Греков Б.Д. Новгородский дом святой Софии (опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). Ч. 1. СПб., 1914. 681 с.
- Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. 1. Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764–1795 по 1 июля 1890 год. СПб., 1890. 294 с.
- История русского искусства. В 22 т. Т. 4: Искусство середины XIII — середины XIV века / Отв. ред. Э.С. Смирнова. М.: ГИИ, 2019. 720 с.
- Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду. Пособие при обозрении города и его ближайших окрестностей, его святынь и древностей. С приложением плана города, 15 рис. и четырех указателей / Изд. Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1910. 273 с.
- Лихачев Н.П. Духовное завещание старца Варлаама 1590 года // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 101–112.
- Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века. СПб., 1911. 307 с.
- Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1–2. 645 с. + 358 с.
- Макарий, архим. Описание новгородского архиерейского дома. СПб., 1867. 148 с.
- Малицкий П.И. Приходы и церкви Тульской епархии. Извлечение из церковно-приходских летописей. Тула, 1895. 781 с.
- Назаров В.Д. В Диком поле // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 97–114.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб.: Археогр. комисс., 1879. 448 с.
- Опись Новгорода 1617 года / Подг. публ. М.Е. Бычковой, общ. ред. и вступит. ст. В.Л. Янина // Памятники отечественной истории. Вып. 3. М., 1984. Ч. I–II. 174 с. + 196 с.
- Порфиридов Н.Г. Новгород. Воспоминания 1917–1941. Л.: Лениздат, 1987. 256 с.
- Секретарь Л.А. Свято-Духов монастырь // Она же. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный Паломник, 2011. С. 318–329.
- Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М.: Наука, 1976. 392 с.
- Солодкин Я.Г. О происхождении топонима «Дикое поле» // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России: Сб. тез. межвузов. конф. Брянск: Изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 1996. С. 23–25.

Толстой М. Святыни и древности Великого Новгорода (Русские святыни и древности. Ч. 3: Великий Новгород). М., 1862. 264 с.

Ходаковский Е.В., Шалина И.А. Архитектура и художественное убранство деревянной церкви последней четверти XVII в. в селе Никитском (по документам Новгородского Архиерейского дома) // Seminarium Bulkinianum. Вып. V. К 85-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина / Ред.-сост. И.В. Антипов, И.А. Шалина. СПб., 2022. В печати.

Шалина И.А. Икона «Николы» из Свято-Духова монастыря. Литургический смысл и экклесиологизация образа // Древнерусское искусство. Искусство Византии, Балкан и Руси. XIII век. М., 1997. С. 340–370.

Ядрышников В.А. Формирование ансамбля Свято-Духова монастыря в Новгороде // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 1999. Вып. I. С. 27–36.

Denkmaler altrussischer Malerei. Russische Ikonen vom 12. — 18 Jahrhundert. Ausstellung. Berlin, Konigsberg, 1929. 46 S.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

«...взят сей образ из Диких полей»: Новгородская икона Николая Чудотворца из Свято-Духова монастыря и Никитская вотчина Софийского дома

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шалина Ирина Александровна — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Отдела древнерусского искусства ФГБУК «Государственный Русский музей». Инженерная ул., д. 4, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191186. shalina_irina@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В отличие от многих домонгольских икон, чье происхождение подтверждается или устанавливается благодаря письменным источникам, первоначальное назначение образа свят. Николая середины XIII в. из Свято-Духова монастыря (ГРМ), несмотря на привязку его к убранству этой обители, остается неизвестным. На его нижнем поле до удаления записи во время реставрации 1925–1928 гг. в ЦГРМ была надпись, сообщающая о создании иконы в 1500 г. и перенесении ее из Диких полей. Такой топоним встречается в документах Архиерейского дома Новгорода, где сохранилась опись 1679 г. деревянной церкви Святителей Никиты и Иоанна новгородских чудотворцев, поставленной в новоприобретенной вотчине Софийского дома. Судя по всему, икона свят. Николая также была перенесена в Дикое поле в числе архиерейского имущества, а после продажи вотчины в конце XVII в. возвращена в Новгород. Это дает основание считать происхождение памятника связанным с наиболее высоким социальным слоем древнего города.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Великий Новгород, Софийский архиерейский дом, икона святителя Николая, Свято-Духов монастырь, село Никитское Богородицкого уезда, XVII век, Русский музей.

TITLE

“... This image was taken from Wild Fields”: the Novgorod icon of St. Nicholas the Wonderworker from the Holy Spirit Monastery and the Nikitsky patrimony of the Sophia House

AUTHOR

Shalina Irina Aleksandrovna — Ph.D., senior researcher, department of Old Russian Art, the State Russian Museum, 4, Inzhenernaya st., St. Petersburg, Russian Federation, 191186. shalina_irina@mail.ru

ABSTRACT

Unlike many Pre-Mongolian icons, whose origin is confirmed or established thanks to written sources, the original purpose of the image of St. Nicholas (middle of the 13th century) from the Holy Spirit Monastery, which is traditionally tied to the decoration of this monastery, remains unknown. Before the removal of the late layer during the restoration of 1925–1928 in the CSRW (Central State Restoration Workshop), there was an inscription on its lower field informing about the creation of the icon in 1500 and its transfer from Dikie Polia (Wild Fields). Such a toponym is found in the documents of the Bishops' House of Novgorod, where an inventory of the wooden church of Saints Nikita and John the Wonderworkers of Novgorod, erected in the newly acquired patrimony of the Sophia House around 1679, has been preserved. Apparently, the icon of St. Nicholas was also transferred to Dikie Polia among the bishop's property, and after the sale of the patrimony at the end of the 17th century, it was returned to Novgorod. The origin of the icon can be thus associated with the highest social stratum of the old city.

KEYWORDS

The Great Novgorod, Sophia Archbishop's House, Icon of St. Nicholas, Holy Spirit Monastery in Novgorod, Nikitskoye village, Bogoroditsky district, 17th century, State Russian Museum.

REFERENCES

- Antipov I.V. Moses the Archbishop and his Construction Activity. *Pravoslavnaia Entsiklopediia (The Orthodox Encyclopedia)*, vol. 46 (Mikhail Psell — Mopsuestiia). Moscow, 2017, pp. 300–302 (in Russian).
- Bychkova M.E., Ianin V.L. (eds.) The Novgorod Inventory, 1617. *Pamiatniki otechestvennoi istorii (Monuments of Russian History)*, issue 3, Moscow, 1984. Part 1, 174 p. Part 2. 196 p. (in Russian).
- Grekov B.D. *Novgorodskii dom sviatoi Sofii (opyt izucheniia organizatsii i vnutrennikh otnoshenii krupnoi tserkovnoi votchiny) (Novgorodian House of Saint Sofia (a Study of the organization of the inner relationships in a vast church estate))*. Part 1. Saint Petersburg, 1914. 681 p. (in Russian).
- Iadryshnikov V.A. Development of the Sviato-Dukhov monastery ensemble in Novgorod. *Novgorodskii arkhivnyi vestnik (Novgorod Archive Bulletin)*. Velikii Novgorod, 1999. Issue 1, pp. 27–36 (in Russian).
- Khodakovskii E.V., Shalina I.A. Architecture and Decorations of the Wooden Church of the last Quarter of the 17th Century in Nikitskoe town (based on the documents of the Novgorod Bishop's House. *Seminarium Bulkinianum*. Issue 5. Saint Petersburg, 2022. (in print) (in Russian).
- Laskovskii V.P. *Putevoditel' po Novgorodu. Posobie pri obozrenii goroda i ego blizhaishikh okrestnostei, ego sviatyn' i drevnostei. S prilozheniem plana goroda, 15 ris. i chetyrekh ukazatelei (Guide to Novgorod. A Reference Book to Visiting the Town and its Environs, its Places of Worship and Ancientries)*. Published by the Novgorod Society of Antiquity Lovers. Novgorod, 1910. 273 p. (in Russian).
- Likhachev N.P. Spiritual Will of Varlaam the Elder, 1590. *Izvestiia Russkogo genealogicheskogo obshchestva (Bulletin of Russian Genealogical Society)*. Saint Petersburg, 1909. Issue 3, pp. 101–112 (in Russian).

- Maikov V.V. *Kniga pistsovaia po Novgorodu Velikomu kontsa XVI veka (Late 16th Century Cadaster of Novgorod the Great)*. Saint Petersburg, 1911. 307 p. (in Russian)
- Makarii, arkhimandrite. *Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostei v Novgorode i ego okrestnostiakh (Archeological Description of Church Antiquities in Novgorod and its Environs)*. Moscow, 1860. Part 1. 645 p. Part 2. 358 p. (in Russian).
- Makarii, arkhimandrite. *Opisanie novgorodskogo arkhieireiskogo doma (Description of the Bishop's House in Novgorod)*. Saint Petersburg, 1867. 148 p. (in Russian).
- Malitskii P.I. *Prikhody i tserkvi Tul'skoi eparkhii. Izvlechenie iz tserkovno-prikhodskikh letopisei (Parishes and Churches of Tula Eparchy. From the Church and Parish Annals)*. Tula, 1895. 781 p. (in Russian).
- Nasonov A.N. (ed.) *Novgorodskaiia pervaiia letopis' starshego i mladshego izvodov (The First Novgorod Chronicle of the Senior and Junior Edition)*. Moscow; Leningrad, 1950. 642 p. (in Russian).
- Nazarov V.D. In the Wild Fields. *Voprosy istorii (Issues of History)*. № 2, 1970, pp. 97–114 (in Russian).
- Novgorodskie letopisi (tak nazvannye Novgorodskaiia vtoraiia i Novgorodskaiia tret'ia letopisi) (Chronicles of Novgorod: the So-Called Novgorodian Second and Novgorodian Third Chronicle)*. Saint Petersburg, 1879. 448 p. (in Russian).
- Porfiridov N.G. *Novgorod. Vospominaniia 1917–1941 (Novgorod. Memoirs, 1917–1941)*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1987. 256 p. (in Russian).
- Sekretar' L.A. Sviato-Dukhov monastery. *Monastyri Velikogo Novgoroda i okrestnostei (Monasteries of Novgorod the great and its Environs)*. Moscow, 2011, pp. 318–329 (in Russian).
- Shalina I.A. The Icon of St. Nicolas from Sviato-Dukhov Monastery. Its Liturgical Meaning and the Ecclesiastical of the Image. *Drevnerusskoe iskusstvo. Iskusstvo Vizantii, Balkan i Rusi. XIII vek (Old Russian Art. Art of Byzantium, Balkans and Russia. 13th Century)*. Moscow, 1997, pp. 340–370 (in Russian).
- Smirnova E.S. (ed.) *Istoriia russkogo iskusstva, v 22 tomakh. T. 4. Iskusstvo serediny XIII — serediny XIV veka (History of Russian Art in 22 vol. Vol. 4: Art of the Middle of 13th — middle of 14th Century)*. Moscow, SIAS Publ., 2019. 720 p. (in Russian).
- Smirnova E.S. *Zhivopis' Velikogo Novgoroda. Seredina XIII — nachalo XV veka (Painting of Veliky Novgorod. Middle 13th — early 15th centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1976. 388 p. (in Russian).
- Solodkin Ia.G. On the Origin of the Toponym “Dikie Polia”. *Problemy istoricheskoi demografii i istoricheskoi geografii Tsentral'nogo Chernozem'ia i Zapada Rossii: Sbornik tezisov mezhdunarodnoi konferentsii (Problems of Historical Demography and Historical Geography of the Central Black Earth Region and Western Russia: Collection of Intercollegiate Conference Abstracts)*. Briansk: Izdatelstvo Brianskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universitetata Publ., 1996, pp. 23–25 (in Russian).
- Tolstoi M. *Sviatyni i drevnosti Velikogo Novgoroda (Places of Worship of Novgorod the Great)*. Moscow, 1862. 264 p. (in Russian).
- Zverinskii V.V. *Material dlia istoriko-topograficheskogo issledovaniia o pravoslavnykh monastyriakh v Rossiiskoi Imperii. 1. Preobrazovaniia starykh i uchrezhdenie novykh monastyrei s 1764–1795 po 1 iuliu 1890 god (Material for Historical and Topographical Research on Orthodox Monasteries in the Russian Empire. 1. The Transformation of Old and the Establishment of New Monasteries from 1764–1795 to July 1, 1890)*. Saint Petersburg, 1890. 294 p.

Археографическое направление в научной работе Сергиево- Посадского музея-заповедника. Из опыта публикации рукописей монастырского собрания

© 2022

УДК 069.7:091.07(470.311)
ББК 85.15
Н62

Поступила в редакцию 11.04.2022

Сергиево-Посадский музей-заповедник на протяжении всего своего столетнего существования занимается исследованиями и публикацией художественных памятников, рукописей и документов. Музейными сотрудниками введены в научный оборот не только десятки произведений искусства, но и книги, рукописи, архивные документы, несмотря на то, что библиотеки и архив Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии не вошли в фонды музея (в 1920 г. отдел научных библиотек Наркомпроса утвердил передачу библиотеки Государственному Румянцевскому музею с организацией Сергиевского филиального отделения, которое размещалось на втором этаже Трапезной церкви, в августе того же года — архив был передан в ведение Главархива с размещением на территории лавры (архив и библиотека вывезены в Москву в 1928 г.)).

Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, осуществлявшая сложнейший процесс подготовки создания музея, одной из задач развития его научной и просветительской деятельности считала выполнение «программы» издания источников по истории лавры. По предложению членов Комиссии П.Н. Каптерева и П.А. Флоренского первоначально предполагались к изданию «три основных текста по истории Лавры: ее Описи 1641 г.¹, Вкладной книги 1673 г. и Синодика XVI в.». В рамках этой программы в 1919–1923 гг. с целью дальнейшей публикации была выполнена рукописная копия Описи 1641/1642 г., работу осуществили С.Н. Дурылин, Ю.А. Олсуфьев и М.Ю. Олсуфьев, этот экземпляр в настоящее время хранится

1 Опись 1641/1642 г. СПГИХМЗ. Инв. 289. Далее — Опись или Опись 1641 г.

в НИОР РГБ². Запись о составлении копии была сделана на бумажной наклейке, находящейся на обороте верхней крышки описи 1641 г. Ее текст приводится в работе Е.Н. Клитиной [Клитина, 1990. С. 8–9]. Перед текстом помещено предисловие на четырех листах, выполненное рукой Ю.А. Олсуфьева. Эта неопубликованная работа стала первой попыткой научного источниковедческого описания памятника: в предисловии были определены правила передачи текста, которым следовали переписчики, дана информация по персоналиям, высказаны аргументированные предположения о причинах создания описи. К сожалению, публикация не состоялась.

Реорганизация музея, изменение его профиля и кадрового состава сотрудников после 1929 г. приостановили работу этого направления научной деятельности. К выполнению археографической программы музей обратился только в 1940-е гг.: А.М. Курбатовой и Е.К. Рабинович в 1942–1945 гг. была предпринята попытка подготовить издание Вкладных книг 1637/1638 г. и 1673/1674 г.³ А.М. Курбатова также впервые занялась переводом текста Кормовой книги 1673/1674 г., о чем свидетельствуют годовые план и отчет музея за 1942–1943 гг., а также переписка музея за 1945 г. К сожалению, никаких материалов по этой работе в архиве музея не сохранилось. Кроме публикаций рукописей в полном объеме в 1970–1990-е гг. сотрудниками музея были введены в научный оборот фрагментарно многие источники по истории и художественной культуре Троицкой обители.

Событием в научной жизни страны стала публикация в 1987 г. Вкладной книги монастыря 1672/1673 г. Издание подготовлено исследованиями Т.В. Николаевой, О.А. Белобровой, Е.Н. Клитиной, при участии Т.Н. Манушиной, Л.М. Спириной, Г.А. Макаровской, М.С. Сысоевой и осуществлено благодаря огромной организационной работе Т.Н. Манушиной. Авторами-составителями были разработаны правила передачи текста, дано краткое палеографическое описание рукописи, приведены дополнения и разночтения по списку 1638/1639 г. Издание сопровождалось указателями личных имен и географических названий и предметным указателем. Благодаря этому изданию широкий круг специалистов получил ценнейших материал для работы над различными научными темами исторических, филологических, генеалогических, искусствоведческих исследований. Вкладная книга стала замечательным методическим пособием для студентов гуманитарных учебных заведений страны.

Следующий шаг в исследовании и публикации рукописей из музейного собрания был сделан только в 2008 г.: С.В. Николаевой и Л.А. Кириченко опубликован уникальная памятник, Кормовая книга монастыря 1673/1674 г.⁴ с исследованием, полным палеографическим описанием и характеристикой

2 НИОР РГБ. Ф. 173/II. № 225.

3 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря сохранилась в двух списках, 1638/1639 г. и 1672/1673 г. Оба хранятся в СПГИХМЗ: Вкладная книга 1638/1639 г. Инв. 5560, 5559; Вкладная книга 1672/1673. Инв. 288. Далее — Вкладная книга.

4 СПГИХМЗ. Инв. 288.

ил.1 Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/1642 г. Общий вид. Бумага, дерево, кожа; рукопись, переплет. Сергиево-Посадский музей-заповедник

fig.1 Inventory of the Trinity-Sergius Monastery 1641/1642. General view. Paper, wood, leather; manuscript, binding. Sergiev Posad Museum-Reserve

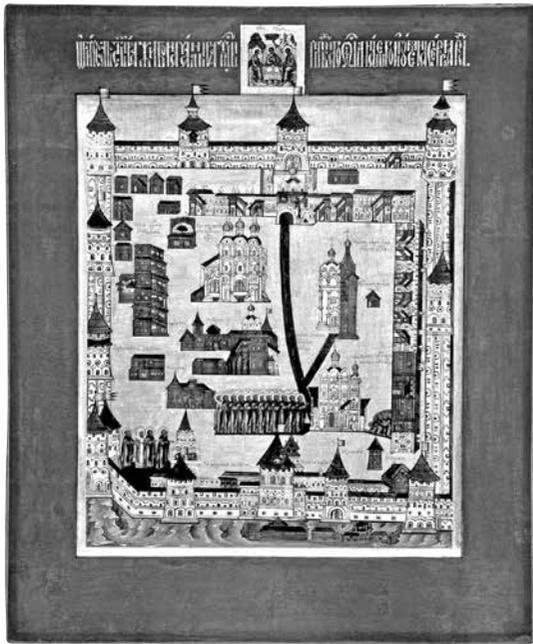
кодикологической структуры рукописи. В результате предварительного изучения С.В. Николаевой [Николаева, 2002. С. 223–233] была сделана атрибуция памятника, определены его протографы и выявлена связь с комплексом синодиков Троице-Сергиева монастыря. Возможности современной компьютерной техники позволили впервые перевести текст рукописи с максимальным приближением к источнику, составителями было принято решение: во избежание неточностей в передаче текста эквивалентными сочетаниями букв современного алфавита внести в него все вышедшие из употребления буквы. Текст снабжен подробными полистными комментариями, включая особенности написания инициалов, изменение почерка, чернил, механические ошибки, повреждение текста и др. Публикация снабжена полными указателями личных имен и географических названий, предметным указателем. Поскольку источник является одним из типов поминальных книг и включает информацию о множестве представителей родов и семейств, а также о вкладах, поступивших от них в монастырь, в очень кратких формулировках, к тексту даны подробные приложения-комментарии: «Сведения о лицах», «Сведения о земельных вкладах», «Сведения о произведениях искусства», упомянутых в Кормовой книге 1674 г. Эти комментарии значительно облегчают понимание текста источника и помогают выявить его связи с другими монастырскими документами. Отсутствие возможности включить в издание цветные иллюстрации, к сожалению, не позволило в полной мере передать красоту ее художественного оформления. Искусство и разнообразие исполнения инициалов, орнаментальных заставок получило отражение в описании и немногочисленных черно-белых фотографиях.

Опыт публикации Кормовой книги 1673/1674 г. позволил приступить к подготовке издания самого объемного источника по истории Троице-Сергиева монастыря, Описи 1641/1642 г., содержащей 883 листа [ил.1]. С.В. Николаева и Л.А. Кириченко в течение нескольких лет работали над переводом и исследованием рукописи, изучением ее кодикологической структуры, палеографических особенностей. Кодикологическое описание памятника допол-

нено таблицей соотношения листов и тетрадей, палеографическое описание включает характеристики всех двадцати выявленных почерков и дополнено иллюстрациями их образцов, а также образцов всех скреп, дана также полная таблица филигранных, встречающихся в рукописи. Передача текста рукописи осуществлена по правилам и принципам комментирования, апробированным при издании Кормовой книги 1673/1674 г.

Публикация текста предваряется подробным историографическим введением, в котором приведены новые сведения о причинах и обстоятельствах создания Описи. В частности, предложена иная оценка информации о поводе к государственной проверке хозяйства монастыря, результатом которой стала Опись. Этим поводом являлся донос, о котором впервые сообщает участник событий Симон Азарьин (монастырский казначей с 1634 по 1645 г., келарь с 1646 по 1653 г.) в своем сочинении «Книга о новоявленных чудесах преподобного Сергия Радонежского» [Азарьин, 1888. С. 77 об.], не называя ни имени жалобщика, ни сути жалобы. В реальности этого доноса не усомнился никто из исследователей, при этом в историографии XIX–XX вв. утвердилось мнение о том, что жертвой доноса из-за своей длительной и активной строительно-хозяйственной деятельности в монастыре стал келарь Александр Булатников (находился при должности с 1622 по 1641 г.) [Белоброва, 1965. С. 204; Панченко, 2004. С. 499]. Однако ряд сведений, обнаруженных в Дворцовых разрядах в записях за 7149 (1640/1641) г. [Дворцовые разряды, 1851. С. 658], позволяет судить о том, что решение о проведении ревизии было принято в мае 1641 г., когда знаменитый келарь был уже отстранен от своей должности и отправился в Соловецкий монастырь. В самой Описи Александр Булатников упоминается только как бывший келарь. Следует также учесть, что у руководства монастыря оставались архимандрит Адриан и казначей Симон Азарьин, глубоко почитавшие троцкого архимандрита Дионисия (Зобниновского), с которым Александр Булатников в период своего келарства при нем был в открытом конфликте [Панченко, 2004. С. 494]. В «Житии преподобного Дионисия», составленном Симоном Азарьиным, описаны неблагоприятные действия в отношении архимандрита Дионисия, однако ни имени, ни должности их совершившего автор не называет [Белоброва, 2000. С. 142]. Впервые идентифицирует его личность с Александром Булатниковым Д.И. Скворцов, так объясняя причину скрытности Симона Азарьиного: «Тогда ведь, когда писал Симон Житие Дионисия, царем был Алексей Михайлович и живы были другие дети Михаила, восприемником которых был келарь Булатников, приходилось бы, таким образом, пятнать позором крестного отца царской фамилии» [Скворцов, 1890. С. 373, 374]. По той же причине, очевидно, не назван в «Книге о новоявленных чудесах» и автор доноса, послужившего поводом для назначения ревизии. В свете вышесказанного им мог быть отстраненный от должности Александр Булатников, неоднократно обращавшийся к царю с жалобами и в свою бытность в Соловецком монастыре.

В исследовательской части издания проанализирован весь комплекс содержащейся в нем информации, ее характер и формат изложения, выявлены

2

3

ил.2 Икона «Обитель преподобного Сергия Радонежского чудотворца». Россия. Список XIX в. с иконы XVII в. Дерево; темпера. Сергиево-Посадский музей-заповедник
fig.2 Icon "The Abode of St. Sergius of Radonezh the Wonderworker". Russia. 19th century copy of a 17th century icon. Wood; tempera. Sergiev Posad Museum-Reserve

ил.3 Чаша водосвятная. Россия. 1631. Вклад в Троице-Сергиев монастырь келаря Александра Булатникова. Серебро, гранаты, стекла; ковка, резьба, литье, золочение. Сергиево-Посадский музей-заповедник

fig.3 Baptismal font. Russia. 1631. Contributed to the Trinity-Sergius Monastery by the cellarer Alexander Bulatnikov. Silver, garnets, glass; forging, carving, casting, gilding. Sergiev Posad Museum-Reserve

источники поступления сведений и связь Описи 1641/1642 г. с другими документами монастырского архива. Издание сопровождается статьями по результатам изучения системы составления отписных ризных книг и других описей, системе учета долгов и монастырских книг, особенностей описания отдельных объектов; а также исследованиями, посвященными анализу репрезентативности источника по отдельным проблемам антропологического характера, включая состав монашеской братии и светских людей различных социальных слоев, вступавших в экономические отношения с монастырем, взаимосвязи Троицкой обители с приписными к ней монастырями.

Наименее изучено содержание Описи 1641 г. с антропологической точки зрения, что объясняется характером документа: Опись фиксирует наличие объекта, иногда его состояние на момент описания. Иная информация в таком документе носит факультативный характер, но при этом представляет значительный интерес. Это прежде всего сведения о вкладчиках. Имена донаторов встречаются в описаниях более двухсот пятидесяти предметов. Включение имен вкладчиков в Опись избирательно: прежде всего сюда попали записи о вкладах, близких по времени поступления к периоду ревизии, а также о наиболее ценных в мемориальном и материальном отношении предметах. Очевидно включение имен вкладчиков в тех случаях, когда предмет имеет вкладную надпись, поскольку она входит в его описание. Иногда указания имени дарителя необходимо для идентификации предмета среди множества ему подобных. Например, большинство книг имеет очень краткое описание, при этом нанесение подписи на книгу наименее затруднительно, чем объясняется обнаружение наибольшего числа владельческих надписей в описании книгохранильницы. Отметим, что сведения об этих вкладах, за редким исключением, отсутствуют в самом репрезентативном источнике по составу «предметных» вкладов, Вкладной книге. Всего в Описи выявлено более ста имен вкладчиков, не зафиксированных во Вкладной книге (63 относятся к книжному собранию). В эту группу данных нами отнесены и вкладчики, имена которых встречаются во Вкладной книге, но не как донаторы. Например, известный келарь Андриан Ангелов упоминается во Вкладной книге в 1559 г. только как душеприказчик старца Порфирия Воронцова, в Описи же названы три его книги⁵. Вклады келаря Александра Булатникова [ил.3] также зафиксированы только в Описи: золотой с камнями и жемчугом крест-мошечник, серебряный кубок, серебро на оклад иконы Спаса Нерукотворного в церковь Зосимы и Савватия Соловецких: «Крест золот с мощми, на нем Распятие Господне чеканное, во главе образ Спасов, на кресте два яхонта лазоревы, два изумруда, тринадцат вставок жемчужных, во главе две искорки яхонтовые червчаты да два изумрудца на закрепках, на спнях четыре зерна гурмыжских, а назади подпись мощам; делал тот крест бывшей келарь старец Александр в своем золоте, а камень и жемчуг монастырские казны»; «Кубок серебрян с кровлею, по нем лошки косые,

⁵ Опись 1641 г. Л. 275 об., 291 об., 312 об.

весом четыре гривенки полчетверта золотника»; «В Церковь Зосимы и Саватя, соловетцких чудотворцов, к нерукотворенному образу Спасову зделан венец да к архангелом два венца серебряные, весомъ три фунта восемьдесят два золотника с полузолотником, а серебро де в те венцы давал прежней келарь старец Александр свое келеиное»⁶. Многие записи носят характер «принадлежности» и относятся к имуществу насельников монастыря, поступавшему после смерти владельца. Последнее, возможно, не требовало обязательных вкладных записей, осуществлялось в соответствии с многолетней практикой или по устному волеизъявлению.

Некоторые драгоценные дары зафиксированы в Описи даже с указанием года вклада. Из наиболее интересных назовем следующие: в 1634/1635 г. кузничный старец Леонид Москвитин дал три иконы Деисуса в серебряном золоченом окладе⁷; княгиня Марина, жена Алексея Приимкова Ростовского пожертвовала две иконы Богоматерь Умиления в окладах и с пеленами, шитыми жемчугом, которые были поставлены в Троицком соборе: «Образ пречистые Богородицы Владимирские в киоте, обложен серебром басмою, на поле приписан преподобныи Пафнотеи Боровския, венцы с финифтом сканные, а в них девять каменей, винисы и бирюза, у Пречистые оглавие и ожерелье низано жемчугом, да две цаты серебряные, одна резная, а другая сканная с финифты, золочены, рясы жемчужные по три пряди, колодочки у ряс серебряные, золочены, серги — бечета, а на них четыре жемчуги, на притворех писаны празники, обложены басмою, золочены; пелена от тово образа перенесена под образы на правои крылос», «Образ пречистые Богородицы Умиления, пядница большая... у Пречистые ж образа пелена жемчужная, на ней шит образ пречистые Богородицы Умиления, около пелены слова низаны жемчугом, отнята та пелена от образа пречистые Богородицы, и то стоит на тябле в углу против чудотворцовы раки»⁸. При этом во Вкладной книге среди даров представителей всех ветвей князей Ростовских, не записана ни одна икона! Не отмечена в ней и редкая икона, данная князем Алексеем Ивановичем Воротынским, «образ местной Обитель живоначальные Троицы в лицах, написан преподобный чудотворец Сергей со ученики», в серебряном золоченом окладе с резными сканными венцами у святых⁹. В Сергиево-Посадском музее-заповеднике хранится икона XIX в., очевидно, список с этого образа. Благодаря зафиксированным в Описи сведениям о 5 книгах и 7 предметах, принадлежавших архимандриту Дионисию (Зобниновскому), проясняется содержание записи Вкладной книги под 1634 г. о том, что после архимандрита осталось рухляди и книг на сумму более 500 рублей и остаток после похорон и поминок записан «в казне книги».

6 Описание 1641 г. Л. 334, 345, 359.

7 Там же. Л. 178.

8 Там же. Л. 18, 41 об.

9 Там же. Л. 53.

Из уникальных сведений, содержащихся в Описи, отметим также свидетельство о вкладе Ивана IV на поминание жертв опричнины. При описании казны названа «новгородская коробья», а в ней ряд небольших драгоценных предметов, «дачи» царя Ивана Васильевича по царевиче Иване Ивановиче и «по опальных». О пожертвовании 5 тысяч рублей и 500 рублей в Троицкий монастырь Иваном Грозным по душе своего сына сохранилась запись во Вкладной книге под 1581/1582 г., однако указаний на поминание за него и убиенных в опричнину нет. Не сохранился и список казненных, который должен был получить Сергиев монастырь в числе других монастырей в 1583 г. Наличие особенной редакции этого списка, так называемого синодика опальных Ивана Грозного, установлено по косвенным свидетельствам: наличию поминаний в синодиках XVI–XVII вв., в том числе по трем выявленным нами [Николаева, 2004. С. 142, 148]. Учитывая то, что пока не обнаружено иных прямых указаний на вклад Ивана IV в Троицкий монастырь ни денег, ни тем более ценных вещей, за поминание душ опальных, текст Описи остается единственным прямым доказательством этого факта. А сохранившееся в памяти составителей Описи определение «новгородская» прямо адресует происхождение находящихся в коробье предметов к конфискованному опричниками имуществу казненных во время расправы в Новгороде в 1569–1570 гг.

Опись содержит самый полный на момент составления «список» жителей подмонастырских слобод и вотчин монастыря, находившихся по всей стране. Огромный материал, содержащийся в подворной переписи зависимого от монастыря населения, привлекался пока только для анализа состава жителей слобод их занятий и развития традиционных местных ремесел. Опись дает возможность для рассмотрения гораздо более широкого круга вопросов, касающихся социальных отношений, демографического развития, исторической ономастики, бытовых реалий. Значительно облегчает использование массива данных источника наличие в публикации 4 указателей (личных имен, географических названий, книг и произведений, предметно-терминологический указатель).

Особого подхода и методической разработки потребовало составление именного указателя, поскольку в источнике упоминаются почти 7 тысяч личных имен. Из них более четырех тысяч трехсот имен крестьян, более тысячи трехсот имен монастырских людей, среди которых многочисленные повторы имен, в том числе полные совпадения имен и фамильных прозвищ. В связи с этим для удобства пользования указателем и облегчения поиска введена его дополнительная структуризация. Все названные в рукописи личные имена, кроме имен святых, сгруппированы в 4 раздела: раздел 1 «Монахи, священники и другие церковные служители Троице-Сергиева и приписных к нему монастырей»; раздел 2 «Люди монастырские Троице-Сергиева и приписных к нему монастырей»; раздел 3 «Крестьяне Троице-Сергиева и приписных к нему монастырей»; раздел 4 «Прочие личные имена». Имена в разделах 1–3 систематизированы по принадлежности к монастырям, представленным в алфавитном порядке (по теолого-агиографическому названию), в каждой группе имена даны в алфавитном порядке.

Анализ имен собственных, содержащихся в Описи, демонстрирует явный характер различий в использовании формы имени в зависимости от социального статуса его носителя. Материал источника подтверждает наблюдения о том, что в XVII в. фамильные (семейные) прозвища приобретают устойчивый характер, становятся преобладающими идентифицирующими признаками не только в высших слоях общества и свободной от личной зависимости части населения, но и в крестьянской среде. Абсолютное большинство из почти четырех с половиной тысяч названных в Описи крестьянских имен имеют такую форму. Источник также свидетельствует о развитии в XVII в. тенденции употребления отчества в форме, принятой в современном русском языке, хотя в Описи обе, «современная» и архаичная формы, представлены примерно в равном соотношении. При этом современная форма встречается в именах представителей различных социальных слоев.

Публикация комментированного текста и исследований Описи 1641 г. значительно восполняет недостаток источников, доступных для широкого изучения многих проблем отечественной истории и культуры. А выход в свет этого издания в 2020 г., в год 100-летия образования Сергиево-Посадского музея-заповедника, является символическим и этапным событием, свидетельствующим о продолжении традиций научной работы, заложенных основателями музея, сохранении преемственности поколений и развитии научного потенциала музейных сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

- Кириченко Л. А., Николаева С. В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М.: Индрик, 2008. 520 с.
- Книга о новоявленных чудесах преподобного Сергия, творение келаря Симона Азарьина / Сообщ. С. Ф. Платонов. ОЛДП. СПб., 1888.
- Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкого-Сергиева монастыря (ныне Лавры). Тверь: Тип. Губернского правления, 1890.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг. Е. Н. Клитиной, Т. Н. Манушиной, Т. В. Николаевой. М.: Наука, 1987. 440 с.
- Дворцовые разряды, изданные Вторым отделением собственной е. и. в. канцелярии. Т. 2. СПб.: Тип. II отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1851.
- Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/1642 года. Исследование и публикация текста / Изд. подг. Л. А. Кириченко, С. В. Николаева. М.: Индрик, 2020. 1072 с.
- Белоброва О. А. «Повесть душеполезна» Никодима типикариси Соловецкого о некоем брате // ТОДРЛ. Т. 21. М.; Л., 1965. С. 200–210.
- Белоброва О. А. Из реального комментария к Житию Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы междунар. конф. М.: Подкова, 2000. С. 132–146.
- Клитина Е. Н. Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г. // Древнерусское и народное искусство: Сообщения Загорского музея-заповедника. М.: Наука, 1990. С. 7–16.
- Николаева С. В. Комплекс поминальных книг Троице-Сергиева монастыря XVI–XVII вв. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы II междунар. конф. Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад, 2002. С. 223–233.

Николаева С. В. Список поминаний опальных царя Ивана Грозного в синодиках Троице-Сергиева монастыря // Троице-Сергиев монастырь в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы III междунар. конф. Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад, 2004. С. 141–151.

Панченко О. В. Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: троцкий келарь Александр Булатников // ТОДРЛ. Т. 55. СПб., 2004. С. 488–507.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Археографическое направление в научной работе Сергиево-Посадского музея-заповедника. Из опыта публикации рукописей монастырского собрания

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаева Светлана Викторовна — кандидат исторических наук, заместитель генерального директора по научной работе, Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, пр. Красной Армии, 144, г. Сергиев Посад, Российская Федерация, 141310. nikolaeva-mus@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме публикации уникальных средневековых источников из архива Троице-Сергиева монастыря, хранящихся в настоящее время в Сергиево-Посадском музее-заповеднике. Кратко изложена история археографической работы музея, основное внимание уделено вышедшему в свет в 2020 г. комментированному изданию текста и исследований Описи 1641 г., уникального самого объемного (рукопись на 883) источника по истории художественного и книжного собрания Троицкого монастыря, его хозяйству, составу братии, численности и занятиям монастырских слуг и населения вотчин, а также приписных к нему монастырей. Отмечены особенности содержания источника и принципы публикации. Издание подготовлено С. В. Николаевой и Л. А. Кириченко; осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Публикация источников, Сергиево-Посадский музей-заповедник, Опись Троицкого монастыря 1641 г.

TITLE

Archeographic Branch in the Scientific Work of the Sergiev Posad Museum-Reserve. Publishing the Manuscripts of the Monastery Collection

AUTHOR

Nikolaeva, Svetlana Viktorovna — Ph.D of Historical Sciences, Deputy Director General for Scientific Work, Sergiev Posad State Historical and Art Museum-Reserve, 144 Red Army Ave., Sergiev Posad, Russian Federation, 141310. nikolaeva-mus@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of publishing unique medieval sources from the archive of the Trinity-Sergius Monastery, currently stored in the Sergiev Posad Museum-Reserve. De-

scribing the brief history of the museum's archeographic work, the article focuses on the commented edition of the text and research of the 1641 Opis' (Inventory), published in 2020. It is a unique in its extent manuscript of 883 pages, which serves as a source on the history of the art and book collection of the Trinity Monastery, its economy, the composition of the brethren, the number and occupations of the monastic servants and the population of the patrimony, as well as the monasteries assigned to it. The publication was prepared by S.V. Nikolaeva and L.A. Kirichenko; carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research.

KEYWORDS

Publication of sources, Sergiev Posad Museum-Reserve, Opis' (Inventory) of the Trinity Monastery in 1641.

REFERENCES

- Belobrova O.A. From a real commentary on the Life of Dionysius, Archimandrite of the Trinity-Sergius Monastery. *Troitse-Sergieva lavra v istorii, kul'ture i dukhovnoi zhizni Rossii. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii (The Trinity-Sergius Lavra in the history, culture and spiritual life of Russia. Materials of the International Conference)*. Moscow, Podkova Publ., 2000, pp. 132–146 (in Russian).
- Belobrova O.A. 'The story of the soul is useful' by Nikodim tipikaris Solovetsky about a certain brother. *Trudi otdela drevnerusskoi literaturi (Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature)*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, vol. 21, pp. 200–210 (in Russian).
- Dvortsovie razriady, izdannye Vtorym otdeleniem sobstvennoi e.i.v. kantselyarii. (Palace ranks issued by the Second Department of His Imperial Majesty's own Chancellery)*, vol. 2. St. Petersburg: Tip. II otdeleniia sobstvennoi e.i.v. kantseliarii Publ., 1851 (in Russian).
- Kirichenko L.A., Nikolaeva S.V. (eds.) *Opis' Troitse-Sergieva monastyria 1641/1642 goda. Issledovanie i publikatsiia teksta. (Inventory of the Trinity-Sergius Monastery in 1641/1642. Research and publication of the text)*. Moscow, Indrik Publ., 2020. 1072 p. (in Russian).
- Kirichenko L.A., Nikolaeva S.V. *The Commemoration book of the Trinity-Sergius Monastery of 1674 (Research and publication)*. Moscow, Indrik Publ., 2008. 520 p. (in Russian).
- Klitina E.N. Inventory of the Trinity-Sergius Monastery in 1641. *Drevnerusskoe i narodnoe iskusstvo: Soobsheniia Zagorskogo muzeia-zapovednika (Ancient Russian and folk art: Messages of the Zagorsk Museum-Reserve)*. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 7–16 (in Russian).
- Klitina E.N., Manushina T.N., Nikolaeva T.V. (eds.) *Vkladnaia kniga Troitse-Sergieva monastyria (The Donation book of the Trinity-Sergius Monastery)*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 440 p. (in Russian).
- Kniga o novoiavlennykh chudesakh prepodobnogo Sergiia, tvorenie kelarya Simona Azar'ina. Soobshil S.F. Platonov. (A book about the newly revealed miracles of St. Sergius, the creation of the cellarer Simon Azarin. Reported by S.F. Platonov)*. St. Petersburg, Obshestvo Liubitelei Drevnei Pis'mennosti Publ., 1888 (in Russian).
- Nikolaeva S.V. List of commemorations of the disgraced Tsar Ivan the Terrible in the synodics of the Trinity-Sergius Monastery. *Troitse-Sergiev monastyr' v istorii, kul'ture i dukhovnoi zhizni Rossii. Materialy 3 Mezhdunarodnoi konferentsii (The Trinity-Sergius Lavra in the history, culture and spiritual life of Russia. Materials of the 3 International Conference)*. Sergiev Posad, Ves' Sergiev Posad Publ., 2004, pp. 141–151 (in Russian).
- Nikolaeva S.V. The complex of commemorative books of the Trinity-Sergius Monastery of the 16th–17th centuries. *Troitse-Sergieva lavra v istorii, kul'ture i dukhovnoi zhizni Rossii. Materialy II Mezhdunarodnoi konferentsii (The Trinity-Sergius Lavra in the history, culture*

and spiritual life of Russia. Materials of the 2nd International Conference). Sergiev Posad, Ves' Sergiev Posad Publ., 2002, pp. 223–233 (in Russian).

- Panchenko O.V. From the history of cultural relations of the Solovetsky and Trinity-Sergius monasteries in the first half of the 17th century: Trinity cellarer Alexander Bulatnikov. *Trudi otdela drevnerusskoi literaturi (Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature)*, vol. 55. St. Petersburg., Nauka Publ., 2004, pp. 488–507 (in Russian).
- Skvortsov D. *Dionisii Zobninovskii, arhimandrit Troitskago-Sergieva monastyria (nyne Lavry) (Dionysius Zobninovskiy, Archimandrite of the Trinity-Sergius Monastery (now the Lavra))*. Tver': Tip. Gub. prav. Publ., 1890 (in Russian).

Иконографическая программа декорации Святых врат Выгорецкой обители

© 2022

УДК 27.526.62(470.22)
ББК 85.14
И19

Поступила в редакцию 20.04.2022

В собрании Государственного Эрмитажа хранится разновременный комплекс из четырех икон, происходящий из села Данилово Повенецкого уезда Олонечкой губернии (бывшее мужское Выгорецкое общежительство или Данилов монастырь): деисусный чин¹ [ил. 1–3] и образ Богоматери Тихвинской² [ил. 4]. Эти произведения поступили в фонды в 1941 г. из Государственного музея этнографии народов СССР в составе коллекций Историко-бытового отдела Государственного Русского музея. До этого они находились у известного коллекционера и исследователя памятников поморской культуры В. Г. Дружинина (1869–1936), во многом сформировавшего свое внушительное собрание благодаря усилиям Ф. А. Каликина (1876–1971), иконописца, реставратора и собирателя древностей. Согласно однотипным надписям, выполненным рукой В. Г. Дружинина на обороте каждой иконы: «Съ вороть Выгорѣцкой обители», Деисус располагался при въезде на Главных (Святых) воротах Выгорецкого общежительства (т. е. «встречал» всех входящих туда). Лицом к Данилову монастырю находился образ Тихвинской Богоматери, что также отмечено в надписи, выполненной рукой В. Г. Дружинина: «Съ вороть Выгорѣцкой обители (лицомъ къ обители)».

Три большие деисусные иконы Ф. А. Каликин увидел во время первой поездки в Данилов в 1908 г.³ Монастырские строения находились в сильном

- 1 Икона «Спас Вседержитель». 89,5 × 77 × 3 см. Инв. ЭРИ-256. Икона «Богоматерь». 89 × 76 × 3 см. Инв. ЭРИ-258. Икона «Иоанн Предтеча». 89,6 × 76,7 × 3 см. Инв. ЭРИ-257. Материальные характеристики идентичны: Дерево (сосна), три доски, две врезные сквозные выступающие шпонки, глубокий ковчег, паволока (?), левкас, темпера, серебро листовое (?).
- 2 53,5 × 45 × 3,4 см. Инв. ЭРИ-321. Дерево, иконный щит состоит из двух частей, скрепленных двумя высокими врезными сквозными профилированными шпонками, неглубокий пологий ковчег, левкас, темпера, позолота.
- 3 Дата первой поездки установлена Н. В. Пивоваровой [Пивоварова, 2018. С. 157].

запустении, однако иконы еще висели на Святых вратах [Понырко, 1980. С. 448]. В 1912 г. Федор Антонович получил задание от Комитета попечительства о русской иконописи на проведение фотосъемки в бывшем Выгорецком общежительстве. По приезду Каликин обнаружил, что врата рухнули, а три большие деисусные иконы планировали увезти с собой ярославские купцы, о чем он написал в одном из писем к И. Н. Заволоко: «Один раз я приехал летом 1912 года, а у него (подразумевается последний выговский «большак» Н. Н. Лубаков. — А. И.) в качестве гостей-туристов любителей выгорецкой старины были двое: купец-рыбник Иван Дмитриевич из города Данилова Ярославской области и купец-фабрикант Кашин из Ярославля, владелец валяльной фабрики, оба безпоповцы-филипповцы, и ими уже взяты и упакованы надвратные три иконы Деисус, а они большого размера»⁴. Исходя из приведенных фрагментов переписки можно предположить, что Ф. А. Каликин договорился с ярославскими купцами на месте или позднее нашел возможность выкупить деисусные иконы у последних владельцев для коллекции В. Г. Дружинина.

Сохранившийся комплекс «надвратных» икон до сих пор не привлекал к себе специального внимания исследователей и, как правило, рассматривался в общем контексте развития старообрядческого искусства Выга [Юхименко, 2016. С. 657; Пивоварова, 2018. С. 157]. Совершенно неизученными оставались вопросы датировки и особенностей иконографии произведений, а также их символического замысла в контексте общей программы декорации Святых врат Выгорецкой обители, которая заслуживает глубокого и тщательного осмысления.

Представления о монастыре как образе царства Божия на земле, Священном граде, способствовали и особому оформлению главного входа в обитель — Святых врат, над которыми традиционно устанавливались надвратные храмы, выполнявшие своеобразную функцию «божественной защиты» внутреннего сакрального пространства от внешнего профанного мира. Издревле своеобразную такую охранную функцию также выполняли иконы⁵. Истоки традиции восходят к V–VI вв. и связаны с образом Спаса Нерукотворного, установленным в особой нише над городскими воротами. Согласно церковному преданию, в 544 г. эта икона спасла Эдессу от осаждавших ее персов. Явление божественной силы от Мандилиона и его небесное покровительство городу способствовали дальнейшему использованию этой святыни в качестве защитного оберега от врагов [Лидов, 2008]. Живописные списки со Спаса Нерукотворного часто размещались над городскими или монастырскими воротами.

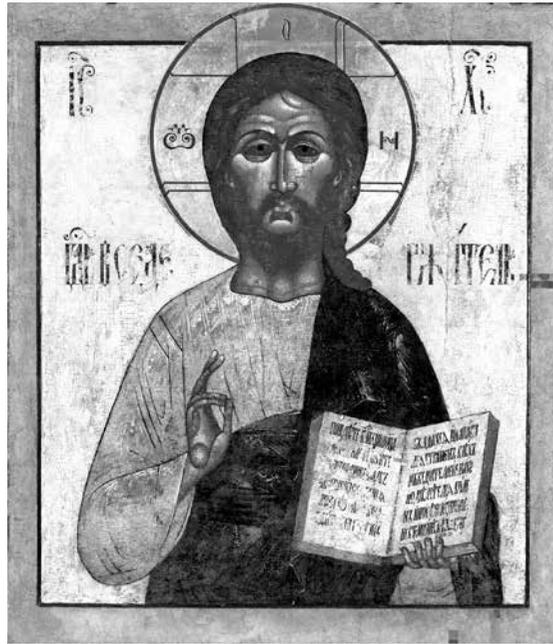
- 4 Цитата по докладу Г. В. Маркелова «Федор Антонович Каликин в переписке с Иваном Никифоровичем Заволоко» на научных чтениях «Федор Антонович Каликин и его коллекции», БАН, 12 марта 2019 г. URL: https://ruvera.ru/articles/chteniya_fedor_kalikin (дата обращения: 26.03.2022).
- 5 Подробно вопросы возникновения и развития обычая, связанного с украшением въездных ворот иконами, рассматривались в работах В. П. Выголова [Выголов, 1985; Выголов, 1994].

1

ил.1 Богоматерь. Икона из деисусного чина. Выг, ок. 1735. С ворот Выгорецкой обители
Из собрания В.Г.Дружинина / © Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж

fig.1 Mother of God. Icon from the deesis. Vyg, ca. 1735. From the gates of the Vygoresky monastery. From the collection of V.G. Druzhinin / © St. Petersburg, State Hermitage Museum

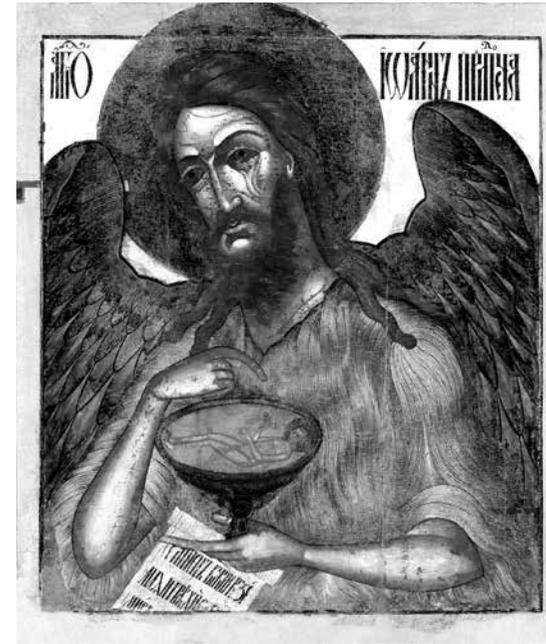
2

ил.2 Спас Вседержитель. Икона из деисусного чина. Выг, ок. 1735. С ворот Выгорецкой обители
Из собрания В.Г.Дружинина / © Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж

fig.2 Savior Almighty. Icon from the deesis. Vyg, ca. 1735. From the gates of the Vygoresky monastery. From the collection of V.G. Druzhinin / © St. Petersburg, State Hermitage Museum

В дальнейшем такие же охранительные функции становятся типичными для других икон (Вседержителя, Богоматери, святых), указания на которые можно встретить в описаниях памятников Константинополя и стран византийского мира.

Отдельные упоминания о надвратных образах на Руси встречаются в XII–XV вв.: они размещались на Золотых воротах Киева, на главной проездной башне деревянного кремля Можайска, основной воротной башне деревянного города Великого Устюга, Фроловских воротах Московского Кремля [Выголов, 1985. С.20–21; Выголов, 1994. С.29–36]. Широкое распространение эта традиция приобретает только с XVI в.: подтверждением служат письменные источники того времени, в т.ч., сочинения иностранных послов и путешественников [Выголов, 1985. С.19]. Так, находившийся в Москве в середине XVII в. архидиакон Павел Алепский, сообщает, что иконы размещались над входами в храмы и монастыри; на городских воротах «образ, именем которого называются», имелся «снаружи и снутри» [Путешествие антиохийского патриарха Макария, 1897. С.146].

3

ил.3 Иоанн Предтеча. Икона из деисусного чина. Выг, ок. 1735
С ворот Выгорецкой обители

Из собрания В.Г.Дружинина /
© Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж

fig.3 John the Baptist. Icon from the deesis. Vyg, ca. 1735
From the gates of the Vygoresky monastery. From the collection of V.G. Druzhinin /
© St. Petersburg, State Hermitage Museum

Описанная практика расположения иконного образа с наружной и внутренней стороны ворот крепостных сооружений прослеживается как в каменных, так и в деревянных постройках, а также в монастырских оградах [Выголов, 1985; Маркина, 2016]. Традиции оформления въезда находят продолжение в Выговской пустыни, устроенной по принципу монастырской киновии и считавшей себя непосредственной преемницей Соловецкой обители. Главные въездные ворота мужского общежития [ил.5] украшал Деисус, а лицом к обители располагался образ Тихвинской Богоматери.

Расположение образа Тихвинской Богоматери на главных вратах, лицом к Даниловой обители, свидетельствует о его особом покровительстве сакральному пространству монастыря. Готовясь выйти за пределы монастыря, из сакрального мира в профанный, верующие оказывались перед этой иконой, вознося свои молитвы Пречистой. Почитанию тихвинского образа Богоматери в Выговском суземке способствовал целый ряд факторов, в первую очередь прочные связи самого Тихвина с Заонежьем [Иванникова, 2020]. Именно образ Богоматери, именуемый Тихвинским, приводится в качестве правильного иконного изображения в 10-й статье 5-го ответа известного полемического сочинения «Поморские ответы», а сама чудотворная святыня приобретает в глазах староверов статус хранительницы истинного православия. Особое отношение к тихвинской Одигитрии в духовной и художественной культуре Выга подтверждают храмовые описи. Тихвинские богородичные образы выделялись не только количеством, но часто размерами — преимущественно все они были украшены богатыми окладами и помещались на почетных местах

ил.4 Богоматерь Тихвинская. Икона Выг, ок. середины XVIII в. С ворот Выгорецкой обители. Из собрания В.Г. Дружинина. В процессе реставрации / © Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж

fig.4 Our Lady of Tikhvin Icon. Vyg, around the middle of the 18th century. From the gates of the Vygoresky monastery. From the collection of V.G. Druzhinin In the process of restoration / © St. Petersburg, State Hermitage Museum

[Фролова, 2003]. Не исключено, что выбор Тихвинской Богоматери в качестве надвратного образа мог быть также продиктован его принадлежностью к типу Одигитрии, издревле помещавшемуся на выходе из ворот. Отметим, что подобная традиция настенных изображений чудотворной святыни существовала в Успенском Тихвинском монастыре, откуда она могла проникнуть в Выгорецию. В частности, над Святыми воротами с надвратной церковью Вознесения находилась фреска с тихвинским образом (выполнена в 1661 г. [Варакин, Пятницкая, 2017. С. 61]). Аналогичное изображение располагалось и на внешней стене надвратной Введенской башни (1669 г.) — на месте, где по преданию была явлена древняя чудотворная икона; для доступа богомольцев к образу, впоследствии прославившемуся многими чудесами, была устроена каменная лестница с навесом, а в 1865 г. по проекту Н.П. Бенуа возведена часовня, которую в народной среде стали именовать «На крылечке» [Варакин, Пятницкая, 2017. С. 91–99].

Желающих войти в обитель «встречал» трехфигурный Деисус, идейный замысел которого сводится к общепринятым представлениям о заступничестве Богоматери и святых за род людской перед лицом грозного Небесного Царя и Судии. Его традиционное размещение над Царскими воротами, символизирующими вход в Царство Божие, открытое верующему, как нельзя лучше соответствовало символике истолкования Главных (Святых) врат монастыря, представлявших вход в Небесный Иерусалим, и приобретало особый смысл божественного покровительства и спасения. Следуя установившейся в позд-

нем средневековом искусстве традиции декорации Святых врат, старообрядцы при этом не могли не привнести в нее дополнительную смысловую нагрузку, обусловленную особенностями их мировоззрения. После раскола русская история переосмыслилась древлеправославными христианами в апокалиптическом контексте мировой истории, движущейся к своему завершению. В результате особую актуальность приобретали темы Страшного суда и покаяния перед лицом смерти, которые оказались тесным образом связаны с идеей входа, вступления в сакральное пространство монастыря через «врата спасения», олицетворявшие символический вход в Небесный Иерусалим. «Ворота его не будут запираются, — свидетельствуется в книге Откровения Иоанна Богослова. — И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Откр. 21:25, 27). Примечательно, что в старообрядческой среде получает распространение образ архангела, записывающего имена входящих в храм [Музей русской иконы, 2014. С. 121. Ил.132]. Это было связано с актуальными для этой среды, особенно для беспоповцев, идеями праведной жизни, эсхатологическими чаяниями и таинством покаяния, необходимого для посмертного оправдания на Страшном суде.

Иконографический замысел декорации входного пространства старообрядческого монастыря или моленной во многом следовал древней традиции византийских и русских средневековых храмовых росписей. Ее истоки обнаруживаются в доиконоборческом образе «Христос Халкитис» над главными бронзовыми воротами Большого Императорского дворца. В самой идее соединения дверного прохода с образом Пантократора реализовывалось евангельское сравнение Христа с «дверью спасения» по тексту Евангелия от Иоанна (Ин. 10:9), и собственно проход становился «вратами спасения» [Лидов, 1996. С. 54–56]. Тема покаяния пред лицом смерти, соотносящаяся с идеей входа в сакральное пространство храма, прослеживается по иконографической программе «императорских» или «царских» врат Софии Константинопольской. По сторонам от врат располагались две чудотворные иконы Христа и Богоматери, не дошедшие до нашего времени. Образ Христа получил наименование «Спас Исповедник» — перед ним каялись те грешники, которым было стыдно покаяться духовнику [Лидов, 1996. С. 46]. Образ Богоматери тесно связан с историей Марии Египетской. Согласно церковному преданию, александрийская блудница не могла войти в базилику Константина при Гробе Господнем в Иерусалиме, пока не покалась перед иконой Богоматери в притворе, прося Пречистую быть поручительницей перед Христом. По легенде, уже в XI в. эта Богородичная икона была перевезена императором Львом VI Мудрым в Константинополь; исследователи допускают, что она относилась к типу Параклесис, что символически объединяло ее с темой входа и молением о заступничестве [Лидов, 1996. С. 46–47, 51]. Устойчивость пары Христа (тронного или ростового) и Богоматери, обычно представленной в типе Параклесис, регулярно встречается в византийской храмовой декорации с X в. [Лидов, 1996. С. 57–58].

Осознанный акцент на теме покаяния и заступничества, дающего надежду на Спасение, проявляется в особенностях иконографии выговского Деисуса. Важной деталью становится наличие свитка с текстом в руках Богоматери. Подобные изображения Пречистой Девы с хартией в руках распространяются в русских Деисусах со второй половины XVI в. и восходят к типу Богоматерь Молебная (или Моление о народе) [Преображенский, 2008]. Их появление в период позднего Средневековья связано с актуализацией идеи личной молитвы, осознанием индивидуальной ответственности перед Богом. Иногда в композицию икон «Моление о народе» включалось изображение конкретной обители или города, за который молится Богоматерь. Сохранились свидетельства XVI–XVII вв. использования подобных произведений в качестве надвратных на Святых воротах нескольких крупных монастырей: Соловецкого, Старицкого Успенского, Псково-Печерского [Преображенский, 2008. С. 67]. Такие иконы воспринимались как покровительницы обители, а также отражали идею соборной молитвы ее жителей о заступничестве Богородицы. О популярности иконографии Богоматерь Молебная свидетельствует литературное произведение Смутного времени «Повесть о видении некоему мужу духовну», в котором Пречистая молится Христу о прекращении бедствий. Текст этой молитвы оказал влияние на характер надписей на свитках Богоматери из деисусных чинов иконостасов середины – второй половины XVII в. [Осташенко, 2003. С. 22–23]. Именно к молитвословию из повести в основной своей части восходит и текст хартии Богоматери из выговского Деисуса: «[В]лко Г(с)ди Ис(с)е Хр(с)те // Сне и Бже Мой // и Творче всака // го созданїа // Помилуй люди // Твоа и прости // всакаа согрѣше // нїа ро[д]а [хри](с)[ти]ань».

Программная идея декорации Святых врат Выгорецкой обители, связанная с темой покаяния и милосердия Божия, находит продолжение в образах Вседержителя и Иоанна Предтечи. Текст на страницах раскрытого Евангелия в руках Спасителя воспроизводит отрывок из 106-го зачала Евангелия от Матфея, которое читается на литургии в Неделю мясопустную о Втором пришествии Христовом: «Приидиѣте бл(с)лвенїи Оца // [Моего] наслѣдуйте // [у]готованное вамъ // [ца]рствїе от с[ло]женїа // мїра: вз[алкахса] бо // и дас[те] ми [яс]ти во // зжадахса и напоисте ма страненъ бѣхъ // и введосте мене нагъ // и одѣасте ма боле // нъ и посѣтїстє ме // не въ темницѣ бѣхъ []» (Мф. 25:34–36). Таким образом, в тексте наблюдается призыв к верным уподобиться Господу в любви к страждущим, а также подчеркивается мысль о воздаянии за милость, которое ожидает праведных в Царствии Небесном. Цитирование текстов из 106-го зачала Четвероевангелия преимущественно встречается в творчестве мастеров Оружейной палаты начиная с середины XVII в. [Симон Ушаков, 2015. Кат. 11, 92. С. 102–105, 362–365; Костромская икона, 2004. Кат. 159. С. 560–561]. С произведениями столичных иконописцев также совпадает характер драпировок одежд выговского Вседержителя (спадающий широкий складкой с левого плеча Господа гиматий плотно завернут вокруг пояса в несколько слоев, оставляя открытым правое плечо, десницу и полосу клава на

ил.5 Главные (Святые) ворота мужского общежития с. Данилова (Выгорецкая обитель)
Фото В. А. Плотникова, начало XX в. [Грaбарь, 1910. Ил. на с. 493]

fig.5 The main (Holy) gates of the male dormitory from Danilovo town (Vygoresky monastery)
Photo by V.A. Plotnikov, early 20th century [Grabar, 1910. Ill. on p. 493]

хитоне), положение рук и надписей: «ИС // ХС»; «Г(с)дь Вседе // ржителъ». Эталонной работой для мастеров второй половины XVII – первой четверти XVIII в. служил образ, выполненный Симоном Ушаковым в 1663 г. по заказу окольничего Василия Семеновича Волинского [Симон Ушаков, 2015. Кат. 11. С. 102–105].

В раскрытом свитке, который держит Предтеча, также акцентируется тема помилования грешников: «Се Агнець Бжїй взє // млаи грѣхи в[сєго] // мїра» (Ин. 1:29). Важной иконографической особенностью, признававшейся плодом «раскольничьего мудрствования» и запрещенной указом Синода от 1722 г., становится потир в руках пророка, с лежащим в нем Христом Эммануилом – жертвенным Агнцем. К особенностям рассматриваемого извода также относятся детали облачения Святого Иоанна, одетого не в обычный хитон и гиматий, а во власяницу, восходящую к иконографии «ангела пустыни», что подчеркивается изображениями крыльев за спиной пророка. Так в образе Предтечи проявлялись важные для выговских насельников идеи отшельничества и аскезы. Сам пророк воспринимался выговцами в качестве небесного покровителя обители и образца пустынножительства – не случайно

Рождество Иоанна Предтечи являлось престольным праздником Лексинской Крестовоздвиженской часовни, привлекавшей в этот день, 24 июня, множество народа [Юхименко, 2002. С.188].

В настоящее время мы не располагаем точными сведениями о том, как крепился Деисус к вратам. Традиционно подобные изображения находились в арочных нишах типа киота или под козырьком, защищающим от осадков. Состояние сохранности всех четырех произведений — трех икон Деисуса и Богоматери Тихвинской — при поступлении в Эрмитаж подтверждает их длительное пребывание на улице. Доски частично разошлись и были покороблены, по всей поверхности грядки, вздутия, отставания и многочисленные утраты красочного слоя. Иконы находились под несколькими слоями записей на одеждах и фоне (при этом личное, за исключением образа Предтечи, прописано не было)⁶. Отметим довольно хорошую сохранность деревянной основы, отсутствие гниения и видимых повреждений от влаги. Озвученное выше приводит к выводу, что иконы находятся в закрытых стеклом киотах.

В «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова создание Деисуса связывается со строительством в 1735 г. Святых врат: «С той горной стороны построиша врата рубленые большие, а другие малые подле; на одной стороне привратную келию, где сторожам пребывать, на другой стороне анбар, для держания всяких конных припасов. И с той стороны срубиша ограду рубленую в тарасы и на врата написали болшии три образа: Спасов и Богородицын и Иоанна Предтечи» [История Выговской старообрядческой пустыни, 1862. С. 275]. В подробном «Описании Выго-Лексинского общежительства» конца XVIII в. [Описание Выго-Лексинского общежительства, 2003. С. 328–329] также упоминаются: «врата четверо, друг против друга, на двоих вратах кресты и иконы большие по аршину с четвертью⁷, и зовутся Святые врата, а двои просто. Все же под крышею сътворные, подле их дверцы малые, в кои всегда входят, а большие запирают».

В предыдущих эрмитажных публикациях все четыре иконы, снятые с врат обители, датировались началом XVIII в. и приписывались архангель-

6 Полное раскрытие трех икон Деисуса проведено в реставрационных мастерских Эрмитажа в конце 2000-х — начале 2010-х гг. Местами оставлены более поздние записи: украшенная жемчугом кайма мафория Богоматери; нимб у Спасителя, а также частичные записи на страницах Евангелия (первая страница раскрыта до авторского слоя, оставлена первая строка в записи); у Предтечи оставлены более поздние киноарные разделки крыльев и прописанная красным внутренняя часть чаши. Икона Богоматери Тихвинской находится в процессе реставрации. Голубой фон, поля и личное — авторские; первоначально тоже находились под записями. Оставлены записи на титлах, мафории Богоматери, лузга, опушь, поскольку авторские сильно потерты. Стратиграфическое исследование образцов живописи было выполнено художником-реставратором Лаборатории научной реставрации темперной живописи Государственного Эрмитажа Н.В. Малиновским в 2020 г.

7 Приведенный размер: аршин с четвертью (89 см), соответствует высоте хранящихся в Эрмитаже деисусных икон.

скому иконописцу Афанасию Леонтьеву⁸ (? — конец 1730-х) [Косцова, Побединская, 1990. Кат. 27–30. С. 21], долгое время проживавшему на Выгу, где он преимущественно занимался писанием и чинкой икон [История Выговской старообрядческой пустыни, 1862. С. 322–323]. Утрата подписных произведений мастера и отсутствие упоминаний о его участии в работе над созданием надвратного Деисуса в письменных источниках не дают нам веских оснований утверждать об авторстве Афанасия Леонтьева. Необходимо также отметить, что по стилистическим характеристикам три иконы Деисуса и образ Богоматери Тихвинской не могут составлять единый комплекс: они явно выполнены разными мастерами и должны быть разнесены во времени.

Деисусный чин, создание которого очевидно связано со строительством Святых врат в 1735 г., отражает начальный этап становления выговского иконописания. Наследие изографов Оружейной палаты, проявившееся в ранее отмеченных особенностях иконографии, удивительным образом сочетается в нем с намеренной архаизацией художественного языка, ориентированного на традиционное иконописание XVII в. Высокий рельеф ликов мастерски выявлен с помощью слоев разбеленного вохрения холодного тона, мягко ступенчатого к светлому желтовато-коричневому санкирю и дополненного активно проступающей подрумянкой (на иконах Вседержителя и Иоанна Предтечи). Личное письмо завершается тонкими суховатыми описями черного цвета, белильные оживки отсутствуют, что добавляет образам статуарности. На ликах выделяются большие и выразительные глаза миндалевидной формы, мощно вылепленные носы и небольшие уста, в которых верхняя губа подчеркнута киноварью. Разделка складок одежд предельно графична: она выполнена линиями и ритмически расположенными мазками-отметками основного разбеленного цвета, которые не выявляют объем и исключительно декоративны по своему характеру. Монументальность удлиненных фигур сочетается с хрупкостью их абрисов, подчеркнутой оставленными цезурами фона в нижней части средника, а также изысканными изгибами конечностей, уравновешенных довольно крупными головам. Выбеленный фон и серебряные (предположительно) нимбы свидетельствуют о стремлении старообрядцев к архаическим традициям. Общий художественный строй иконы полон суровости и внутреннего напряжения и, напротив, лишен поверхностной эмоциональности поздней русской иконописи. Деисус не находит прямых аналогий в искусстве 1730-х гг., однако перечисленные стилистические особенности, скорее, указывают на северное происхождение создавшего его мастера, что не может исключать авторства архангелогородца Афанасия Леонтьева.

8 По утверждению авторов описания, Афанасий Леонтьев упоминается в «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова в связи с написанием трех икон Деисуса. В действительности такая информация в труде И. Филиппова отсутствует, что весьма показательное, поскольку Афанасий Леонтьев стал единственным из иконописцев киновии, который удостоился отдельной главы в «Истории Выговской старообрядческой пустыни».

Особенности стилистического решения иконы Богоматери Тихвинской, в первую очередь определенная схематизация приемов, указывают на более позднее время ее написания. Принцип построения ликов Богоматери и Младенца при помощи плотного и сильно разбеленного вохрения, корпусно строящего объем, типичен для выговского искусства. При этом сам характер наложения вохрения придает маскообразный характер лицам на Тихвинской иконе Одигитрии, в отличие от Деисуса, где наблюдаются мягкие и плавные переходы между высветленными и затененными участками, что отчасти указывает на жизнеспособность объемно-пластических решений, культивировавшихся еще мастерами Оружейной палаты. В личном ярко проявляется графическое начало, акцентированное введением мимических складок на лбу и шее Марии. Отметим и отсутствие золотого фона, который становится неотъемлемой составляющей выговских произведений второй половины XVIII в. Авторский серовато-голубой фон «намекает» на барочно-рокайльные тенденции, распространявшиеся в искусстве во второй трети XVIII в. Икона Тихвинской Богоматери занимает промежуточное положение между созданным в середине 1730-х гг. Деисусом и рядом датированных памятников 1770–1780-х гг.⁹ Перечисленные черты указывают на создание эрмитажного образа около середины XVIII в. — в нем уже проявляются характерные приемы выговского письма, однако они еще не доведены до отточенности и чеканности стиля.

Сложность в датировке надвратного комплекса икон связана как с почти полным отсутствием ранних выговских памятников, сохранивших год своего создания, так и с крайней малочисленностью дошедших до нас образцов местной религиозной живописи первой половины XVIII в. И если основные стилистические этапы развития выговского иконописания конца XVIII — первой половины XIX в. уже разработаны в современной литературе, то предшествующий период (конец XVII в. — 1770-е гг.) еще требует осмысления. В первой половине XVIII в. закладываются основные черты так называемого «поморского пошиба». В этом отношении комплекс ранних памятников, хранящихся в Эрмитаже, уникален по своему значению и позволяет заполнить некоторые лакуны в истории становления местной художественной традиции.

9 Икона «Богоматерь Тихвинская». 1773 г. Выг. Коллекция Восточного искусства в Университете Орегона в США. Икона «Преподобный Александр Свирский». 1780 г. Собрание русских икон при поддержке Фонда апостола Андрея Первозванного.

ЛИТЕРАТУРА

- Варакин Е.П., Пятницкая Т.Н. Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. СПб.: Лики России, 2017. 302 с.
- Выголов В.П. Скульптура Георгия на башне Московского кремля // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города, ансамбли, зодчие. М.: Наука, 1985. С. 5–38.
- Выголов В.П. Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: столица и провинция. М.: Наука, 1994. С. 3–36.
- Иванникова А.П. Образ Богоматери Тихвинской в культуре старообрядческого Выга (на примере памятников из собрания Государственного Эрмитажа) // XXIV Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): сб. ст. Ярославль: Ярославский художественный музей, 2020. С. 217–231.
- История Выговской старообрядческой пустыни: Издана по рукописи Ивана Филиппова. С соблюдением его правописания, одиннадцатью портретами знаменитых старообрядцев и двумя видами Выговского мужского и женского общежительных монастырей. СПб., 1862. 480, V с.
- Костромская икона XIII–XIX веков: Свод русской иконописи / Авт.-сост. Н.И. Комашко, С.С. Каткова. М.: Гранд-Холдинг, 2004. 672 с.
- Косцова А.С., Побединская А.Г. Русские иконы XVI — начала XX века с надписями, подписями и датами: Кат. выст. Л., 1990. 150 с.
- Лидов А.М. Святой Мандилион. История реликвии // Спас Нерукотворный в русской иконе / Авт.-сост. А.М. Евсеева, А.М. Лидов, Н.Н. Чугреева. М., 2008. С. 12–39.
- Маркина Н.Ю. Надвратный образ на Спасской башне Московского Кремля. Вопросы иконографии и происхождения памятника // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2016. № 3 (65). С. 133–152.
- Музей русской иконы. История коллекции. Художественные памятники / Науч. ред. и сост. И.А. Шалина. М., 2014. 152 с.
- Описание Выго-Лексинского общежительства (подготовка текста и примечания Е.М. Юхименко) // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: сб. науч. ст. и материалов: [Докл. междунар. науч. конф., 13–17 сент. 1994 г.]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 328–331.
- Осташенко Е.Я. Главный иконостас Успенского собора Московского Кремля // Художественные памятники Московского Кремля. М., 2003 (Материалы и исследования / Федеральное гос. учреждение «Гос. ист.-культур. музей-заповедник “Московский Кремль”»; 16). С. 5–40.
- Пивоварова Н.В. Старообрядческая икона в историко-культурном контексте XVIII — начала XX века: Опыт систематического анализа. М.: БуксМАрт, 2018. 456 с.
- Понырко Н.В. Федор Антонович Каликин — собиратель древних рукописей // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 35: Рукописное наследие Древней Руси. Л.: Изд-во АН СССР, 1980. С. 446–450.
- Преображенский А.С. Образ Богоматери Моление о народе в русском искусстве позднего Средневековья // Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI века. Сб. ст. памяти Виктора Михайловича Сорокатого (Труды ЦМиАР. Т. 3). М., 2008. С. 51–88.
- Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским: (По рукописи Московского главного архитектора Министерства иностранных дел) / Пер. с араб. [и предисл.] Г. Муркоса. Вып. 2: От Днестра до Москвы. М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1897. 202 с.
- Симон Ушаков — царский изограф: Кат. выст. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2015. 528 с.

Фролова Г.И. Внутреннее убранство часовен Выговской пустыни // Выговская по-морская пустынь и ее значение в истории России: Сб. науч. ст. и материалов: [Докл. междунар. науч. конф., 13–17 сент. 1994 г.]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 159–167.
Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. Т. I / Науч. ред. Н.В. Поньрко. М.: Языки славянской культуры, 2002. 544 с.
Юхименко Е.М. Старообрядчество: История и культура. М.: Криница, 2016. 852 с.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Иконографическая программа декорации Святых врат Выгорецкой обители

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванникова Анна Петровна — научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34, Российская Федерация 190000. ivanna0207@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается разновременный комплекс икон со Святых врат Выгорецкой обители, происходящий из собрания В.Г. Дружинина и хранящийся в собрании Государственного Эрмитажа. До сих пор эти произведения не привлекали к себе специального внимания исследователей и, как правило, рассматривались в общем контексте развития старообрядческого искусства Выга. Расположение иконы Тихвинской Богоматери на главных вратах, лицом к Даниловой обители, свидетельствует о ее особом покровительстве сакральному пространству монастыря и отражает важные аспекты почитания тихвинского образа Богоматери в Выговском суземке. Желаящих войти в обитель «встречал» трехфигурный Деисус, идейный замысел которого сводился к актуальным для старообрядцев темам покаяния перед лицом смерти и заступничества Богоматери на Страшном суде. Таким образом, программа декорации Святых врат оказывается тесным образом связана с идеей входа в сакральное пространство монастыря через «врата спасения», олицетворявшие символический вход в Небесный Иерусалим. Время создания трех икон Деисуса (около 1735 г.) и образа Богоматери Тихвинской (около середины XVIII в.) связано с малоизученным периодом развития выговского иконописания, когда закладываются основные черты так называемого поморского пошиба. В этом отношении комплекс ранних памятников, хранящихся в Эрмитаже, уникален по своему значению и позволяет заполнить некоторые лакуны в истории становления местной художественной традиции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Выговское общежитие, Святые врата, надвратный Деисус, Богоматерь Тихвинская, В.Г. Дружинин, выговское иконописание.

TITLE

Iconographic Program of Decorations of the Holy Gates of the Vygoresky Monastery

AUTHOR

Ivannikova, Anna Petrovna — researcher, The State Hermitage Museum Russia, 190000, St Petersburg, Dvortsovaya Naberezhnaya 34. ivanna0207@yandex.ru

ABSTRACT

The article considers a complex of icons from the Holy Gates of the Vygoresky Monastery, originating from the collection of Vasily Druzhinin and stored in the collection of the State Hermitage. Until now, these works have not attracted the special attention of researchers and, as a rule, were considered in the general context of the development of the Old Believer art of Vyg. The location of the icon of the Tikhvin Mother of God on the main gate, facing the Danilov Monastery, testifies to her special patronage of the sacred space of the monastery and reflects important aspects of the veneration of the Tikhvin image of the Mother of God in the Vygoresky Monastery. Those wishing to enter the monastery were “met” by a three-figure Deesis, the ideological idea of which was reduced to the topics of repentance in the face of death and intercession of the Mother of God at the Last Judgment, which were relevant for Old Believers. Thus, the program of decoration of the Holy Gates is closely connected with the idea of entering the sacred space of the monastery through the “Gate of Salvation”, which personified the symbolic entrance to the Heavenly Jerusalem. The time of the creation of the three icons of Deesis (about 1735) and the image of Our Lady of Tikhvin (about the middle of the 18th century) is associated with the little-studied period of the development of icon painting of Vyg, when the main features of the so-called “Pomorsky style” are laid. In this respect, the complex of early monuments stored in the Hermitage is unique in its significance and allows filling in some gaps in the history of the formation of the local artistic tradition.

KEYWORDS

Vygoresky Monastery, Holy Gates, over-the-gate Deesis, Our Lady of Tikhvin, Vasily Druzhinin, Vygovsky icon-paintings.

REFERENCES

- Frolova G.I. Interior Decoration of the Chapels of the Vygovskaya Desert. *Vygovskaia pomorskaia pustyn' i ee znachenie v istorii Rossii: Sbornik nauchnikh statei i materialov (Vygovskaia Pomorskaia Hermitage and its Significance in the History of Russia: Collection of Scientific Articles and Materials)*. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2003, pp. 159–167 (in Russian).
- Ivannikova A.P. The Image of Our Lady of Tikhvin in the Culture of the Old Believer Vyg (on the Example of Monuments from the Collection of the State Hermitage Museum). *XXIV Nauchnye chteniia pamiati Iriny Petrovny Bolottsevoi (1944–1995): sbornik statei (24th Scientific readings in memory of Irina Petrovna Bolottseva (1944–1995): collection of articles)*. Yaroslavl, Yaroslavl Art Museum, 2020, pp. 217–231 (in Russian).
- Iukhimenko E.M. *Vygovskaia staroobriadcheskaia pustyn': Duhovnaia zhizn' i literatura [Vyg Old Believer Hermitage: Spiritual life and literature]*, vol. I. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002. 544 p.
- Iukhimenko E.M. *Staroobriadchestvo: Istoriia i kul'tura [Old Believers: History and Culture]*. Moscow, Krinitsa Publ., 2016. 852 p.
- Iukhimenko E.M. (ed.) Description of Vygov-Leksinsky Community. *Vygovskaia pomorskaia pustyn' i ee znachenie v istorii Rossii: Sbornik nauchnykh st. i materialov (Vyg Pomorian Hermitage and its Significance in the History of Russia: Collection of Scientific Articles and Materials)*. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2003, pp. 328–331 (in Russian).
- Kozhanchikov D.E. (ed.) *The History of the Vygovskaya Old Believers' Desert: it was Published According to Ivan Filipov's Manuscript: with Observance of its Spelling, 11 Portraits of Famous Old Believers and 2 Kinds of Vyhovsky Male and Female Civic Monasteries*. Saint Petersburg, 1862. 480 p. (in Russian).

- Komashko N., Katkova S. *Kostromskaia Ikona XIII–XIX vekov. Svod Russkoi Ikonopisi (Kostroma Icons, 13th–19th Centuries)*. Moscow, Grand-Holding Publ., 2004, 672 p. (in Russian).
- Kostsova A.S., Pobedinskaia A.G. *Russkie ikony XVI – nachala XX veka s nadpisiami, podpisiami i datami: Katalog vystavki (Russian Icons of the 16th – early 20th Century with Inscriptions, Signatures and Dates: Exhibition Catalog)*. Leningrad, 1990, 150 p. (in Russian).
- Lidov A.M. Holy Mandilion. The History of the Relic. *Spas Nerukotvornyi v russkoi ikone (The Holy Mandilion in the Russian Icon)*. Moscow, 2008, pp.12–39 (in Russian).
- Markina N. Iu. The Gate Image on the Spasskaya Tower of the Moscow Kremlin. Questions of Iconography and the Origin of the Monument. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki (Ancient Russia. Questions of Medieval Studies)*. Moscow, 2016, no. 3 (65), pp.133–152 (in Russian).
- Murkos G. (ed.) *The Journey of the Antiochian Patriarch Macarius to Russia in the Middle of the 17th century, Described by his Son Archdeacon Pavel Aleppsky: (According to the Manuscript of the Moscow Chief Architect of the Ministry of Foreign Affairs)*. Issue. 5. Moscow, Society of Russian History and Antiquities at Moscow University Publ., 1897.
- Ostaschenko E. Ia. The Main Iconostasis of the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. *Hudozhestvennye pamiatniki Moskovskogo Kremlia (Materialy i issledovaniia-16) (Artistic Monuments of the Moscow Kremlin (Materials and Research-16))*. Moscow, 2003, pp.5–40 (in Russian).
- Pivovarova N.V. *Staroobriadcheskaia ikona v istoriko-kul'turnom kontekste XVIII – nachala XX veka: Opyt sistematicheskogo analiza (The Old Believer Icon in the Historical and Cultural Context of the 18th – early 20th Century: A Study in Systematic Analysis)*. Moscow, BuksMArt Publ., 2018, 456 p. (in Russian).
- Ponyrko N.V. Fedor Antonovich Kalikin – Collector of Ancient Manuscripts. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. T. 35: Rukopisnoe nasledie Drevnej Rusi (Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. 35: Manuscript Heritage of Ancient Russia)*. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1980, pp.446–450 (in Russian).
- Preobrazhenskii A.S. The Image of the Mother of God Prayer for the People in Russian Art of the Late Middle Ages. *Ikongraficheskie novatsii i traditsiia v russkom iskusstve XVI veka. Sbornik statei pamiatni Viktora Mihailovicha Sorokatogo (Iconographic Innovations and Tradition in Russian Art of the 16th century. Collection of Articles in Memory of Viktor Mikhailovich Sorokaty)*. Moscow, 2008, pp.51–88 (in Russian).
- Shalina I.A. (ed.) *Muzei russkoi ikony. Istoriiia kolleksii. Hudozhestvennye pamiatniki (The Museum of the Russian Icon. The History of the Collection. Artistic Monuments)*. Moscow, 2014. 152 p.
- Simon Ushakov – tsarskii izograf: Katalog vystavki (Simon Ushakov – Royal. isographer: Exhibition catalogue)*. Moscow: Gos. Tret'iakovskaia galereia Publ., 2015, 528 p.
- Varakin E.P., Piatnitskaia T.N. *Arkhitekturnyi ansambl' Uspenskogo monastyrja v Tihvine (Architectural Complex of the Tikhvin Assumption Monastery)*. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2017, 302 p. (in Russian).
- Vygodov, V.P. The Sculpture of St. George on a Moscow Kremlin Tower. *Pamiatniki russkoi arkhitektury i monumental'nogo iskusstva: goroda, ansambli, zodchie (The Monuments of the Russian Architecture and Monumental Art: Cities, Architectural Ensembles, Architects)*. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp.5–38 (in Russian).
- Vygodov V.P. Churches over the gates in old Russia (problems of evolution and origin). *Pamiatniki russkoi arkhitektury i monumental'nogo iskusstva: stolitsa i provintsii (The Monuments of the Russian Architecture and Monumental Art: Capital and Province)*. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp.3–36 (in Russian).

ХРОНИКА

*А.Л. Макарова, О.Е. Полушкина,
В.Б. Калашников*

Хроника реставрации МНРХУ с декабря 2021 года по апрель 2022 года

Актуальный раздел «Хроники» посвящен событиям в реставрационной деятельности МНРХУ с декабря 2021 г. по апрель 2022 г.

В зимний период начиная с 2018 г. основное внимание художников-реставраторов бригады имени В.Д. Сарабьянова было направлено на реставрацию икон центрального иконостаса Смоленского собора Новодевичьего монастыря конца XVI в.¹ Обнаруженная в процессе реставрационных работ живопись праздничного ряда отмечена стилистическим единством с древнейшим слоем росписи Смоленского собора. Четко выделяются схожие художественные и технические приемы, идентичность состава пигментов и их соотношений, определяющих основу колористического строя памятников [ил. 1, 2]. В ходе раскрытия из-под записей на иконах обнаружены важные сведения о методах работы средневековых художников. Например, на одеждах ветхозаветных праотцев Иакова и Вениамина найдены буквенные пометки цветовых «роскрышей». На хитоне св. Вениамина, где подкладочным тоном является охра, читается еле заметная надпись — «охр», на голубом плаще — «ла» (возможно лазурит?). В нижней части хитона св. Иакова слово «охра» написано без сокращения.

На сегодняшний день полностью раскрыты из-под записей и частично затонированы иконы деисусного, праотеческого и местного ряда. Местный ряд имеет сложную историю формирования и состоит из 10 икон, принадлежащих разным эпохам в истории Смоленского собора. Одной из самых древних является храмовая икона Одигитрии Смоленской (датируется исследователями второй половиной XVI в. в основном по окладу). После снятия записей (самые плотные из них были на личном) и тонировок предыдущих

¹ Подробно об истории реставрации икон иконостаса Смоленского собора см. Хронику реставрации 2020 г.

реставраций оказалось, что древнейший слой живописи хорошей сохранности, отчетливо выявилась разница между «автором» и слоями поздних вмешательств. После раскрытия на лике Богородицы изменился уровень зрачка. Выявились авторские ассисты на одеждах и золотые надписи на фонах. Общая гармония ликов, а также легко узнаваемые черты классицизирующего стиля, тонкие колористические сочетания цветов, деликатное соотношение фона и полей заставляют вспомнить о живописи первой половины-середины XVI столетия [ил. 3–5].

Икона Спаса Вседержителя на престоле с припадающими святыми Иоанном Предтечей и Апостолом Петром (размещается справа от царских врат) относится к редким подписным иконам Симона Ушакова. В процессе раскрытия были сняты две прописи, в результате чего обнажилась яркая, легкая по манере исполнения, но довольно плотная за счет многослойной авторской техники живопись.

Икона Владимирской Богоматери с праздниками считается одной из самых поздних (располагается у южной стены) и датируется концом XVII в. Средник иконы окружают шестнадцать живописных клейм. Именно он оказался самым сложным для реставрации из-за большого количества утрат живописного слоя. Прописи авторской живописи делались в конце XIX — начала XX в. и не были полностью сняты в предшествующий этап реставрации, тогда же образ сильно переукрепили, что спровоцировало сильную сухость грунта, а также обилие мелких трещин и вздутий красочного слоя. На ликах, одеждах и фоне имеется большое количество следов от пемзы, которой обрабатывали иконы на рубеже веков перед полной записью. Клейма, напротив, сохранились достаточно хорошо, с них были сняты потемневшая олифа и незначительные следы прописей.

13 апреля 2022 г. в мастерских МНРХУ состоялось заседание секции Федерального научно-методического совета, на котором были представлены промежуточные результаты работы с иконами Смоленского собора Новодевичьего монастыря. В заседании приняли участие представители Государственного исторического музея и Церковного музея «Новодевичий монастырь». Ход и результаты реставрационных работ были одобрены.

С февраля 2022 г. художниками-реставраторами МНРХУ под руководством Е.И. Серегинной осуществляется очередной этап комплексной реставрации стенописей Успенского собора Московского Кремля, начавшийся еще в 2013 г. Работы по сохранению памятников Московского Кремля МНРХУ ведет с самого начала этой деятельности. Еще в 1965 г. под руководством художника-реставратора высшей категории Г.С. Батхеля были разработаны «Рекомендации по реставрации монументальной и станковой живописи Успенского собора Московского Кремля», по которым осуществлялись первые масштабные реставрационные мероприятия в 1970–1980-х гг. «Рекомендации» стали основой и для современной Методики, обогащаемой ежегодно новыми научно-исследовательскими документальными, визуальными и химико-лабораторными данными. Настоящий этап работ рассчитан до марта 2023 г.

1

2

3

4

5

ил.1 Отечество. Икона из праотеческого ряда иконостаса Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Конец XVI — начало XVII в.

fig.1 Fatherland. Icon from the ancestral row of the iconostasis of the Our Lady of Smolensk Cathedral at the Novodevichy Convent. Late 16th — early 17th centuries

ил.2 Младенец Христос. Фрагмент иконы «Отечество» из праотеческого ряда иконостаса Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Конец XVI — начало XVII в.

fig.2 Christ-child. Fragment of the icon "Fatherland" from the ancestral tier of the iconostasis of the Our Lady of Smolensk Cathedral at the Novodevichy Convent, late 16th — early 17th centuries

ил.3 Одигитрия Смоленская. Икона из местного ряда иконостаса Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Вторая половина XVI в.

fig.3 Hodegetria of Smolensk. Icon from the bottom tier the local row of the iconostasis of the Our Lady of Smolensk Cathedral of the Novodevichy Convent. Second half of the 16th century

ил.4 Одигитрия Смоленская. Икона из местного ряда иконостаса Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Вторая половина XVI в. Съемка в инфракрасных лучах

fig.4 Hodegetria of Smolensk. Icon from the bottom tier the local row of the iconostasis of the Our Lady of Smolensk Cathedral of the Novodevichy Convent. Second half of the 16th century. Shooting in infrared rays

ил.5 Одигитрия Смоленская. Икона из местного ряда иконостаса Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Вторая половина XVI в. В процессе выполнения реставрационных работ

fig.5 Hodegetria of Smolensk. Icon from the bottom tier the local row of the iconostasis of the Our Lady of Smolensk Cathedral of the Novodevichy Convent. Second half of the 16th century. In the process of restoration work

6

7

8

ил. 6 Успенский собор Московского Кремля. Южная стена, восточный люнет. Композиция «Сошествие Святого Духа на апостолов». Вид в процессе выполнения проб.

fig. 6 The Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. South wall, east lunette. Composition "The Descent of the Holy Spirit on the Apostles". View during testing

ил. 7 Успенский собор Московского Кремля. Юго-восточный свод. Композиция «Рождество Христово». Фрагмент экспозиционного участка. Вид до реставрационных работ

fig. 7 The Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. South-eastern vault. Composition "Christmas". Fragment of the exposition area. View before restoration work

ил. 8 Успенский собор Московского Кремля. Южная стена. Композиция «Учение Иисуса Христа о молитве». Вид в процессе выполнения проб

fig. 8 The Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. South wall. Composition "The Teaching of Jesus Christ about Prayer". View during testing

ил. 9 Успенский собор Московского Кремля. Южная стена. Композиция «Второй Вселенский собор». Фрагмент

fig. 9 The Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. South wall. Composition "The Second Ecumenical Council". Fragment

9

и предполагает реставрацию южного нефа основного объема (включая юго-западную главу), а также алтарного пространства собора.

Живопись Успенского собора неоднократно поновлялась², что привело к появлению множества разновременных вставок, а также к значительным потерностям и утратам авторского красочного слоя. В результате уровень сохранности живописи 1642–1643 гг. оказался различным, но в целом допускающим ее полное раскрытие. В таком ключе (с полным раскрытием авторской живописи из-под записей) выполняется экспозиционный участок в юго-восточном своде собора, на композиции «Рождество Христово», ранее аналогичным образом была раскрыта сцена «Сретение» на противоположном северо-восточном своде. Новый подход к раскрытию авторской живописи, предполагающий удаление всех сохраненных в предыдущие этапы реставрации записей, поможет составить наиболее правдивое представление о живописи Успенского собора XVII столетия, а также позволит увидеть подлинный авторский колорит, который оказался гораздо светлее, ярче и сложнее прежнего, изменившегося в результате поздних плотных и темных прописей [ил. 6–9]. На сегодняшний день живопись XVII в. в юго-восточной части четверика собора практически полностью очищена от пылевых загрязнений и копоти, начаты штукатурные работы, за которыми последует процесс тонирования.

² На протяжении XVII в. работы велись неоднократно: в 1661–1662 гг. стенпись «починивалась» под руководством жалованного иконописца Ивана Филатова; в 1677 г. — Никифора Бовыкина. После пожара 1682 г., в 1684 г., живопись была промыта от копоти и поновлена, а также сделаны новые металлические связи, вставленные в стены. В 1773 г. живопись полностью записана маслом. В XVIII в. в стены собора были заложены в двух ярусах дополнительные металлические связи, при этом пострадала живопись второго и четвертого ярусов. В 1801 г., перед коронацией Александра I, и в 1812 г. живопись снова поновлялась. В 1853–1855 г., к коронации Александра II, ее вновь полностью переписали масляными красками — мастер Щепетов с 56 московскими, ярославскими и палехскими иконописцами.

10

11

ил.10 Успенский собор Московского Кремля. Помещение бывшего Филипповского придела. Пробное раскрытие живописи XVII в. из-под слоя поздних покрасок

fig.10 The Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. The premises of the former chapel of St. Philip. Trial disclosure of painting of the 17th century from under a layer of late painting

ил.11 Успенский собор Московского Кремля. Дмитровский придел. Зондаж на северной стене, за иконостасом. Обнаружен фрагмент древней штукатурки с сохранившейся живописью, предположительно XVII в.

fig.11 The Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. The chapel of St. Dimitry. Probing on the northern wall, behind the iconostasis. A fragment of ancient plaster with preserved painting, presumably from the 17th century

Совместно со специалистами ЦНРПМ весной 2022 г. были проведены важнейшие исследования в алтарной зоне Успенского собора, в Дмитровской пределе, расписанном в 1914 г. сценами житий св. Дмитрия Солунского и пророка Ильи. Предполагается, что в основе цикла могла лежать древняя иконографическая программа росписи. Целью исследования является уточнение представлений об облике алтарной зоны собора в конце XV в., а также выявление за поздними кирпичными прикладками участков грунта с сохранившейся на них древней живописью. В процессе работ за прикладкой 1660-х гг. обнаружили остатки живописи (возможно, раннего XVII в.) [ил. 10, 11]. С северной стороны придела найдена часть древней алтарной преграды, на которой сохранился слой штукатурки предположительно

XV в. Этап научно-исследовательских работ является промежуточным, поэтому окончательные выводы пока преждевременны. В следующем году предполагается проведение нового комплекса научных исследований в южной части алтарной зоны.

С зимы 2022 г. МНРХУ проводит противоаварийные работы на монументальной живописи Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, отмечающего в этом году свое 600-летие. Собор был построен в 1422–1425 гг., и относится к группе редких памятников раннемосковского зодчества начала XV в. Руководство на объекте осуществляет художник-реставратор первой категории В.В. Сергиеня, авторский надзор проводится художником-реставратором высшей категории Е.И. Серегинной. Реставрация предполагается с февраля по июнь 2022 г., ей предшествует научно-исследовательская работа по изучению историко-архивных и библиографических материалов, а также состояния сохранности монументальной живописи.

Как известно, Троицкий собор расписывался при участии Андрея Рублева и Даниила Черного, однако эта живопись не уцелела. Настоящие росписи, относящиеся к 1635 г., согласно общепринятому в искусствоведческой литературе мнению, сохранили иконографию XV в. [ил. 12–14]. Живопись неоднократно поновлялась. К началу первой реставрации в конце 1930-х гг. под руководством художника-реставратора П.И. Юкина насчитывалось свыше семи наслоений разного времени³.

В 1948 г. Троицкий собор передали в введение Московской патриархии, а с 1949 по 1954 г. начался новый период реставрации стенописи, уникальный для своего времени по масштабу и характеру поставленных задач. Работами по живописи руководил художник-реставратор П.И. Нерадовский. Архитектурную реставрацию осуществлял архитектор В.И. Балдин. Тогда с живописи были удалены масляные записи XIX в., позолота и поздние вставки.

Следующий период менее масштабной реставрации приходится на 1975–1979 гг., работы велись бригадой Г.С. Батхеля. Тогда была воссоздана основная часть утраченной древней живописи. И наконец, в 2008 г. проводились последние по времени реставрационно-поновительские мероприятия. Их выполняли

³ Первый слой — поновительные работы 1777 г. (делались темперными красками поверх копоты и пыли), второй слой — прописи 1824 г., выполненные лаврскими иконописцами, о которых практически не осталось никаких свидетельств. Третий слой относится к 1835–1836 гг., его осуществлял тульский иконописец Андрей Кузьмич Малахов. Он выполнил достаточно большой объем работ по замене штукатурки и воспроизведению на ней утраченной живописи, активное золочение нимбов, элементов одежд, фонов и прочих второстепенных деталей (возможно, делал по золочению XVII в.), кроме того, местами промыл стенопись агрессивным химическим реактивом существенно разрушив ее и прописал сверху масляными красками. В 1848–1849 гг. поновлялся только алтарь, а в 1854–1855 гг. монастырские живописцы под началом И.М. Малышева и Н.Л. Софонова записали все маслом с отступлениями от первоначальной иконографии, летописная надпись над ярусом полотенец была заменена на «Символ веры». Шестое поновление 1886 г. коснулось только алтаря; а в 1904–1905 гг. вновь в храме работала артель Софоновых.

12

ил. 12 Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры. Конха центральной апсиды. Композиция «Похвала Богоматери». Общий вид до реставрационных работ

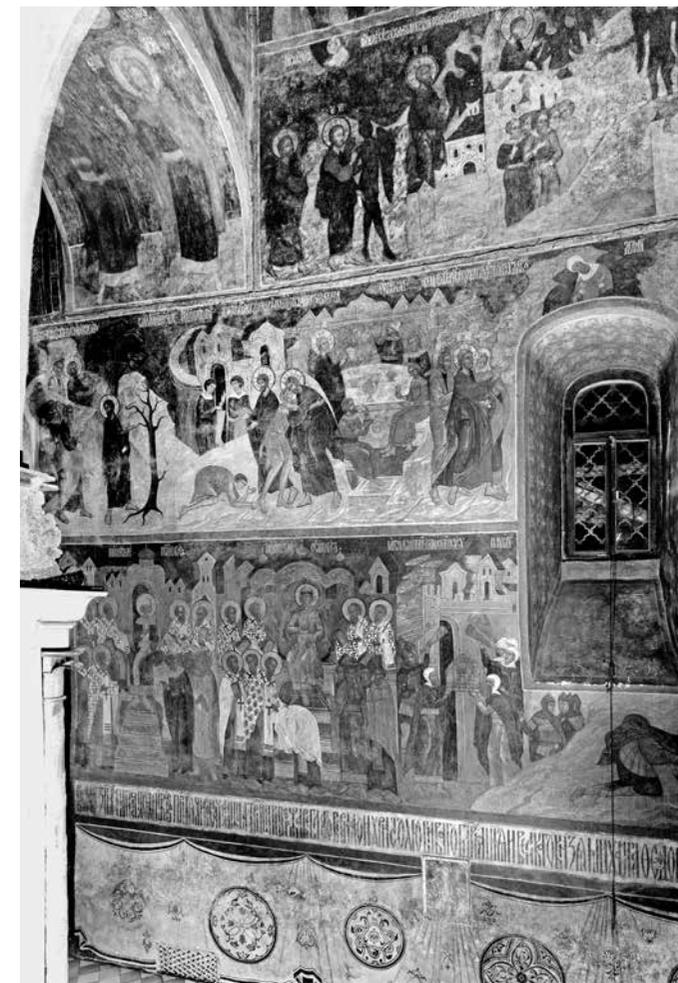
fig. 12 The Trinity Cathedral of the Trinity Lavra of St. Sergius. Conch of the central apse. Composition "Praise of the Mother of God". General view before restoration work

ил. 13 Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры. Южная стена. Общий вид до реставрационных работ

fig. 13 The Trinity Cathedral of the Trinity Lavra of St. Sergius. South wall. General view before restoration work

ил. 14 Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры. Южная стена. Композиция «Искушение Христа». Фрагмент до реставрационных работ

fig. 14 The Trinity Cathedral of the Trinity Lavra of St. Sergius. South wall. Composition "The Temptation of Christ". Fragment before restoration work

13

14

ил.15 Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры. Южный компартимент. Фрагмент с изображением преподобного. Вид до реставрационных работ

fig.15 The Trinity Cathedral of the Trinity Lavra of St.Sergius. Southern Compartment Fragment with the image of the reverend. View before restoration work

ил.16 Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры. Северная стена. Композиция «Исцеление расслабленного». Фрагмент в процессе укрепления красочного слоя

fig.16 The Trinity Cathedral of the Trinity Lavra of St.Sergius. North wall. Composition "Healing the paralyzed". A fragment in the process of strengthening the paint layer

Владимирские мастера с участием мастеров из иконописной школы при Московской духовной академии, тогда же в интерьере собора на столбах над киотами с иконами были написаны парные ростовые фигуры святых.

К началу работ художников-реставраторов МНРХУ в феврале 2022 г., живопись состояла из двух основных комплексов: фрески XVII в., расположенные в верхней части собора по стенам и сводам, и реставрационные дополнения XX столетия, покрывающие нижние части стен, столбов и порталов. Стенопись сильно потемнела, некоторые сюжеты практически не читаются из-за плотного слоя пыли и копоти. Со временем оказались потускневшими и реставрационные тонировки, выполненные темперными красками. В верхних частях подпружных арок и сводов наблюдаются значительные отставания известково-песчаной штукатурки XVII в. от белокаменной кладки. На первом этапе выполнялись пробные работы для отработки принятой реставрационной методики. В настоящее время проводится удаление слоя загрязнений сухим способом при помощи специальных резиновых губок и ластиков, после чего удаляется слой копоти водно-спиртовым раствором. Выполняется выборка сильно загрязненных, засмолившихся участков, удаляются высолы ямчуги, параллельно осуществляется укрепления красочного слоя. Завершить работы предполагается к 12 июня 2022 г. [ил. 15, 16].

Однако уже сейчас можно сделать заключение, что запланированного комплекса работ недостаточно для приведения памятника к экспозиционному

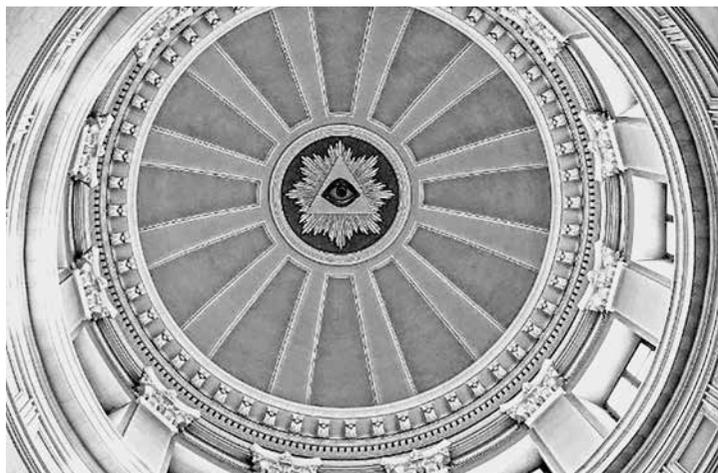
виду. Колорит авторских росписей сильно искажен старыми потемневшими тонировками и лессировками 2008 г. На поверхности фресок оставлено много участков записей, удаление которых требует отдельных, порой очень сложных реставрационных операций, без чего восприятие живописи XVII в. затруднительно. Памятник требует проведения не только противоаварийных работ, как сейчас, а полноценной научной реставрации с выявлением и раскрытием авторского красочного слоя из-под потемневших тонировок и остатков масляных записей. Это позволит выявить истинный колорит подлинной авторской росписи, а также лучше укрепить и сохранить ее. Росписи Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры — один из важнейших памятников первой половины XVII в., нуждающийся в полноценном комплексном изучении.

В декабре 2021 г. специалистами МНРХУ бригады В.Н. Шелехова проводилось обследование монументальной живописи Троицкой церкви в Яхроме. Троицкая церковь сооружена по проекту С.К. Родионова в 1892–1895 гг. на средства И.А. Лямина — потомственного купца, известного общественного и государственного деятеля, владельца центральной Ткацкой фабрики в Яхроме. После революции храм был упразднен и использовался под склад, а позже под макаронную фабрику. После передачи церкви РПЦ в 1991 г. была проведена первая архитектурная реставрация и реконструкция утраченных элементов по сохранившимся архивным чертежам XIX в. Капитальный ремонт с проведением отопительных коммуникаций коснулся интерьера собора в 2014 г. Однако научной реставрации по выявлению и сохранению монументальной живописи реализовано так и не было.

Художественное решение интерьера собора в силу разновременных переделок, а также поздних чинков лишено целостности и композиционного единства. Живопись последнего десятилетия XIX в. уцелела в скупье центрального купола, где размещена композиция «Всевидающее око Божие» [ил. 17], а также в парусах — образы четырех евангелистов: Матфея, Марка, Луки и Иоанна [ил. 18]. Там, где нет росписей стены покрыты бирюзовой покраской. Задачи, поставленные перед специалистами МНРХУ заключаются в реставрации и сохранении имеющихся росписей (в процессе реставрации возможно обнаружение новых участков стенописи), а также воссоздание утраченных элементов живописной программы. Воссоздание утраченных росписей требует большой научной, архивной и художественной работы. Для разработки эскизов требуется изучение и поиск фотографических материалов, иконографических и стилистических аналогий.

Сведений по первоначальному облику интерьера собора в Яхроме практически нет. В связи с чем наиболее правомерным оказывается работа по поиску аналогов, которые могли бы послужить иконографическими и стилистическими образцами при воссоздании. Подобранные аналоги должны соответствовать сохранившейся живописи и архитектуре храма, а также общей временной стилистике создания памятника.

В январе 2022 г. специалисты МНРХУ приступили к исследованию интерьеров уникального памятника конца XIX в. Спасской церкви в селе Круглое.

17

18

19

20

21

22

ил.17 Троицкий собор в Яхrome. Центральный свод. Композиция «Всевидящее око»
fig.17 The Trinity Cathedral in Yakhroma. Central vault. Composition "The All-Seeing Eye of God"

ил.18 Троицкий собор в Яхrome. Паруса. Образы евангелистов Матфея и Иоанна
fig.18 The Trinity Cathedral in Yakhroma. The pendentives. Images of the Evangelists Matthew and John

ил.19 Спасская Церковь в селе Круглое. Вид на алтарное пространство
fig.19 The Church of the Savior in the village of Krugloye. View of the altar space

ил.20 Спасская Церковь в селе Круглое. Центральная апсида. Композиция «Богоматерь с Младенцем на троне»
fig.20 The Church of the Savior in the village of Krugloye. Central apse. Composition "The Virgin and Child Enthroned"

ил.21 Успенский собор в Смоленске. Центральный свод. Композиция «Сошествие Святого Духа»
fig.21 Assumption Cathedral in Smolensk. Central vault. Composition "Descent of the Holy Spirit"

ил.22 Успенский собор в Смоленске. Свод южного алтаря
fig.22 Assumption Cathedral in Smolensk. The vault of the southern altar

Работы по реставрации архитектуры храма ведутся уже несколько лет специалистами ЦНРПМ.

Храм имеет редкую объемно-пространственную композицию. В плане к сторонам квадратного основного четверика по осям примыкают полуциркульные объемы меньшего диаметра. Внутренние углы квадрата выделены также полуциркульными экседрами. К восточному объему примыкают три полуциркульные в плане абсиды, к западному — прямоугольная в плане двухъярусная звонница. Внутреннее пространство храма освещалось только окнами верхнего света, отсутствие окон первого яруса стен — особенность, не нашедшая аналогов в русской архитектуре. Основной объем церкви перекрыт купольным сводом со световым барабаном в центральной части. Три небольшие полуциркульные ниши, вписанные в плане в полукруг восточного объема, обозначают жертвенник, горнее место и диаконник. В то же время с фасадной стороны они воспринимаются как трехчастная апсида.

Сохранившаяся живопись относится к 1911 г. Она выполнена в темперно-клеевой технике. Авторский красочный слой тонкий, мелится, наблюдается сильное шелушение [ил. 19]. Полностью утрачена роспись в скуфье купола, где ранее находилось изображение Пантократора, с окружавшей Его надписью. В барабане фрагментарно сохранился орнамент. Многочисленные утраты живописи на изображении евангелистов в парусах, изображении Спаса Эммануила и Престола уготованного на западной части свода. В алтаре — Богоматерь на троне с Младенцем Христом [ил. 20] и шесть медальонов с изображениями святых. Нижняя часть стен забелена известью на высоту до двух метров, под которой хорошо сохранился красочный слой. Обследование и дальнейшие проектные работы направлены на восстановление целостного облика уникального памятника.

В результате последних реставрационных работ, проведенных в Успенском соборе Смоленска, возникли проблемы, связанные с достижением целостности и композиционного единства интерьеров собора. Исследования, проведенные специалистами МНРХУ в феврале 2022 г., ставили задачу проанализировать существующее состояние монументальной живописи в интерьерах. Успенский собор в Смоленске возведен и расписан в 1740 г. Тогда возник пятиярусный резной иконостас. После обрушения центральной и западных глав собора в 1761 г., храм был перестроен архитектором П. Обуховым в стиле традиционного пятиглавия. В 1857 и 1858 гг. храм расписывают заново в академической манере.

В 1948–1951 гг. Смоленскими реставрационными мастерскими было проведено обследование собора, составлены обмерные чертежи, выполнены первоочередные реставрационные работы (арх. И.Д. Белогорцев). В 2015–2018 гг. различными подрядными организациями выполнялись работы по реставрации живописи Успенского собора и иконостаса.

На сегодняшний день в четверике собора сохранилась значительная часть росписей [ил. 21]. Орнаменты выполнены в подражании технике гризайль в первой половине XIX в. Обнаруживается и слой живописи XVIII в., видимо, рас-

крытый в какой-то из периодов реставрации. Например, масляная живопись в стиле барокко в скульптурных картушах в алтаре — композиция «Вознесение» [ил. 22]. По периметру храма встречаются поздние покраски зеленых, фиолетовых и голубых цветов. В ходе работ осуществлены многочисленные пробные раскрытия (зондажи) для оценки состояния монументальной живописи. Были проведены пробные работы по удалению поверхностных загрязнений, раскрытию авторской живописи, укреплению разрушенного красочного слоя и грунта.

В результате проведенных исследований было выявлено отсутствие надлежащего композиционного и стилистического единства в пространстве интерьера собора. Различные по своим цветовым решениям малярные покраски усиливают ощущение разобщенности художественной программы интерьера. Вопросы дальнейших перспектив сохранения существующих композиций сводятся к необходимости скорейшей реставрации. Требуется выработать единое цветовое решение для фоновых покрасок, ориентируясь на участки с наилучшей сохранностью авторской живописи на сводах хор. Планируемые работы предполагают подбор архивного материала, фотодокументов и аналогов.

С наступлением летнего сезона приближаются работы на объектах Новодевичьего монастыря, а также намечается ряд командировок для проведения научно-реставрационных работ в Новгород Великий, Псков, Полоцк и на другие объекты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Макарова Анна Львовна — кандидат искусствоведения. Межобластное научно-реставрационное художественное управление, Москва. makarova@mnrhu.ru

Полушкина Оксана Евгеньевна — магистр искусствоведения. Межобластное научно-реставрационное художественное управление, Москва. polushkina@mnrhu.ru

Калашников Владимир Борисович — искусствовед, Межобластное научно-реставрационное художественное управление, Москва. vbkalashnikov@edu.hse.ru

AUTHORS

Makarova, Anna-Maria — Ph.D., art historian, Interregional Agency for Scientific Restoration of Works of Art, Moscow. makarova@mnrhu.ru

Polushkina, Oksana Evgenievna — M.A., art historian, Interregional Agency for Scientific Restoration of Works of Art, Moscow. polushkina@mnrhu.ru

Kalashnikov, Vladimir Borisovich — art historian, Interregional Agency for Scientific Restoration of Works of Art, Moscow. vbkalashnikov@edu.hse.ru

М.А. Маханько

Век перемен: выставка древнерусской иконописи XVII века из собрания Константина Воронина. Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева 22 декабря 2021–21 февраля 2022

Выставка произведений из коллекции Константина Воронина в Музее Рублева проходит не впервые. Само название данной экспозиции, выбранное куратором выставки, Натальей Игнатьевной Комашко, красноречиво. Все произведения созданы в рамках одного столетия русской культуры — XVII в. С их помощью коллекционер и куратор продемонстрировали важнейшие особенности русской иконописи той эпохи — ее движение от местных региональных художественных и иконографических традиций к поискам новых образцов, к изменению художественного языка, а также разнообразие местных школ иконописания; изводов общехристианских и местных святых, праздников, личных покровителей; типологических вариантов икон — храмовые (из рядов иконостаса, в т.ч. двери), чиновые, подносные пядницы, складни. На выставке были представлены иконы из разных центров: Москвы, Новгорода, Севера, Костромы, Поволжья, Галича, Вологды. Пальма первенства среди представленных памятников принадлежит Ярославлю, с мастерами и святыми которого связано большое число памятников. Среди них и такие, которые демонстрируют еще одну характерную особенность русского иконописания того же столетия. Наряду с неутомимыми поисками нового — верность устоявшимся почитаемым образцам, прежде всего в иконографии, особенностях рисунка и общем художественном строе. Среди ярославских памятников наиболее ярким примером такого традиционализма, при этом высочайшего художественного (не только образного, но и технико-технологического) качества, стала икона конца XVII в. с фигурой лоратного (в византийских придворных одеждах, с лором) архангела Михаила. По всем особенностям композиции — небесная прозрачная сфера-зерцало с полуфигурой Христа Еммануила, статуарная поза архангела, симметричное построение, киноварно-красные цветовые акценты, господство круговых ритмов в декоративном наполнении одеяний — она восходит к одной из древнейших икон Ярославля того же извода конца XIII в. (ныне в ГТГ).

Для данного проекта были подобраны сто памятников. Это нумерологическое обстоятельство повлияло на воплощение задуманного. Потребовались две

ипостаси: целостное восприятие невозможно без подготовленного к выставке каталога, в котором получилось представить все сто произведений. В силу небольшого размера выставочного пространства, способного вместить лишь менее половины задуманного числа, в нем было решено представить наименее изученные произведения, недавно отреставрированные, важные для общего научного представления о русской иконописи XVII века. Среди ключевых произведений, не только в художественном понимании, но и в общекультурном, даже археологическом — такие произведения, как: подписная икона «Суббота всех святых» 1645 г. из Вологды, московская крупная икона с редчайшим образом молящейся Спасителю мученицы Христины первой трети XVII в., не раз выставлявшаяся и публиковавшаяся икона-двухрядица с образами новгородских почитаемых икон и святых, например святителей Иоанна, Моисия, Никиты, епископов Новгородских, преподобных Антония Римлянина и Михаила Клопского. Такие образы, как «Богоявление» и «Апостольские страдания» 1697 г., крупного размера, из иконостаса большого храма, стали предметом научной дискуссии. По стилю и цветовым характеристикам некоторые исследователи предлагают рассматривать их как произведения иконописного центра, сосредоточенного в Тихвине и связанного с Большим Тихвинским монастырем. Однако куратор придерживается мнения, что подобное искусство гораздо ближе епархиальному центру, которому принадлежал и собственно Тихвинский монастырь — Новгородской кафедре, ее архиерейскому дому. Среди показанных предметов много таких, чей провенанс вызывает огромный интерес и имеет историческое значение. Например, икона с трехфигурным Деисусом, вложенная в один из усадебных храмов главой старшей ветви семьи Строгановых в первой четверти XVII в., Максимом Яковлевичем, в Петропавловскую церковь в селе Слудке Ильинского района Пермского края, храма, известного по перестройке в камне по типу «тотемского барокко» в 1767 году, но в дереве стоявшего за полтора столетия на том же месте, на высоком мысу по берегу Камы; иконы из Деисусного чина, претерпевшего масштабную реставрацию в XIX в., возможно, принадлежавшего к убранству храма, связанного с именем А.А. Орловой-Чесменской. Интересны образы редких местных святых таких как прп. Андрей Каменский, в миру князь Андрей Дмитриевич Заозерский — на створке складня для иконы Богоматери Толгской (возвращен в Россию из Лондона). На выставке присутствуют иконы, связанные с правящей семьей государя. Например, приобретенная в Москве крупная храмовая икона третьей четверти XVII в. с фигурами стоящих в молении Святой Троице (Сопрестолие) святых, покровителей первой семьи царя Алексея Михайловича (попарно — пророки Илия и Иоанн Предтеча, и праведные Алексей, человек Божий, и Мария Египетская). Можно назвать и частично сохранившийся складень-кузов, служащий вместилищем для напрестольного креста с Распятием 1686 г. московской работы, который был вложен царевной Софией Алексеевной в Спасо-Ренскую пустынь, древний монастырь в тверских землях, в окрестностях Весьегонска. Можно уверенно констатировать, что задача, поставленная организаторами выставки и проекта в целом, — показать

примеры разных русских иконописных школ как очевидные свидетельства процесса изменений, переход от принципов древнего искусства к различным художественным компромиссам с образными методами более южного (малороссийского) или более западного (европейского) искусства при сохранении традиционных основ и иконографий — удалась и составила особую веху для отечественной медиевистики.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Маханько Мария Александровна — ЦНЦ «Православная энциклопедия», ЦМиАР, Москва. mariyamakhanko@yandex.ru

AUTHOR

Makhan'ko, Mariia Aleksandrovna — Ecclesiastical Research Center "Orthodox Encyclopedia", Museum of Andrey Rublev, Moscow. mariyamakhanko@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

Г.П. Геров

Маргарита Куюмджиева. Ликът на Бога. Изображенията на Света Троица в православното изкуство. София: Институт за изследване на изкуствата БАН, 2020. ISBN 978-954-8594-94-3

Как изображать Бога? У христиан этот вопрос вызывал живой интерес с самого начала, поскольку касался визуализации того, что выходит за рамки изобразительной традиции и касается самой сути христианского мышления. Для размышления над тем, как решался этот вопрос в Средние века, искусствоведческих методов явно недостаточно, необходимо углубиться в области, подвластные другим наукам, в особенности тем, что изучают характерный для средневекового христианина тип мышления — богословие, литургику, литературу, антропологию. В различные эпохи представление о Боге менялось, а параллельно менялись и художественные решения. Кажется, именно в том, чтобы уяснить вызванные этими переменами многообразные художественные воплощения, и состоит главная цель предпринятого Маргаритой Куюмджиевой монографического исследования. Во Введении автор ее конкретизирует: «Данная книга является попыткой понять, что именно представляет собой образ Бога эпохи болгарского национального возрождения (XVIII–XIX вв. — Г.Г.), через предысторию его формирования, чтобы приблизиться к тому, что мы унаследовали на протяжении веков как идею о Боге и что нашло визуальное выражение в искусстве».

Чувство меры особенно важно, когда речь идет о столь глобальном объекте исследования. С одной стороны, необходимо отразить все главные моменты, связанные с данной темой, с другой — почти все в сакрализованном средневековом искусстве так или иначе пронизано идеей связи с Божественным. Изображая детально отдельные деревья, нетрудно потерять представление о целом лесе. По этой причине внимание автора сосредотачивается на том, как догмат о Троице обретает зримый образ. Собирая воедино троичные иконографические типы, автор монографии ставит задачу последовательно выстроить представление о том, как возникали различные изображения Троице Божия, как менялись с течением времени и какими смыслами нагружались в той среде, которая их воспроизводила. Отслеживание изменений изобразительных форм неизбежно ведет к расширению хронологических и территориальных границ. Исследование основано на изучении произведений

XI–XVII вв., включая болгарские памятники XIII–XVII столетий. Преимущественно рассматриваются образцы балканской, русской и западноевропейской монументальной живописи, а также — артефакты миниатюры и иконописи этих регионов.

В начале монографии М. Куюмджиева рассуждает об основном догмате христианства — о триединстве лиц Божественной Троицы. Отдавая себе отчет о трудностях, возникающих при его объяснении, автор отмечает, что его различные аспекты не могут быть адекватно выражены одной изобразительной формулой. Православное мышление о Боге — своего рода оксюморон. Бог один, но в трех лицах; нет отдельного и независимого индивидуального действия какого-либо из Лиц Троицы; они существуют не только неразрывно, но и вечно; их сущность одна и та же, но их ипостаси индивидуальны... Цепь противоположностей может быть продолжена. И они становятся особенно очевидными именно в сфере изобразительного искусства. В каком зримом образе передать, например, идею о Боге-Отце? По определению, Он непостижим. Его невозможно узнать рациональным путем. Передать зримым образом Его сущность тоже невозможно.

М. Куюмджиева придерживается мнения, что средневековые богословы Запада стремились в первую очередь подчеркнуть Божественную простоту (т.е. единство ипостасей); в православной же традиции акцент делается на сложности межипостасных отношений. Исследование показывает извилистый путь, по которому идет православная живопись, когда ей приходится воплощать идею о Триедином Боге. Первоначально существовали два способа. Первый — когда Бог являет Себя через образа Иисуса Христа, единственно воплотившееся Лицо. В данном случае, однако, акцент делается на Втором Лице; идея о троичности Бога остается расплывчатой. Изобразительное искусство раннего Средневековья знало и другое решение. В нем нередко в качестве иллюстрации Троицы используется одно ветхозаветное событие — Гостеприимство Авраама. М. Куюмджиева описывает, как постепенно формируется эта идея: в катакомбах Виа Латина представлена встреча Авраама с тремя таинственными мужами, которые в позднейшей традиции воспринимаются как Лица Троицы. В сцене незнакомцы даже не имеют нимбов, т.е. не представлены как святые персонажи. В более поздних памятниках (Санта-Мария Маджоре, Сан-Витале), они, уже с нимбами, восседают вокруг стола под Мамврийским дубом, но иконографические детали не помогают определить, кто есть кто. В базилике Санта-Мария Маджоре представлен и эпизод с встречающим их Авраамом. Центральный персонаж изображен в сиянии, тогда как два других его не имеют. Этим отображена идея встречи Авраамом не просто трех незнакомцев, а Господа в сопровождении двух главных небесных сил. После иконоборчества персонажи изображаются как ангелы — с крыльями, а сцена нередко именуется не «Авраамово гостеприимство», а «Св. Троица (Αγία Τριάς)». Даже в этих случаях, однако, проблема с идентификацией Лиц Троицы остается нерешенной. Как правило, отдельные детали (одежда; фоновое заполнение; благословляющие жесты) отличают ангелов друг от друга. Это

не означает, однако, что зритель может однозначно определить, какое именно Лицо Троицы олицетворяет каждый из ангелов. Чаще это можно сделать для Второго Лица: как правило, только ангел, через которого представлен Сын, увенчан крестчатым нимбом. В других случаях, однако, нимб бывает не выделен, или наоборот — все три нимба крестчатые. В «Гостеприимстве Авраама» столь важное для православного мышления представление о существовании межипостасных различий остается не до конца выявленным.

Если в доиконоборческую эпоху были достаточны указанные выше варианты изображения Троицы, то позднее ситуация меняется. Возникает несколько иконографических типов: одни представляют собой новую интерпретацию уже известных моделей; другие являются результатом возникновения новых изобразительных формул.

Часть монографии посвящена рассмотрению различных типов образа Триединого Бога, расположенных в порядке их возникновения. Прежде всех появляется образ «Ветхого Деньми». Благодаря ему становится возможно передать в зримых очертаниях то, что раньше было невозможно воплотить: а именно, идею о безначальности Бога. М. Куюмджиева не довольствуется анализом смысла образа и этапов развития иконографии. Более важно другое — показать, как «Ветхий Деньми» все больше «эмансипируется» от Второго Лица Троицы (т.е. От Сына), для того чтобы быть использованным в качестве образа Отца. В этом месте уместно процитировать отрывок, который представляется особенно значимым: «Соотнесение... Ветхого Деньми и с Отцом, и с Сыном, т.е. вообще с Господом, согласуется с византийским учением об именах Бога. Так, Псевдо-Дионисий Ареопагит не занимается вопросом, кто именно стоит за образом Ветхого Деньми, а довольствуется объяснением, что означает это имя, когда применяется к Триединому Богу: «Господь называется Ветхим Деньми, потому что Он есть вечность и время для всего сущего... и потому что Он есть причина вечности, времени и дней» (с. 49). Эта «эмансипация» доведена до своего логического конца в XVIII–XIX вв. Образ седовласого старца в белых одеждах, ранее обозначенного нейтральным именованием «Ветхий Деньми», уже недвусмысленно ассоциируется с Богом-Отцом и обозначается как «Саваоф».

Следующий раздел монографии рассматривает использование изображений «Ветхого Деньми» как образа Отца в таких видах тринитарной иконографии, как «Отечество» (в нескольких иконографических вариантах в зависимости от возраста Христа и места, где написан Святой Дух) и «Сопрестолія». В них Лица Троицы ясно определены; ведущей является идея о межипостасных различиях. Следует, однако, отметить, что между двумя вышеупомянутыми видами тринитарной иконографии существуют не только иконографические, но и смысловые различия. Через «Отечество» проиллюстрировано представление о «перихоресисе», т.е. о нераздельном целом; о «совершенной любви и совершенном единстве «энергий» трех ипостасей, без всякого смешения и слияния». Ведущим в «Сопрестоліи» является идея единства власти Божественной Троицы над Универсом. И если эти два вида

тринитарной иконографии иллюстрируют достаточно хорошо идею о существовании межипостасных различий, то они оставляют на втором плане идею о единстве трех Лиц.

В церкви Св. Георгия (Оморфоклисия) возле Кастории (последняя четверть XIII в.) представлено трехголовое существо, одна из голов которого имеет черты седобородого старца, вторая — Младенца, третья — Голубя. Может показаться, что этот странный образ решает проблему — через видимые формы переданы как единство трех Лиц Троицы, так и различие их ипостасей. Однако эта иконографическая формула настолько радикальна, что остается единичным случаем. Иконографически ближе всего к ней находится трехглавая фигура, обозначающая Бога, в миниатюре из рукописи Ptolemy Marc. gr. Z. 516 (904) библиотеки Марчианы. Однако даже там «радикализм» смягчается — головы Младенца и Голубя заменены двумя юношескими (ангельскими?) головами. В миниатюре довольно странным образом нашло отражение раннехристианское представление о том, что Бог явился Аврааму в сопровождении двух небесных сил. Три ветхозаветных странника объединены живописцем XIV в. в единый образ Троичного Бога. Сопутствующая надпись — *Ὁ καθήμενος ἐν δόξῃ ἐπὶ θρόνου Θεότητος*, указывает, что Он восседает во славе на Божественном престоле.

Желание передать зримыми формами идею, что «Бог есть три в одном», было, видимо, настолько велико, что православная иконография выработала формулу изображения трехликой/трехглавой фигуры, имеющей только одно тело. Сохранилось и стремление выразить через него некие божественные качества. В XIII–XVI вв. через эту необычную фигуру (обычно изображаемую в виде ангела) делается попытка представить Божественную Премудрость (церковь Богородицы Перивлепты в Охриде, Хиландар, Зарзма, Роженский монастырь). В других случаях изображается небесное видение (Матейче, Валсамонеро, миниатюра в рукописи Ptolemy Marc. gr. Z. 516 (904) из библиотеки Марчианы). В некоторых поздних памятниках фигурирует существо, имеющее три лика Христа. Они, как и крестный ореол и/или подпись *ΙΣ ΧΣ*, связывают его со Вторым Лицом Троицы. Многочисленные варианты, которые мы вряд ли где-то увидим полностью повторенными, показывают трудности, которые испытывали живописцы, решившие включить это трехликое/трехголовое изображение в свои произведения. Поиски наиболее подходящей иконографической формулы для выражения идеи «Бог есть три в одном» остаются безрезультатными. В XVIII в. такие изображения были запрещены Святейшим Синодом России.

Одна поздно появившаяся иконографическая формула, «Распятие в лоне Отчем», связана с проблемами иного рода. В болгарском искусстве эта формула применена лишь однажды — на фресках XVII в. в нефе церкви Рождества Христова в Арбанаси. Особенности изображения свидетельствуют о том, что оно было создано под русским влиянием. Изначально, однако, в русском искусстве «Распятие в лоне Отчем» являлось деталью более развернутой композиции, главной темой которой — Божественное домостроительство. В Ар-

банаси контекст иной. М. Куюмджиева приходит к выводу, что «сцена в нефе церкви Арбанаси определенно не связана с тенденциями развития русской живописи XVII в., а является отголоском достижений русских живописцев середины XVI столетия», и допускает возможность повторения фресками XVII в. первоначального слоя конца XVI в., сожалея, однако, что эта гипотеза не может быть проверена.

Завершая свою рецензию, хочу отметить еще несколько моментов. Важным качеством книги является ненавязчивый строй умозаключений и тактичные интонации рассуждений, создающие ощущение коллегиальной беседы с читателем. Выстраивая свою аргументацию, автор направляет читателя к собственным размышлениям. Именно этим я и занимаюсь в данный момент, пользуясь, разумеется, информацией, полученной из книги. А она хорошо иллюстрирована. Здесь уместно поздравить авторов макета, чьи заслуги в появлении достойно оформленного издания не должны остаться не отмеченными.

Следует также обратить внимание, что в настоящее время «Лик Бога» занимает особое место в болгарской литературе о средневековом искусстве. Эта монография, строго говоря, не об отдельном памятнике или группе памятников, так же как не посвящена она и искусству определенного периода. Такой монографии нет близких аналогов в мировой литературе, но не потому, что вопросы, лежащие в основе книги, не обсуждались, а из-за того места, какое занимает в ней поствизантийское искусство. М. Куюмджиева показывает, что проблемы, возникающие при изображении Бога, не являются чем-то обретшим форму когда-то раз и навсегда. Они являются результатом традиции, которая живет и поныне.

Книга издана в 2020 г. Автор указывает, что библиография в ней доходит до 2016 г., что, конечно, следует иметь в виду, но что, однако, не является принципиальным недостатком. Все развивается; наука тоже. Стареют не только люди, но и книги. Важно то, что они несут печать своего времени. На примере изображения Бога в искусстве восточнохристианского мира монография показывает, как различные эпохи не перестают рождать новые традиции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Геров Георгий Петрович — старший научный сотрудник Новгородского музея-заповедника, доктор искусствоведения. gpgerov@yahoo.com

AUTHOR

Gerov Georgii Petrovich — senior research associate, Novgorod State Museum-Reserve. gpgerov@yahoo.com

Рецензия на книгу Т.М. Кольцовой «Церковная живопись Архангельской губернии второй половины XVIII — начала XX века»

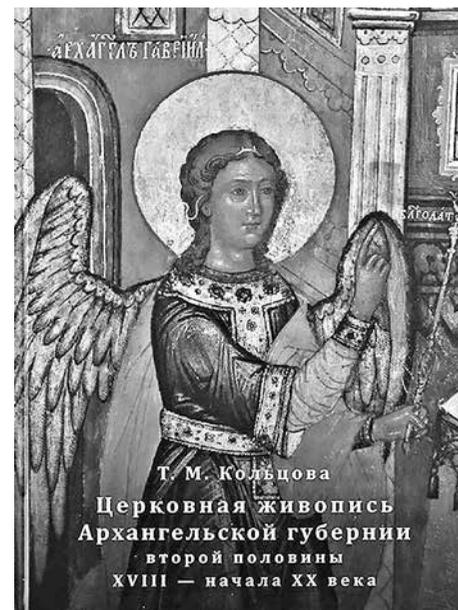
Татьяна Михайловна Кольцова — давно признанный и на сегодняшний день, пожалуй, единственный специалист по истории живописи и иконописи Русского Севера. Романтический флер увлечения северными письмами в 1960–1990 гг. ушел в прошлое и стал ныне историческим этапом в изучении северного искусства. Тогда же сформировались и первые государственные коллекции северных писем в Москве, Петербурге и Архангельске. Оглядываясь на минувший XX в., мы можем констатировать как успехи, так и пробы в изучении художественного наследия Русского Севера. Новая работа Т.М. Кольцовой отчасти закрывает наименее известную страницу северного иконописания.

Архангельская губерния — родина великого русского ученого М.В. Ломоносова, и было бы непростительно не поддержать большую науку в этом регионе. Можно даже отвлечься от разного рода культурных начинаний XIX в. и прямо перейти к советскому периоду архангельской науки. В 1928 г. увидела свет небольшая, но насыщенная конкретным материалом книга местного краеведа А.Н. Попова «Город Архангельск: история, культура, экономика». Она является отправной точкой для изучения архангельского севера, которое шло по нарастающей и получило совершенно новое качество в исследованиях Т.М. Кольцовой. История искусства на Русском Севере — это прежде всего фундаментальные книги, статьи, каталоги и выставки, автором и участником которых является Т.М. Кольцова.

Каждая из глав ее новой книги содержит новые факты или формулирует новый взгляд на устоявшиеся стереотипы. Такова глава, в которой дан краткий анализ влияния государственно-церковных установлений и распоряжений, идущих из столичных департаментов и регулирующих церковную жизнь от архиереев до последнего дьячка и пономаря сельских храмов. В конечном счете правительственные разрешения или запрещения имели двойное значение для местного искусства: они закрывали путь неисконным иконам, и они же задерживали художественный рост местных живописцев и иконописцев.

Привлекательная черта новой работы Т.М. Кольцовой — конкретика каждой новой, пусть иногда и краткой главы общего очерка. Всего лишь пять с небольшим страниц посвящены автором академическим образцам для провинциальных художников, но эта важная во всех отношениях тема раскрыта автором в ее полном объеме.

Архангельская губерния, а потом и одноименная область своими огромными масштабами превосходит многие европейские страны, а в Российской империи она занимала первое место по размерам территории и одно из по-

ил.1 Обложка книги Т.М. Кольцовой «Церковная живопись Архангельской губернии второй половины XVIII — начала XX века»

fig.1 The cover of the book "Church Painting of the Arkhangelsk Province of the Second Half of the 18th — early 20th centuries" by T.M. Koltsova

следних мест по плотности населения. Немногие местные города не имели градообразующего значения, как это характерно для средней, южной и западной России. Но существовали крупные монастыри (Соловецкий, Михаило-Архангельский, Кожезерский, Крестный Кийский, Веркольский), прямо либо косвенно влиявшие на культуру близлежащих уездов. И все же главной движущей силой этого процесса было крестьянское население, густо сосредоточенное по берегам крупных рек: Северной Двины, Онеги, Пинеги, Ваги и Мезени. На старинных географических картах северной России насчитываются многие сотни сел и деревень, которыми усеяны судоходные реки Архангельской губернии. Они сохраняли традиционный, веками слагавшийся уклад жизни и деревенское бытовое изобразительное искусство. Можно по-разному ценить традиционный характер такой культуры, но она несомненно преобладала над культурой города. И все же, как считает Т.М. Кольцова, точно возникали и ростки нового профессионального языка местного искусства. И такое явление падает как раз на XVIII в., а в XIX в. оно постепенно сдает свои позиции и уступает место крестьянскому влиянию.

Т.М. Кольцова — мастер архивных изысканий, откуда она извлекает совсем новые имена, мастерские, единичные или коллективные произведения. Открытием такого рода была личность архангельского иконописца Богданова-Горбатовского, с именем которого удалось связать украшение многих храмов в губернии.

Если в прежнее время вопрос о монастырских мастерских живописи решался в основном отрицательно, в том смысле что они отнюдь не играли решающей роли в художественном процессе, то у Т.М. Кольцовой

в исследовании иконописи XVIII и XIX вв. монастырские мастерские приобретают совсем другое содержание. Это прежде всего иконописная палата Соловецкого монастыря, воспитавшая немало хороших художников, которым поручались крупные работы по наполнению собственно соловецких храмов и массовое изготовление «раздаточных» образов. Не без основания, Т.М. Кольцова предполагала, а затем и доказала, что все новейшие стилистические новшества усваивались соловецкими, и вообще архангельскими иконописцами в петербургских живописных мастерских.

Изучение архангельского иконописного промысла осложняется массовым привозом икон из других художественных центров, прежде всего из Холуя, Мстеры и Палеха, наводнивших своей продукцией Архангельскую губернию в последнюю четверть XIX и начале XX в. Такая ситуация подробно обрисована Т.М. Кольцовой в специальной обширной главе, а позже аналогичное воздействие на архангельское искусство прослежено автором и вологодских художественных мастерских, известных еще с XIV–XV вв.

Так как Т.М. Кольцова ставила своей задачей выяснение художественного значения Архангельска в общей истории искусства Русского Севера, она не упустила ни одной сколько-либо заметной характерной черты этого искусства. Так образовались в ее исследовании специальные главы «Резные иконостасы», «Монументальные росписи» и «Художественная литография в Архангельске». Русский Север дал русскому искусству такую своеобразную тему, как расписные «небеса», перекрывающие пространство храма от пространства шатра. Т.М. Кольцова посвятила несколько своих работ названным «небесам», проследила их зарождение, расцвет и затухание. Она намного увеличила их число, что потребовало ряда экспедиций по городам и весям Архангельской области. Немногие стенные росписи в Архангельской губернии не идут в сравнение по своей художественности с расписными «небесами». Т.М. Кольцова ввела в Историю русского искусства дотолемало известное художественное наследие Русского Севера. Столь же неизученную страницу имели резные иконостасы XVIII–XIX вв., вытеснившие более ранние тябловые иконостасы и давшие целый ряд мастеров резных дел. В этом плане немало чудесных произведений найдено в Каргополе и Кенозерском заповеднике. Нам представляется, что Т.М. Кольцова — первооткрыватель новых памятников, новых имен мастеров и новых стилистических явлений в искусстве не только Архангельского края, но и всего Русского Севера.

Привлекательной особенностью книги Т.М. Кольцовой являются аннотированные указатели: топографический, два именных и тематический. Указатели насыщены конкретным материалом и свидетельствуют о зрелости и ответственности Т.М. Кольцовой как ведущего российского исследователя искусства Русского Севера. Обращаю внимание, что в подавляющем большинстве многих научных книг, выпускаемых в наше время, указатели либо совсем отсутствуют, либо имеют чисто формальный характер и не раскрывают содержание той или иной работы. Вообще Татьяна Михайловна Кольцова отличается замечательным свойством дать в краткой и хорошо написанной

работе немало новых идей. Ее книга, как мы думаем, закрывает малоисследованную до сих пор тему живописи и культуры Русского Севера.

Вызывает недоумение, что книга выпущена Институтом искусствознания в Москве, тогда как она была подготовлена и написана в Архангельском музее изобразительных искусств. Архангельский музей и Москва должны быть на равных представлены в этой замечательной публикации.

Недавняя масштабная выставка «Каргопольская икона» Российской академии художеств (в 2020 году) еще раз показала, что Архангельское музейное объединение «Художественная культура Русского Севера» на многие десятилетия определит роль Архангельска в истории русского искусства.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Вздоров Герольд Иванович — член-корреспондент Российской Академии наук, почетный академик Российской Академии художеств.

AUTHOR

Vzdornov, Gerol'd Ivanovich — Russian Academy of Arts, Honorary Member.

М.А. Маханько

Подвиг служения. К 75-летию архимандрита Макария (Веретенникова), церковного историка, богослова.
Конференция 19 ноября 2021 года, Троице-Сергиева лавра

В здании Новых Торговых рядов на Красногорской площади Сергиева Посада 19 ноября 2021 г. прошло чествование архимандрита Макария (Веретенникова), насельника Троице-Сергиевой лавры, церковного ученого, историка и богослова, профессора Московской духовной академии, члена Синодальной литургической комиссии, научно-редакционного совета «Православной энциклопедии», Экспертного совета по Макариевским премиям. Инициатива проведения была поддержана самой лаврой, МДА, а также лауреатами Макариевской премии разных лет, коллегами и духовными детьми юбиляра. Помимо торжественной части с награждением отца Макария от лица патриарха и правящего архиерея, поздравительных речей насельников и гостей монастыря, среди которых присутствовали друзья и коллеги юбиляра по работе в церковных организациях о. Сергей Правдолюбов, директор ЦНЦ «Православная энциклопедия» С.Л. Кравец, были также изложены поздравления от лица руководства тех музеев, с которыми у юбиляра сложились наиболее плодотворные отношения: от А.С. Петрухно, директора музея-заповедника «Александровская слобода»; от С.В. Николаевой, зам. генерального директора по научной работе Сергиево-Посадского музея-заповедника; от Г.К. Щуцкой, директора музея «Палаты бояр Романовых»; от С.В. Мокровой, зав. Калязинским краеведческим музеем им. И.Ф. Никольского; от Л.С. Кертановой, председателя оргкомитета Макариевских чтений в Можайске.

Научная часть имела вид конференции, где с пленарным докладом выступал сам отец Макарий, посвятив его главному герою своего научного творчества и личному небесному покровителю, святителю Макарию, митрополиту Московскому. Были доклады, которые непосредственно касались личности и эпохи святителя Макария, например, М.А. Маханько (ЦНЦ «Православная энциклопедия») о небесных покровителях свт. Макария в изобразительном искусстве Московской Руси XVI в., как бесспорных, так и предполагаемых. Ведущими филологами-медиевистами, историками древнерусской книжности и словесности были предоставлены доклады: Г.М. Зеленской (ГБУК МО «Музей „Новый Иерусалим“», Истра) — о почитании патриарха Никона

архимандритом Леонидом (Кавелиным); М.И. Чернышевой (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) — о формировании «иеронимии» в древней славяно-русской письменности; Л.И. Журовой (Институт истории СО РАН, Новосибирск) — об утешительных посланиях в рукописном наследии Митрополита Даниила и преподобного Максима Грека; Л.П. Медведевой (Издательский отдел РПЦ, Москва) — о рукописях святителя Киприана; Г.К. Щуцкой — об атрибуции портретов первых Романовых; С.В. Мокровой — о краеведческом аспекте трудов юбиляра; Т.А. Исаченко (ФГБУ «Российская государственная библиотека», Москва) — о двух Анастасиях в царствующих династиях России, к вопросу о тезоименитстве первой русской царицы и великой княжны-мученицы. Материалы докладов и приветственных слов были опубликованы в осеннем 4-м номере (октябрь — декабрь) за 2021 г. научно-информационного журнала «Культурное наследие России». Кроме статей по докладом 19 ноября опубликованы также сообщения: С.К. Севастьяновой, (Сибирский Исследовательский Университет, Новосибирск) об исследованиях архимандрита Леонида (Кавелина) по вопросу почитания преподобного Елеазара Анзерского в Козельске, и Т.А. Исаченко и М.Ю. Нещерет о русской эмиграции первой волны по письмам и воспоминаниям русских офицеров.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Маханько Мария Александровна — ЦНЦ «Православная энциклопедия», ЦМиАР, Москва.

AUTHOR

Makhan'ko, Mariia Aleksandrovna — Ecclesiastical Research Center "Orthodox Encyclopedia", Museum of Andrey Rublev, Moscow. mariyamakhanko@yandex.ru

М.А. Маханько

Международная научно-практическая конференция
«Чудотворный Казанский образ Богородицы в судьбах
России и мировой цивилизации» 18–20 июля 2021 года

В 2021 г. накануне церковного празднования в честь обретения Явленного чудотворного образа Божией Матери, в столице Республики Татарстан прошла международная научно-практическая конференция. Время для нее было выбрано не случайно. В самый праздник 21 июля 2021 г. состоялось освящение монастырского собора казанского Богородицкого монастыря, воссозданного по проекту архитектора И.Е. Старова. Собор был заложен на старом основании,

на выявленных в результате археологических работ фундаментах первоначального здания, освященного в 1807 г.

К этому событию и была приурочена конференция 2021 г. с участием большого числа ученых различных гуманитарных специальностей, сыгравшая важную роль в культурной и научной жизни региона. Она явилась продолжением череды подобных мероприятий, которые стали проходить с 21 июля 2016 г.

Как и предыдущие, последняя конференция включала отдельную секцию «Казанский образ Богородицы в произведениях искусства и памятниках архитектуры», в которой принимали участие сотрудники музеев и историки искусства из Казани, Москвы, Санкт-Петербурга. В насыщенной программе секции были представлены доклады, связанные с иконографией, историей, почитанием Казанской иконы, посвященными ей престолом и храмами. Несколько докладов было связано с художественным убранством возрожденного собора Казанского Богородицкого монастыря: С.Г. Персовой, директора Центра архитектурно-реставрационных исследований (Казань) об исследованиях и реставрации собора; Н.В. Бартельс, старшего научного сотрудника НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ (Москва), о составе икон в иконостасах собора Казанской иконы Божией Матери Казанского Богородицкого монастыря в связи с вопросом о программах ампирических иконостасов; совместный доклад сотрудников ГМИИ РТ В.В. Немтиновой и А.А. Калиной (Казань) об иконографических источниках стенописи и икон в интерьере возрожденного собора. Истории такого необычного для монументальной живописи извода как «Суббота всех святых» в росписи Богородицкого собора коснулась в своем докладе ведущий научный сотрудник ГРМ И.А. Шалина (Санкт-Петербург).

Серия докладов была посвящена самой явленной иконе, ее прямым спискам, повторениям. Доклад о некоторых подписных и датированных иконах Богородицы Казанской XVII–XVIII вв. был сделан Н.Н. Чугреевой, сотрудником ЦМиАР (Москва), одним из ведущих специалистов по истории и иконографии Казанской иконы Божией Матери. Отметим, что подарком для всех участников конференции, в том числе и других секций, стало двухтомное издание статей и публикаций Н.Н. Чугреевой, посвященных Казанской иконе.

Святыне Казанского Богородицкого монастыря, внешней серебряной раме одного из окладов явленной Казанской иконы, находящейся ныне в собрании Национального музея Республики Татарстан был посвящен доклад Л.О. Салиховой, сотрудника НМРТ (Казань). Важному не только для регионального музееведения, но и для всей научной и музейной общественности, вопросу был посвящен доклад В.Н. Алиной из НМРТ (Казань), в котором затрагивалась проблематика средневекового копирования, в том числе времен царей Ивана Грозного и Бориса Годунова «Типология ликов Казанской иконы Божией Матери на примере иконы Казанской Божией Матери из собрания ГМИИ РТ (XVI в.) и пелены иконы Казанской Божией Матери (НМ РТ) 1580–1590 гг.». Результаты технико-технологического анализа одного из почитаемых

местных списков Казанской иконы, а точнее — рамы с клеймами праздников для списка «Богородица Казанская с праздниками», находящейся на свияжском подворье Троице-Сергиева монастыря (ныне в ГМИИРТ), были представлены в совместном докладе Е.Ф. Шайхутдиновой, заведующей Музеем археологии РТ Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Б.И. Гареева (НИЦ «ГеоЛаб» КФУ), Р.Р. Садыкова, заведующего отделом реставрации темперной живописи ГМИИРТ (Казань).

Доклады, посвященные определенным периодам развития отечественного искусства, например Петровской эпохе, содержали важную для изучения казанской иконы информацию: О.Р. Хромова (Москва) об иконографии Богородицы в ранней русской гравюре; А.И. Алексеева, зав. отделом рукописей РНБ (Санкт-Петербург) об образе Казанской Богородицы «в нарративе Петровской эпохи». К произведению книжной графики, необходимому для правильного понимания русского церковного искусства XVII–XVIII в., Библии Пискарева, точнее его экземплярам в собрании Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета обратилась Э.И. Амерханова, зав. отделом рукописей и редких книг НБ КФУ (Казань). Научными трудами заявила о себе новая региональная институция, частный Музей Казанской Иконы с докладом Т.Р. Валиуллина (Казань), основанным на введенных в научный оборот неизвестных до того произведениях из живописной школы-мастерской Казанского Богородицкого женского монастыря. К одному из произведений, находящемуся ныне в частном казанском собрании, списку Казанской иконы Божией Матери в чудесах и в окладе около 1848 г., точнее — его особенностям как иконы с деяниями и чудесами, привлекла внимание М.А. Маханько, сотрудник Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» (Москва).

Региональных аспектов истории и почитания Казанской иконы и других иконных и архитектурных древностей Казани коснулись в своих докладах: Е.И. Карташева, зам. директора по науке Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Остров-град Свияжск» (Казань), «Почитание Казанской иконы Пресвятой Богородицы и других образов Божией Матери у старообрядцев Казани и Казанской губернии»; Е.П. Ключевская, сотрудник ГМИИРТ (Казань), «Сказание о резных образах св. Николая Чудотворца в селе Остолопово Лаишевского уезда и о Чебоксарах» по неопубликованной рукописи В.К. Магницкого. К 180-летию со дня рождения ученого; А.Ф. Степанов, историк-архивист (Казань), «Трудный опыт обретений и утрат: учет памятников истории и архитектуры г. Казани и Татарской АССР в первые советские годы».

Ряд докладов был посвящен спискам из различных музейных коллекций, выполненным в различных техниках. К памятникам декоративно-прикладного искусства из собрания ЦМиАР и частных собраний Москвы обратилась С.В. Гнутова, зав. научно-исследовательским отделом ЦМиАР (Москва). В совместном докладе сотрудников ГИМ Л.П. Тарасенко и Я.Э. Зелениной (Москва) речь шла об обширной теме «Иконы и прорисы с образом Богородицы

Казанской из собрания Исторического музея». Спискам Казанской иконы в собрании Государственной Третьяковской галереи было посвящено сообщение Т.Е. Самойловой, сотрудника ГТГ (Москва). Памятники Казанского извода в собрании музея «Новый Иерусалим» были рассмотрены Н.А. Мерзлютиной, сотрудником Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим» (Москва). О.В. Ключанова, сотрудник ГРМ (Санкт-Петербург), обратилась к произведениям шитья с образом Богородицы Казанской в собрании ГРМ. Атрибуции двух древнерусских предметов иконографии святителя Николая в технике каменной пластики из собрания ГМИИРПТ был посвящен доклад И.А. Стерлиговой, сотрудника Государственного института искусствознания (Москва).

Одним из активно развивающихся направлений в современной науке о церковном искусстве становится искусство фотографии или светописа, перешагнувшее первое столетие своего присутствия в России и русской культуре, судя по докладам Н.В. Пименовой-Ромашовой, сотрудника ГНИМА им. А.В. Щусева (Москва): «Казанский Богородицкий монастырь в фотографиях из собрания Государственного музея архитектуры им. А.В. Щусева» и И.А. Панченко из ГРМ (Санкт-Петербург), посвященным фотографическим видам тех храмов Российской империи, которые были освящены во имя Казанского образа Богородицы.

Важно, что связанные с историей искусства, в том числе средневекового, темы были подняты и в докладах на заседаниях других секций. В работе первой секции «Духовные аспекты явления и почитания чудотворного Казанского образа Божией Матери во граде Казани: История и современность» были озвучены доклады иерея В.Е. Варнашова, преподавателя Казанской православной духовной семинарии (Казань), о библейских аллюзиях в богослужебных текстах, посвященных Казанской иконе Божией Матери; А.Ю. Чернышовой, профессора Казанской ДС (Казань), о лингвокультурологической специфике Сказаний о чудесах Казанской иконы Божией Матери. В первой подсекции второй секции «Развитие православия на территории Республики Татарстан в контексте культурно-исторического значения Казанской иконы Божией Матери и Казанского Богородицкого монастыря для России и мировой цивилизации: от прошлого к современности» — сообщения: П.И. Гайдено, профессора Московского гос. лингвистического университета (Москва) о женских монастырях в домонгольской Руси, особенностях их жизни и внутренней организации; А.А. Никитина, студента КФУ и сотрудника НМРТ (Казань), на тему изучения византийского христианства в Казани 1880–1920-х гг. на примере двух персоналий: Н.Ф. Красносельцева и Ф.А. Курганова.

В докладах второй подсекции той же секции («Православие и межрелигиозный диалог в РТ в контексте нравственно-педагогического и психологического значения Казанской иконы Божией Матери для России и мировой цивилизации») Л.А. Сыченкова, преподаватель КФУ (Казань), обратилась к казанскому периоду творчества Д.В. Айналова, к изучаемым им проблемам христианского искусства и иконографии; Е.А. Цветков, преподаватель Казанского

национального исследовательского технологического университета и КДС (Казань), обратился к личности царя Ивана IV Грозного как адресата первого списка Казанского образа Божией Матери; Р.А. Сулова, преподаватель КДС (Казань), рассмотрела тему отражения ветхозаветных пророчеств в Богородичной иконографии.

Важность и новизна представленных докладов конференции была по достоинству оценена слушателями.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Маханько Мария Александровна — ЦНЦ «Православная энциклопедия», ЦМиАР, Москва.

AUTHOR

Makhan'ko, Mariia Aleksandrovna — Ecclesiastical Research Center "Orthodox Encyclopedia", Museum of Andrey Rublev, Moscow. mariyamakhanko@yandex.ru

А.В. Яганов, Е.И. Рузаева

Иоаннисян О.М. Вновь о древнейших храмах Спасского монастыря в Ярославле // *Дворец: К 90-летию Энгелины Сергеевны Смирновой: сб. ст. / Отв. ред. М.А. Орлова. Государственный институт искусствознания, 2022. С. 152–163*

Предлагаемой читателю статьей мы продолжаем полемику о ранних этапах строительной истории ансамбля Спасского монастыря в Ярославле, отправной точкой для которой стала публикация О.М. Иоаннисяном результатов проведенных здесь архитектурно-археологических исследований [Иоаннисян, 1997]. Основной задачей полевых работ 1982–1986 гг. Ярославского отряда Архитектурно-археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Государственного Эрмитажа¹ была локализация и изучение упомянутого в летописях памятника — каменного Спасского собора, заложенного в 1216 г. ростовским князем Константином Всеволодовичем.

О.М. Иоаннисян разработал концептуальные положения истории строительства и этапов строительной истории этого здания начала XIII в., которые, по его мнению, «получили признание в науке» [Иоаннисян, 2022. С. 152]². Суть их состоит в том, что при раскопках Спасского храма 1216 г. археологами был выявлен еще один объект — доселе неизвестная Входиерусалимская церковь 1218 г. Оба памятника, по мнению автора, составили оригинальную архитектурную композицию с необычной конструктивной особенностью — «общей стеной» для обоих зданий. Сложностью и нелогичностью этих построений вызван наш интерес к ярославскому Спасу.

Отправной точкой для нашей работы стало обращение к письменным источникам о Спасской церкви 1216 г. и анализ степени их достоверности. В 2004 г. мы детально осмотрели памятник, в том числе и выявленные в 1982–1986 гг. конструкции, часть которых не была законсервирована после

¹ Начальник экспедиции П.А. Раппопорт (в 1983 г.); начальник отряда О.М. Иоаннисян.
² О них упоминается в общих работах: [Выголов, 1994. С. 27–29; Никитин, 1998. С. 16; Анкудинова, Мельник, 2002. С. 4–6], краеведческих изданиях: [Рутман, 2005. С. 310], путеводителях по Ярославлю: [Добровольская, Гнедовский, 1981. С. 38; Блажевская, 2003. С. 58, 62–64].

завершения работ. Результатом стала предварительная публикация, где была предпринята попытка критически оценить версию О.М. Иоаннисяна, основываясь исключительно на его статье 1997 г. [Яганов, Рузаева, 2006].

Новая возможность пополнить сведения о памятнике появилась в 2008 г., когда в Спасском монастыре Ярославской экспедицией ИА РАН под руководством А.В. Энговатовой проводились охранные археологические работы, связанные с разработкой проекта вертикальной планировки территории; они способствовали продолжению изучения Спасской церкви начала XIII в.³ Их результаты, хотя и со значительной задержкой, были изложены в статье, где отношение авторов к выводам предшественников базируется на собственных наблюдениях, сделанных в ходе натурных исследований [Яганов, Энговатова, Рузаева, 2022]⁴. Кроме того, мы обращались к ярославскому Спасу в узкотематических работах, посвященных характеристикам строительных материалов домонгольских зданий Ярославля и атрибуции найденных при их раскопках фрагментов белокаменной резьбы [Яганов, Рузаева, Энговатова, 2020].

В 2022 г. О.М. Иоаннисяном опубликована новая статья, которая должна была доказать ошибочность наших положений по строительной истории ярославского Спаса и правоту его собственных взглядов на проблему [Иоаннисян, 2022]. Впрочем, аргументация автора целиком повторяет изложенное им в 1997 г., и большинство ее главных тезисов так или иначе были прокомментированы в наших предыдущих работах. Оставаясь при своем мнении, он тем не менее не приводит ни одного существенного контрдовода на представленные нами возражения.

При сложившихся обстоятельствах мы посчитали, что важнее проследить последовательность формирования самой концепции домонгольского строительства в Спасском монастыре и понять, насколько она базируется на конкретных археологических наблюдениях, или же в ней превалируют субъективные построения.

В 1958 г. в присутствии М.К. Каргера были заложены четыре шурфа: у восточного фасада и в палатке под северной папертью близ северо-западного угла Спасского собора, а также у северной стены церкви Ярославских чудотворцев. Результаты этих разведок представлены несколькими обмерными чертежами и фотографиями, судя по которым, «раскопы» представляли собой бесформенную канаву шириной от 1,2 до 2,0 м, которой были окопаны фундаменты южной и большей части центральной апсид Спасского собора 1515 г. Стратиграфическая ситуация изображена достаточно условно: видимо, исследователя более интересовал фундамент собора. Фотофиксация

³ Энговатова А.В. Отчет по результатам научно-исследовательских археологических работ (раскопок) на территории Спасо-Преображенского монастыря в г. Ярославле в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 44219.

⁴ После выхода нашей статьи в 2006 г. авторы Истории ярославской археологии привели оба мнения по поводу интерпретации Спасской церкви [Аграфонов, Праздников, Спиридонова, 2009. С. 196–197].

представлена снимками общих видов, сделанными с неудачных, дублирующих друг друга точек. В целом имеющаяся документация не позволяет полноценно судить о сделанных тогда наблюдениях.

Э.Д. Добровольская кратко изложила сведения, касающиеся фундаментов церкви Ярославских чудотворцев, автором проекта реставрации которой она являлась, но итоги раскопок собственно по Спасскому собору не получили отражения в ее отчете [Яганов, Энгватова, Рузаева, 2022. С.104–106]. Других материалов, в том числе текстовых, об этих археологических работах не обнаружено. По-видимому, убедительных следов домонгольского здания выявлено не было, и М.К. Каргер, не заинтересовавшись бесперспективным сюжетом, даже не оформил надлежащим порядком произведенные раскопки.

Основываясь на скудном историографическом материале и общих наблюдениях, сообщенных в устных докладах Э.Д. Добровольской и Е.М. Караваевой⁵, облик Спасского собора довольно условно реконструировал Н.Н. Воронин. Он предполагал, что построенный из плинфы с белокаменными резными деталями «древний храм был несколько больше собора 1506–1516 гг., поставленного на его месте: его северная и восточная стены выступают к северу и востоку от оснований здания XVI в.», и допускал существование с южной стороны Спасского храма Входаиерусалимского придела, построенного в 1218 г. «в виде примыкавшей к нему или отдельно стоящей церкви — усыпальницы членов ярославского княжеского дома» [Воронин, 1962. С. 66]. Результаты раскопок М.К. Каргера 1958 г. Н.Н. Воронину были, видимо, неизвестны.

Суждения Н.Н. Воронина были взяты О.М. Иоаннисяном за принципиальную основу для реконструкции истории строительства Спасской церкви. Неясно, что более повлияло на принятие такого решения — непререкаемый авторитет ученого или стереотип о несомненной хронологической преемственности оснований зданий разных эпох, главенствующий в то время в науке. Но тем не менее результаты натурных исследований 1982–1983 гг. оказались жестко привязаны к архитектурно-археологическому этюду Н.Н. Воронина.

Принятый на вооружение О.М. Иоаннисяном постулат о сооружении Спасской церкви «1506–1516 гг.» на фундаменте начала XIII в. (при этом планировочная структура здания несколько не выбивается из типологического ряда аналогичных построек начала XVI в.) дополнен наблюдениями о его «трехслойности», указывающей на хронологические разрывы в процессе его устройства. При очевидной однородности (забутовка рвов разноразмерным валунником с последующей заливкой известково-песчаным раствором) О.М. Иоаннисян прослеживает три этапа его возведения, два из которых он привязывает к событиям 1216 и 1221 гг.; третий же относит к храму начала

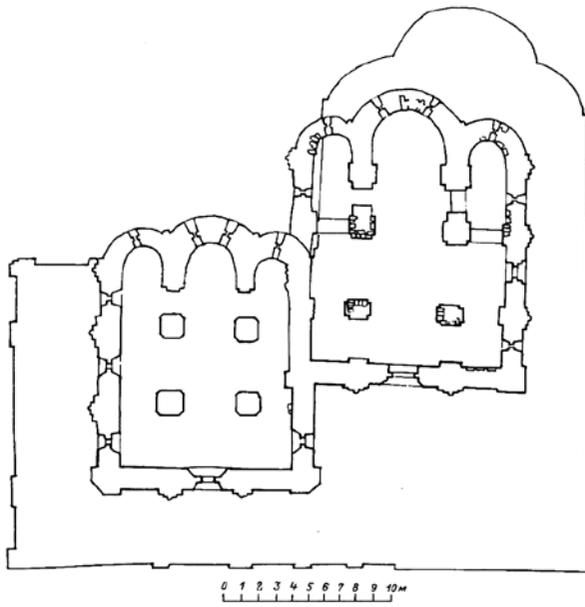
5 Возможно, их доклады, сделанные на отчетной сессии Ярославской реставрационной мастерской, послужили для Н.Н. Воронина основанием считать фундамент под зданием XVI в. домонгольским. На это же указывает А.И. Суслов: «...габариты древних фундаментов частично совпадают с фундаментами нового собора» [Суслов, Чураков, 1960. С. 26].

XVI в. Границами между ними является отложившийся в горизонтальных швах уголь, который автор связал с летописным пожаром Ярославля 1221 г. и легендарным — 1501 г. Кроме того, в разработанную временную шкалу введены еще два маркера — 1238 и 1658 гг., также представленные в стратиграфии «пожарными прослойками».

Ошибкой своих предшественников О.М. Иоаннисян полагает неверно определенную отметку материка, находящегося почти на полметра ниже отмеченного на чертежах 1958 г. Разница представляет собой «засыпку стерильным песком», выполненную после пожара 1221 г. Развивая эту тему, автор предполагает, что засыпка перекрыла уже заложенный в 1216 г. фундамент, который затем пришлось откапывать, повысив его на высоту слоя песка [Иоаннисян, 1997. С. 203]. Стратиграфические наблюдения внутри здания начала XVI в. привели к еще одному важному выводу — большая часть фундаментов 1216–1224 гг. была заложена не во рвах (как в северной апсиде), а в котловане, который затем засыпан тем же «стерильным песком»⁶. Далее тема использования этого материала выходит за пределы храма XIII в. Своеобразно интерпретируя итоги раскопок Н.Н. Воронина 1940 г. в Рубленом городе — детинце Ярославля, О.М. Иоаннисян считает установленным фактом засыпку таким же «стерильным песком» всей территории города и монастыря после пожара 1221 г.⁷ Не находя объяснения причин этого явления, он предоставляет «решать вопрос о появлении загадочного слоя песка климатологам» [Иоаннисян, 1997. С. 205]⁸.

Несколько озадачила исследователя находка близ трассы фундамента южной стены «церкви 1216–1221 гг. — начала XVI в.» фрагмента кладки из плинфы на фундаменте, «сложенном из булыжников без раствора»⁹, то есть разительно отличающемся по технологии от прослеженного ранее. Но и здесь был найден выход из положения — выявленный фрагмент интерпретирован как часть северной стены придельной церкви Входа в Иерусалим, с выступающими из нее внешней и внутренней лопатками и с откосом дверного проема. Различия в материале фундаментов объясняются гипотезой Н.Н. Воронина о ее строительстве в 1218 г., то есть в промежутке между

- 6 *Раппопорт П. А., Иоаннисян О. М.* Отчет о работах Ярославского отряда Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА СССР и Гос. Эрмитажа в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10492. Л. 2.
- 7 Учитывая, что пригородный до XVI в. Спасский монастырь находится почти в километре от Рубленого города. Границы Ярославля первой половины XIII в. археологически не установлены.
- 8 «Явлениями природы» О.М. Иоаннисян объясняет гибель Борисоглебской церкви 1287 г. в Ростове. Им выдвинута занятая гипотеза, что сооружения княжеского двора разрушены при «землетрясении» на Ростовском озере 1467 г., которое сопровождалось изменением береговой линии и частичным затоплением территории дворцового комплекса. Впоследствии здания дворца не восстанавливались, а церковь 1287 г. была засыпана изнутри, «причем с устройством гидроизолирующих глиняных замков» [Иоаннисян и др., 1997. С. 247].
- 9 Архив ИА РАН. Р-1. № 10492. Л. 7.

ил.1 Спасо-Преображенский собор и церковь Входа в Иерусалим. XIII в. Реконструкция плана комплекса О.М. Иоаннисяна
 fig.1 The Transfiguration Cathedral and the Entry of Christ into Jerusalem Church 13th century. Reconstruction of the plan of the complex by O.M. Ioannisyana

закладкой фундамента Спасской церкви в 1216 г. и ее завершением в 1224 г. Казалось бы, наметились перспективы дальнейшей локализации этого «миниатюрного» придела, который Н.Н. Воронин считал княжеской усыпальницей [Воронин, 1962. С. 66].

Продолжение работ в 1986 г. сопровождалось открытием под церковью Ярославских чудотворцев XVII–XIX вв. конструкций домонгольского времени. Прогнозируемый «миниатюрный» придел Входа в Иерусалим, примыкавший с юга к Спасскому собору [Воронин, 1962. С. 66; Добровольская, Гнедовский, 1981. С. 38], оказался «довольно большим четырехстолпным храмом, превосходившим по размерам» саму Спасскую церковь [Иоаннисян, 1997. С. 217]. Стены начала XVII в. и приложенные к ним конструкции XIX в. частично опираются на фрагменты кладки XIII в., сохранившие местами более шести рядов плитки, что позволило автору реконструировать плановую структуру этого домонгольского здания [Иоаннисян, 1997. С. 224] [ил. 1].

Находки сезона 1986 г. если не привели к развалу концепции Воронина-Иоаннисяна, то, по меньшей мере, завели ее в тупик. Положение усугублялось еще и тем, что результаты раскопок 1982–1983 гг. уже были опубликованы [Иоаннисян, 1983. С. 56–57; Он же, 1984. С. 57–58; Он же, 1985. С. 158–161]. Из сложившейся ситуации просматривались два выхода — или же признать первоначальную версию, основанную на гипотезе Н.Н. Воронина, несостоятельной и отказаться от нее, или дополнять ее умозрительными построениями на базе вынужденных допусков в трактовке натуральных исследований.

Не подвергая сомнению незыблемость сформулированных ранее постулатов, то есть местоположение Спасской церкви начала XIII в., наличие под ней разновременного фундамента, дабы примирить их с результатами натур-

ных исследований, О.М. Иоаннисян допустил, что «северная стена (Входоиерусалимской церкви) была поставлена на фундамент стены Спасского собора, заложенного в 1216 г., но к моменту начала строительства Входоиерусалимской церкви еще не построенного. После постройки собора (в 1221–1224 гг.) его южная стена была возведена только в западной части как продолжение уже стоящей северной стены церкви Входа в Иерусалим»¹⁰. Описанную ситуацию иллюстрирует реконструкция плана, где оба храма небрежно и нелогично пристыкованы друг к другу, для чего стены заметно деформированы, наглядно демонстрируя надуманный характер этой планировки [Иоаннисян, 1997. С. 224].

Отвлечемся от истории создания и корректировки концепции и проанализируем ее фактическую сторону. Мы не будем пересказывать аргументацию, изложенную в наших предыдущих статьях, прокомментируем лишь положения, которые показались нам важными для общей картины результатов работ 1982–1986 гг. Во-первых, следует отметить небрежное отношение к письменным источникам и абсолютнейшее доверие к чужим их трактовкам. В целом содержащиеся в них сведения, не упоминаемые в летописях (особенно это касается раннего периода), нуждались в тщательной проверке, но этого не было сделано. Историография зиждется лишь на двух (!) летописных сообщениях [Иоаннисян, 1997. С. 199], все остальные факты представляют собой свободный пересказ краеведческих работ различного качества, впрочем, без их указания. Зато совершенно некритически воспринят краткий пассаж Н.Н. Воронина, — который, впрочем, тоже не затруднил себя подбором и анализом источников, но, как, вероятно, посчитал автор исследований 1982–1986 гг., сделал за него малоинтересную для археолога работу.

В качестве «косвенного свидетельства существования домонгольской церкви Входа в Иерусалим наряду с собором до 1501 г.» О.М. Иоаннисян вслед за Э.Д. Добровольской [Добровольская, 1963. С. 24–25] приводит клейма на полях иконы «Ярославские князья Федор, Давид и Константин в житии». Датировка «около 1463 г.» в подписи к иллюстрации 11¹¹, впрочем, относится не собственно к иконе, а к изображенному на клейме событию. Сама же икона написана в конце XVI в. [Масленицын, 1983. С. 28–29], и, даже принимая во внимание значительную степень условности архитектурных стаффажей в иконописи, по нашему мнению, изображенные здания соответствуют существовавшему в это время ансамблю из Спасского собора 1515 г. и меньшей по размеру перестроенной домонгольской церкви, связанной с ним галереей. Невозможно предположить, что мастер-иконописец спустя более чем столетие ставил перед собой задачу археологически точной реконструкции монастырских зданий на момент обретения мощей ярославских чудотворцев

10 Иоаннисян О.М. Отчет о работах Ярославского отряда Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР и Гос. Эрмитажа в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12454. Л. 1–2.

11 [Иоаннисян, 2022. С. 160]; в тексте ниже указана датировка иконы XVI в.

и располагал какими-то сведениями для ее решения; но даже если допустить такой вариант, на клеймах изображены отнюдь не два равновеликих объема, перерастающие один в другой. Икона, безусловно, интересна как пример трактовки архитектуры в средневековой живописи, но никоим образом не противоречит предложенной нами реконструкции строительной истории ансамбля и не может рассматриваться в качестве аргумента для ее опровержения.

Во-вторых, укажем на своеобразное обращение О.М. Иоаннисяна с материалами раскопок 1958 г. Не имея зафиксированных в текстах мнений М.К. Каргера и Е.М. Караваевой об их результатах, автор исследований излагает собственное видение того, что они могли обнаружить и как это истолковать, причем упрекая своих предшественников в якобы сделанных ими ошибочных наблюдениях. Возможно, автор, как и в случае с засыпками «стерильным песком» территории домонгольского Ярославля, обладает одному ему известными источниками, но ссылки на них не приводит.

Первоначальный вариант концепции, где во главу угла поставлен факт возведения на фундаменте XIII в. Спасской церкви начала XVI в., сложился еще до начала раскопок. В стратиграфию чудесно вписалась почти вся история ярославских пожаров от XIII до XVII в., которая отмечалась «прослойками угля» в швах между «разновременными» фундаментами и кирпичными полами. Хотя доказать это без датирующих находок и явного наличия самих «прослоек», прослеженных лишь в массиве фундамента (и то не везде), невозможно, но если не обращать внимания на подобные мелочи, хронологическая шкала для принятой в разработку воронинской заготовки была готова. Обладая этим орудием, можно было с легкостью толковать исторические события, привязывая к ним те или иные строительные мероприятия, что и делает автор. В этом отношении наглядна структура текстов отчетов 1982–1986 гг. — в первых строках излагается концепция, немного скорректированная по результатам предыдущего сезона, а затем предлагаются наблюдения, которые органически подтверждают ее или, по крайней мере, не выходят за «допустимые» рамки.

Очевидны ошибки и в организации исследований — проигнорирована необходимость изучения территории монастыря, что привело к превратному представлению о стратиграфии рассматриваемого участка. При описании материка за его верхнюю отметку О.М. Иоаннисян принимает моренные отложения, перекрытые сверху однородным светло-бурым песком, который воспринят им как «стерильная» засыпка после «пожара 1221 г.». Морена в виде крупного мокрого песка с прослойками твердой глины и галькой была прослежена в шурфе около центральной апсиды и в расчистке у южной стены Спасской церкви в ходе исследований ИА РАН. Влагоднасыщенность этих отложений не позволила ни в 1982–1986 гг., ни в 2008 г. подробно изучить подошву фундаментов — дно шурфов моментально заполнялось водой.

Горизонт монастырского освоения территории был прослежен нами в трех шурфах, заложенных к западу и югу от Спасского собора начала

XVI в. [Яганов, Энговатова, Рузаева, 2022. С.115–117]. Но здесь нет никаких следов пожаров 1221, 1238, 1501 гг., а стройка начала XIII в. отложилась в виде известково-кирпичных прослоек различной мощности, вдавленных в пахотный слой. Возведение собора 1216–1224 гг. и строительство начала XVI в. разделяет невнятный гумусированный пласт (от 10 до 20 см) без датирующего материала и, конечно, следов перипетий четырех бурных столетий.

Очевидно фиксируемый пожарный горизонт, относимый О.М. Иоаннисяном то к 1238, то к 1501, то к 1658 г., выявлен нами внутри разгрузочной арки, перекинутой между фундаментом южной стены и юго-восточным столбом церкви начала XVI в. По нему в грунте была вырезана опалубка этой арки, поэтому его определенно можно связать с пожаром, предшествовавшим возведению новой церкви. Но судя по раскопам 1980-х гг. и работам 2008 г., распространение этой прослойки имеет локальный характер и, видимо, не выходит за пределы границ четверика и апсид здания начала XVI в.

Крайне трудно было примирить с концепцией Н.Н. Воронина древнее кладбище, так некстати обнаруженное на площадке «Спасского собора 1216–1226 гг.». Как показали исследования 2008 г., церковный подклет сохранил (с утратами) двухслойные кирпичные полы начала XVI в., поэтому захоронения в нем позже этого времени следует признать невозможными¹², как и факт существования здесь кладбища до 1216 г. Вообще, наличие могил на важных для концепции участках видится неудобным для ее чистоты, поэтому их нарушения фундаментными рвами истолковываются весьма экстравагантно. В одном случае костяк «уходит под кладку фундамента XVI в.»¹³, в другом два погребения «устроены в тот период, когда древний собор был уже разрушен, а новый еще не был возведен, т.е. в промежутке между 1501 и 1516 г.»¹⁴.

Выявленные погребения зафиксированы схематично на чертежах в масштабе 1:20, иногда без прорисовки костяка и нивелировочных отметок или с нанесением лишь контуров могильной ямы. Нет описания и фиксации упомянутых находок — например, деталей кожаных пояса с бахромой и обуви в погребении № 5¹⁵. «Проблемные» могилы, не вписывающиеся в концепцию, показаны только на общей схеме в масштабе 1:100 (например, в раскопе 5)¹⁶.

Шурф 2008 г. прибавил к общей картине некрополя еще два погребения, перерезанные внешним краем фундаментного рва собора «1216–1224 гг.», что укрепило нас во мнении о строительстве каменного здания на участке ис-

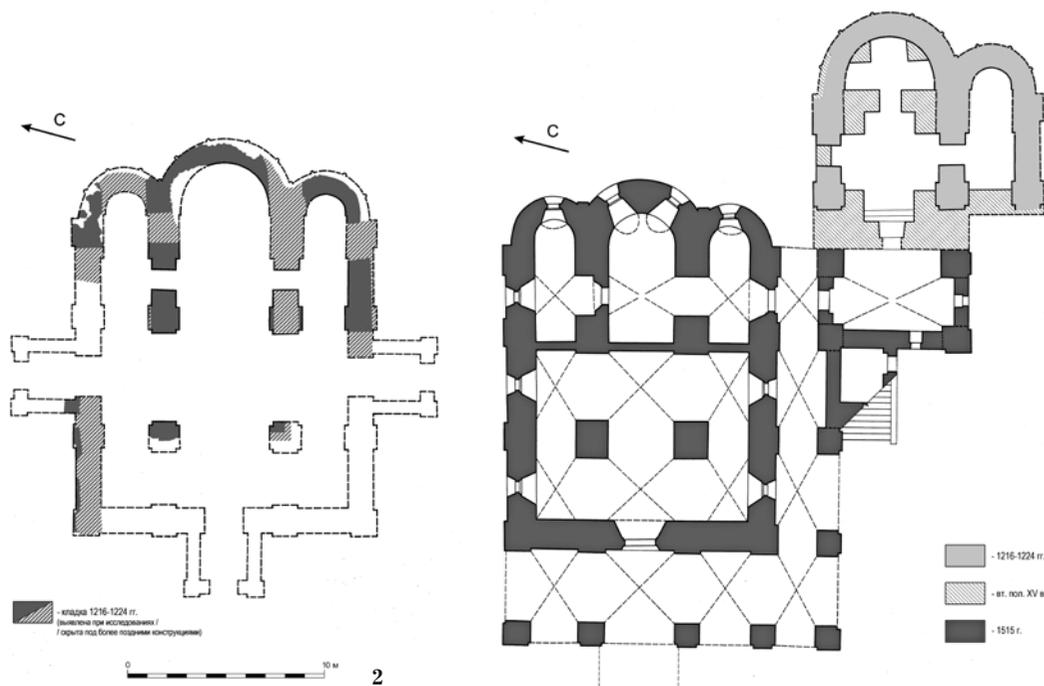
12 Хотя автор исследований относит погребение, выявленное под северной разгрузочной аркой, к XIX в. Архив ИА РАН. Р-1. № 10492. Л. 3.

13 Иоаннисян О.М. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях в соборе Спасского монастыря в Ярославле в 1982 г. // Копия в ЯМАХМЗ. Без номера. Л. 5.

14 Архив ИА РАН. Р-1. № 10492. Л. 6.

15 Там же. Л. 3.

16 Там же. Л. 19.

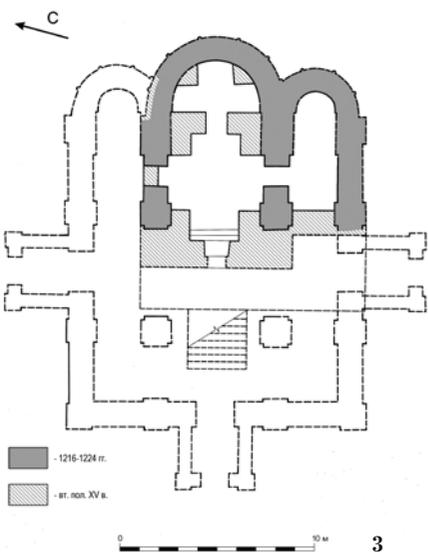

ил.2 Графическая реконструкция плана Спасской церкви 1216–1224 гг.

fig.2 Graphic reconstruction of the plan of the Church of the Saviour 1216–1224

ил.3 Графическая реконструкция плана нижнего яруса Спасской церкви во второй половине XV – начале XVI в.

fig.3 Graphic reconstruction of the plan of the lower tier of the Church of the Saviour in the second half of the 15th – early 16th centuries

ил.4 Графическая реконструкция плана нижних ярусов Спасской и Входаиерусалимской церквей после 1515 г.

fig.4 Graphic reconstruction of the plan of the lower tiers of the Transfiguration and Entry of Christ into Jerusalem Churches after 1515

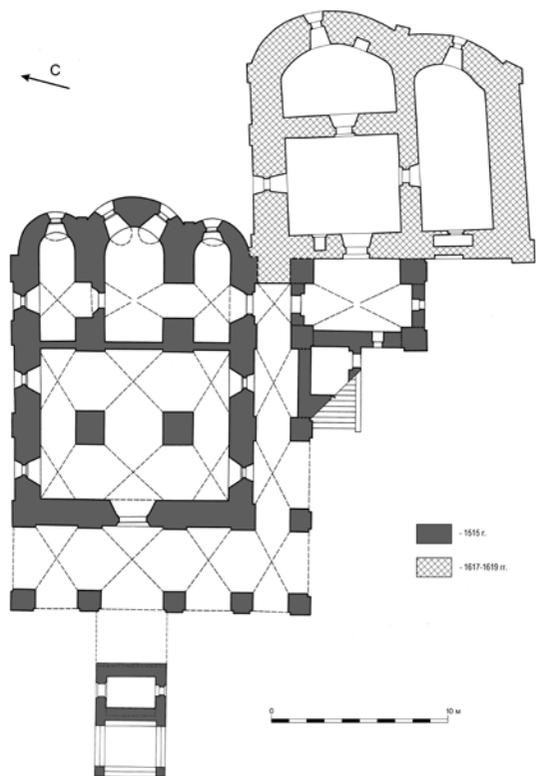
пользовавшегося задолго до начала XVI в. монастырского кладбища, то есть возведение существующего здания Спасского собора 1515 г. единовременно с закладкой его фундамента, выполненной не ранее этого времени. Косвенно об этом свидетельствует состав засыпки выявленных нами ранних могильных ям, содержащий крайне мало включений извести и кирпича, что может говорить об отсутствии активной строительной деятельности в данном месте на начальном этапе формирования кладбища, то есть в 1210-х гг.

И наконец, невозможно не прокомментировать «отход от догмы» — изначальной концепции строительства начала XIII в. — по случаю вновь открывшихся обстоятельств: обнаружения в 1986 г. стен большого домонгольского храма вместо ожидаемого «миниатюрного» придела Входа в Иерусалим. Предложенная трактовка показывает непонимание исследователем особенностей строительной практики. Участок фундамента, на котором должна покоиться стена «придела» 1218 г., не «трехслойный», как это было подмечено ранее, а выполнен единовременно и имеет совершенно другие материально-строительные характеристики (с чем солидарен и сам исследователь) и отметки [Яганов, Энговатова, Рузаева, 2022. С.129]. Поэтому он никак не идентифицируется с конструкцией первого этапа домонгольского строительства, то есть с 1216 г.

В принципе эта натяжка уже полностью разрушает суть новой корректировки концепции, если принять во внимание не только элементарные логические, но и конструктивные соображения о возможности такой этапности [Яганов, Рузаева, 2006. С.365]. Поэтому надлежит признать, что предлагаемое изменение первоначальных положений о храме начала XIII в., при всей хаотической и надуманной последовательности организации средневекового строительства, кажущейся О.М.Иоаннисяну непрерывным и противоречивым творческим процессом, воспринимается неоднозначно.

И последнее. Отметим крайне небрежное отношение к графической фиксации результатов, в частности использование планов зданий, выполненных в 1958 г., без необходимой проверки. Вероятно, предшественники (Э.Д.Добровольская и Е.Г.Ефремов) не имели практических возможностей сделать качественные обмеры, поэтому при проведении археологических раскопок была необходима серьезная корректировка этой документации. А так как привязки выявленных археологических фрагментов выполнялись непосредственно в габаритах помещений, при камеральной обработке это создавало вероятность натяжек и искажений. И наконец, отсутствие точной взаимной привязки планов обеих церквей негативно отразилось на качестве выполненных реконструкций, но между тем наглядно показало парадоксальность представленной исследователем концепции.

Заканчивая обзорение затянувшейся на шестнадцать лет дискуссии, кратко сформируем наши выводы. Безусловно, обнаружены фрагменты стен и фундаментов одного домонгольского храма (расположенного в основании ныне существующей церкви Ярославских чудотворцев) [ил.2]. Достоверными письменными источниками (летописями) фиксируется начало строительства

ил. 5 Графическая реконструкция плана нижних ярусов Спасской и Входаиерусалимской церквей после 1619 г. По материалам Э.Д. Добровольской

fig. 5 Graphic reconstruction of the plan of the lower tiers of the Transfiguration and Entry of Christ into Jerusalem Churches after 1619. Based on the researches of E. D. Dobrovolskaya

и освящение одного храма — Спасской церкви, к северу от которой стало формироваться монастырское кладбище. Постепенно ветшающий храм укрепляют контрфорсами, фундаменты которых выявлены вдоль северной стены и у северо-западного угла четверика. Но этого оказывается недостаточно, и в середине XV в. происходит более радикальная перестройка здания с уменьшением его объема; по всей вероятности, с этими работами связано обретение мощей князей-чудотворцев, ставших затем главной святыней монастыря [ил. 3].

Спасский собор 1515 г. был построен к северо-западу от древнего, на участке, прежде занятом монастырским кладбищем, на единовременном фундаменте. При этом фундамент и нижние ряды кладки северной стены домонгольской церкви не были разобраны, а включены в состав новой конструкции, верхний обрез которой располагался на более высокой отметке [ил. 4]. Древняя церковь, в которой хранились мощи, была объединена с собором начала XVI в. галереей; этот храм перестроили на старом основании в 1617–1619 гг. с сохранением мемориальной двухапсидной планировочной структуры, сложившейся во второй половине XV в. [ил. 5].

По нашему мнению, в такую последовательность событий можно уложить все сделанные при архитектурно-археологических исследованиях на-

блюдения, обходясь без отсылки к загадочным геологическим катаклизмам, неосуществимой в реальных условиях строительной технологии и не имеющим внятного логического объяснения реконструкциям. Если же принять за краеугольный камень «весьма распространенный в древней Руси обычай сохранения первоначального места даже при коренной перестройке церквей» [Добровольская, 1963. С. 25] как непререкаемый постулат, то приходится прибегать к сложным и запутанным построениям, дабы интерпретировать наблюдения в соответствии с заранее сделанным выводом. При этом «неудобные» факты отодвигаются на задний план либо обходятся молчанием; к примеру, в публикациях уделено недостаточно внимания принципиально важным участкам стыка конструкций XIII и XVI вв. в южной части подклета существующего собора. Старательно умалчивается наличие погребений и мощной валунной кладки оснований контрфорсов в интерьере (согласно гипотезе О.М. Иоаннисяна) домонгольского Спасского собора. Автор декларативно повторяет собственные утверждения, не пытаясь объяснить ни «заговор молчания» в письменных источниках о Входаиерусалимской церкви, ни причины не поддающегося архитектурной логике объемно-планировочного решения. В истории как русской, так и византийской архитектуры известны примеры храмов, имеющих общую стену, но никогда соседство двух объемов не выглядело столь странным и неорганичным, как в данном случае. Причем речь идет о строительстве не в стесненных городских условиях, или о соблюдении традиций и особенностей сакральной топографии места — но в новооснованном загородном монастыре, грубо говоря, «в чистом поле».

Как мы убедились, во главу изучения памятника О.М. Иоаннисяном поставлен не анализ результатов полевых археологических работ, а сформировавшаяся еще до их начала концепция, целиком основанная на авторитетном, но, увы, ошибочном мнении Н.Н. Воронина. Но сталкиваясь с непредвиденным, как в случае с «миниатюрным приделом», оказавшимся крупной плинфяной церковью, уже сформировавшаяся и устоявшаяся версия вдруг рассыпается в прах, а попытки ее реанимировать приводят к нелепым и парадоксальным объяснениям; не выручают даже стратиграфические ухищрения. Спасая разваливающуюся концепцию, автор одновременно конструирует свой фантастический храм, который тоже должен неизбежно рухнуть. Заранее выстроенные и даже декларированные «результаты» сами превратились в догму и, наверное, только убежденность в своей правоте помешала автору от них отказаться.

ЛИТЕРАТУРА

- Аграфонов П.Г., Праздников В.В., Спиридонова Е.В. История ярославской археологии. М.: Квадрига, 2009. 287 с.
- Анкудинова Е.А., Мельник А.Г. Спасо-Преображенский собор Спасского монастыря в Ярославле. М.: Северный паломник, 2002. 104 с.
- Блажевская С.Е. Спасо-Преображенский монастырь в Ярославле. Фотоальбом. М.: Северный паломник, 2003. 128 с.
- Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т.2. М.: Из-во АН СССР, 1962. 557 с.
- Выголов В.П. Ярославль. Памятники архитектуры и искусства: Альбом. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1994. 320 с.
- Добровольская Э.Д. Входоиерусалимская церковь ярославского Спасского монастыря // Памятники культуры. Исследование и реставрация. М.; Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963. Вып. 4. С. 19–43.
- Добровольская Э.Д., Гнедовский Б.В. Ярославль. Тутаев. М.: Искусство, 1981. 3-е изд. (Архитектурно-художественные памятники). 310 с.
- Иоаннисян О.М. Исследования Спасского собора в Ярославле // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука, 1983. С. 56–57.
- Иоаннисян О.М. Раскопки в Ярославле и в Угличе // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1984. С. 57–58.
- Иоаннисян О.М. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. // Дубов И.В. Города величием сияющие. Л.: Издательство ЛГУ, 1985. Приложение 2. С. 140–163.
- Иоаннисян О.М. Комплекс древнейших построек Спасского монастыря в Ярославле // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 199–228.
- Иоаннисян О.М., Торшин Е.Н., Зыков П.Л. Церковь Бориса и Глеба в Ростове Великом // ДРИ: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 229–250.
- Иоаннисян О.М. Вновь о древнейших храмах Спасского монастыря в Ярославле // Дворец: К 90-летию Энгелины Сергеевны Смирновой: сб. ст. / Отв. ред. М.А. Орлова. Гос. ин-т искусствознания, 2022. С. 152–163.
- Масленицын С.И. Ярославская иконопись. 2-е изд. М.: Искусство, 1983. 45 с.
- Никитин И.В. Ярославль: из истории археологического изучения города // Археология Ярославского края. Рыбинск: Б.и., 1998. С. 11–18.
- Рузаева Е.И., Энговатова А.В., Яганов А.В. Белокаменная резьба в декоре фасадов храмов Ярославля начала XIII в. (наблюдения и предварительные выводы) // КСИА. М.: ИА РАН, 2020. С. 294–304.
- Рутман Т.А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль: Изд-во Александра Рутмана, 2005. 669 с.
- Сулов А.И., Чураков С.С. Ярославль. М.: Гос. изд-во литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1960. 277 с.
- Яганов А.В., Рузаева Е.И. К вопросу об истории Спасского собора Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле // Археология: история и перспективы. Вторая межрегион. конф. Сб. ст. Ярославль: ЯМАХМЗ, ГМЗ «Ростовский кремль», 2006. С. 363–391.
- Яганов А.В., Энговатова А.В., Рузаева Е.И. Архитектурно-археологические исследования Спасского собора ярославского Спасо-Преображенского монастыря в 2008 году // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2022. Вып. 18. С. 104–119.
- Яганов А.В., Рузаева Е.И., Энговатова А.В. К характеристике ярославской плинфы начала XIII в. и строительства из нее (предварительные наблюдения) // КСИА. М.: ИА РАН, 2020. С. 252–268.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Яганов Андрей Викторович — научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия. yagav@yandex.ru
- Рузаева Екатерина Ивановна — научный сотрудник Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия. ruzaeva-ei@mail.ru

AUTHORS

- Yaganov, Andrey Viktorovich — research Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation. yagav@yandex.ru
- Ruzayeva, Ekaterina Ivanovna — research Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation. ruzaeva-ei@mail.ru

REFERENCES

- Agrafonov P.G., Prazdnikov V.V., Spiridonova E.V. *Istoriia iaroslavskoi arkheologii (History of Yaroslavl archeology)*. Moscow, Kvadriga Publ., 2009. 287 p. (in Russian).
- Ankudinova E.A., Mel'nik A.G. *Spaso-Preobrazhenskii sobor Spasskogo monastyr'ia v Iaroslavle (The Transfiguration Cathedral of the Transfiguration Monastery in Yaroslavl)*. Moscow, Severni palomnik Publ., 2002. 104 p. (in Russian).
- Blazhevskaja S.E. *Spaso-Preobrazhenskii monastyr' v Iaroslavle. Fotoal'bom (Transfiguration Monastery in Yaroslavl. Photo album)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2003. 128 p. (in Russian).
- Dobrovol'skaia E.D. Entry of Christ into Jerusalem Church of the Yaroslavl Spassky Monastery. *Pamiatniki kul'tury. Issledovanie i restavratsiia (Cultural monuments. Research and restoration)*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1963, vol. 4, pp. 19–43 (in Russian).
- Dobrovol'skaia E.D., Gnedovskii B.V. *Iaroslavl'. Tutaev (Yaroslavl. Tutaev)*. Moscow, Iskustvo Publ., 1981. 310 p. (in Russian).
- Iaganov A.V., Engovatova A.V., Ruzaeva E.I. Architectural and archaeological researches of the Transfiguration Cathedral of the Yaroslavl Transfiguration Monastery in 2008. *Arkheologiiia Podmoskov'ia. Materialy nauchnogo seminar (Archeology of the Moscow region. Materials of the scientific seminar)*. Moscow, Instituta arkheologii Publ., vol. 18, 2022, pp. 104–119 (in Russian).
- Iaganov A.V., Ruzaeva E.I. On the question of the history of the Transfiguration Cathedral of the Transfiguration Monastery in Yaroslavl. *Arkheologiiia: istoriia i perspektivy. Vtoraia mezhregional'naia konferentsiia. Sbornik statei (Archeology: history and prospects. The second interregional conference. Collection of articles)*. Yaroslavl, Iaroslavskii muzei-zapovednik Publ., 2006, pp. 363–391 (in Russian).
- Iaganov A.V., Ruzaeva E.I., Engovatova A.V. On the characteristics of Yaroslavl brick of the beginning of the 13th century and construction from it (preliminary observations). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)*. Moscow, Instituta arkheologii Publ., 2020, pp. 252–268 (in Russian).
- Ioannisian O.M. Researches of the Spassky Cathedral in Yaroslavl. *Arkheologicheskie otkrytiia 1982 goda (Archaeological discoveries of 1982)*. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 56–57 (in Russian).
- Ioannisian O.M. Excavations in Yaroslavl and Uglich. *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda (Archaeological discoveries of 1983)*. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 57–58 (in Russian).
- Ioannisian O.M. Architecture of North-Eastern Russia of the 12th–13th centuries. Appendix 2 in the book: Dubov I.V. *Goroda velichiem siiaiushchie (Cities shining with greatness)*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1985, pp. 140–163 (in Russian).

- Ioannisian O.M. The complex of the oldest buildings of the Transfiguration Monastery in Yaroslavl. *Drevnerusskoe iskusstvo: Rus'. Vizantiia. Balkany. XIII vek (Old Russian Art: Russia. Byzantium. The Balkans. 13th century)*. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1997, pp.199–228 (in Russian).
- Ioannisian O.M., Torshin E.N., Zykov P.L. The Church of Boris and Gleb in Rostov the Great. *Drevnerusskoe iskusstvo: Rus'. Vizantiia. Balkany. XIII vek (Old Russian Art: Russia. Byzantium. The Balkans. 13th century)*. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1997, pp.229–250 (in Russian).
- Ioannisian O.M. Once more on the most ancient temples of the Transfiguration Monastery in Yaroslavl. *Δωρεά: K 90-letiiu Engeliny Sergeevny Smirnovoi: sbornik statei (DOREA. To the 90th anniversary of Engelina Sergeevna Smirnova: collection of articles)*. Moscow, Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia Publ., 2022, pp.152–163 (in Russian).
- Maslenitsyn S.I. *Iaroslavskaiia ikonopis' (Yaroslavl icon painting)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983. 45 p. (in Russian).
- Nikitin I.V. Yaroslavl: from the history of the archaeological study of the city. *Arkheologiiia Iaroslavskogo kraia (Archeology of the Yaroslavl region)*. Rybinsk, without a publisher, 1998, pp.11–18 (in Russian).
- Rutman T.A. *Khramy i sviatyni Iaroslavlia (Temples and shrines of Yaroslavl)*. Yaroslavl, Izdatel'stvo Aleksandra Rutmana Publ., 2005. 669 p. (in Russian).
- Ruzaeva E.I., Engovatova A.V., Iaganov A.V. White stone carving in the decoration of the facades of the temples of Yaroslavl of the beginning of the 13th century (observations and preliminary conclusions). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)*. Moscow, Instituta arkheologii Publ., 2020, pp.294–304 (in Russian).
- Suslov A.I., Churakov S.S. *Iaroslavl' (Yaroslavl)*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, arkhitekture i stroitel'nym materialam Publ., 1960. 277 p. (in Russian).
- Voronin N.N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII–XV vekov (Architecture of North-Eastern Russia of the 12th–15th centuries)*, vol.2. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1962. 557 p. (in Russian).
- Vygodolov V.P. *Iaroslavl'. Pamiatniki arkhitektury i iskusstva: Al'bom (Yaroslavl. Monuments of architecture and art. Album)*. Yaroslavl, Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1994. 320 p. (in Russian).

Мария Владимировна Сарабьянова

Памяти Марии Владимировны Сарабьяновой

30 июня 2022 г. в больнице в Мцхете после автокатастрофы, случившейся накануне в 10 километрах от Тбилиси, умерла Муся — Мария Владимировна Сарабьянова. Ей было 28 лет.

Человек изумительной внутренней силы, кристальной честности, поразительной красоты и обаяния, внутренней свободы и дарований — таланта художника, искусствоведа, писателя и переводчика, умеющий по-настоящему дружить, отдавать и одарять. Муся обладала удивительным чувством юмора, тончайшим вкусом и глазом, воспитанным как непрерывающейся родовой и семейной культурной традицией, так и ее собственными немалыми усилиями. Потомок художественных династий — Сарабьяновых, Шаховских, Фаворских — Муся была начисто лишена снобизма и высокомерия.

Муся, как ее называли с детства родители и друзья, никогда не планировала заниматься древнерусским искусством, да и вообще историей искусства. В шутку однажды она сказала о себе: «Я искусствоведческий гений в десятом поколении, достигла таких высот в постижении искусства, что могу просто им не заниматься и пребывать в нирване». На последнем курсе бакалавриата Отделения истории искусства исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова она написала дипломную работу у ученика своего «дедули» академика Д.В. Сарабьянова — профессора М.М. Алленова, которым искренне восхищалась. Темой диплома была «Поэтика названий в русской живописи. К постановке вопроса». И в этом определенно и ярко проявился ее первоочередной интерес к слову. Именно тогда она стала посещать переводческий семинар на филфаке и постепенно основным делом для неё стал художественный перевод. На сегодняшний день вышло 6 книг, переведённых ею, еще три находятся в печати. Это переводы современной англоязычной литературы для подростков, в которой она стала уникальным специалистом. Тема взросления, переживания и осмысления переходного состояния была ей близка и по-настоящему интересна.

После смерти своего отца Владимира Дмитриевича Сарабьянова, замечательного реставратора и выдающегося исследователя византийской и древнерусской живописи, Муся пришла в Сектор древнерусского искусства Института искусствознания, чтобы завершить начатое им. Мусе тогда был 21 год. Перечислю лишь основные ее работы здесь: подготовка к изданию монографий В.Д. Сарабьянова «Спасская церковь Евфросиниевского монастыря

в Полоцке», «Церковь Святого Георгия в Старой Ладогге. Фрески. История. Архитектура», которые она собрала по черновикам, заметкам и статьям Владимира Дмитриевича. Для третьего тома Истории русского искусства Муся готовила главы авторства В.Д. Сарабьянова, работала над составлением указателя первой части этого тома (под редакцией Л.И. Лифшица). Без преувеличения можно сказать, что Муся сыграла и одну из главных ролей в рождении «Вестника». На обороте титула каждого номера читатели видели ее фамилию как выпускающего редактора.

В этом, 2022 году, она закончила магистратуру ВШЭ по специальности «Литературное мастерство», трек «Художественный перевод», но диплом получить уже не успела. Год был эмоционально особенно тяжелым, но Муся находила в себе силы не только внутренне сокрушаться по поводу происходящего, но и открыто выражать свою гражданскую позицию и помогать нуждающимся. Защитив магистерскую диссертацию, она ушла из Института и редакции «Вестника» — ее должны были ждать другие важные и интересные проекты.

К этому времени она — помимо подготовки к изданию книг отца и номеров «Вестника» за 2019–2021 годы — успела перевести и опубликовать свои переводы следующих книг:

Ричард и Флоренс Этуотер. Пингвины Мистера Поппера. М.: Белая ворона, 2014. 140 с.; *Джулиан Барнс*. Открой глаза (сборник эссе) / Брак. Сердце живописи; Сезанн. Яблоко двигается? М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 352 с.; *Мег Розофф*. Джастин Кейс. М.: Белая ворона, 2018. 232 с.; *Мег Розофф*. Представь, что меня нет. М.: Белая Ворона, 2021. 234 с.; *Линн Фултон*, *Феличита Сала*. Она создала чудовище. М.: Белая Ворона, 2021. 40 с. (книжка-картинка); *Наима Костер*. Что мое, что твое. М.: Корпус, 2022. 384 с.; *Наоми Критцер*. Кто ты на Кэтнет? М.: Белая Ворона, 2022. 344 с. В печати: *Бенджамин Алире Сэнс*. Необъяснимая логика моей жизни. Попкорн-Букс; *Роберт Мерфи*. Тело молчит. Новое издательство; *Айлин Майлз*. Девочки из Челси. No Kidding Press.

По поручению редколлегии
искусствовед Екатерина Рикота

Список сокращений

АЕВ

Архангельские епархиальные ведомости

АОКМ

Архангельский областной краеведческий музей

АОМИИ

Архангельский областной музей изобразительных искусств

АХРР

Ассоциация художников революционной России

БАН

Библиотека Академии наук, Санкт-Петербург

БЛДР

Библиотека литературы Древней Руси

ВИА

Всеобщая история архитектуры

ВИЭМ

Всероссийский историко-этнографический музей (г. Торжок)

ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря

Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И.Э. Грабаря, Москва

ВХУТЕМАС/ВХУТЕИН

Высшие художественно-технические мастерские, Высший художественно-технический институт

ГБЛ

Государственная библиотека имени В.И. Ленина, Москва

ГИИ

Государственный институт искусствознания, Москва

ГИМ

Государственный Исторический музей, Москва

ГМЗРК

Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», Ярославская обл.

ГМИИ им. А.С. Пушкина

Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва

ГНИМА им. А.В. Щусева

Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева

ГРМ

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

ГТГ

Государственная Третьяковская галерея, Москва

ГЦХРМ

Государственные центральные художественные реставрационные мастерские имени академика И.Э. Грабаря, Москва (ныне — ВХНРЦ)

ГЭ

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ИА РАН

Институт археологии Российской академии наук, Москва

ИВГИ РГГУ

Институт высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета, Москва

ИИМК

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ИГУМ НовГУ

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

ИРЛИ РАН

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Москва

КСИИМ

Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МГОМЗ

Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Коломенское»

МГУ им. М.В. Ломоносова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

МГХПА им. С.Г. Строганова

Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова

МДА

Московская духовная академия

МНРХУ

Межобластное научно-реставрационное художественное управление, Москва

МОСХ

Московское отделение Союза художников СССР

МУЖВЗ

Московское училище живописи, ваяния и зодчества

Музеи Московского Кремля

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Москва

МИХМ

Муромский историко-художественный музей

НАН РБ

Национальная академия наук Беларуси

НГОМЗ

Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

НИОР РГБ

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОПИ

Отдел письменных источников

ОИДР

Общество истории и древностей российских

ПГОИАХМЗ

Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

ПКНО

Памятники культуры. Новые открытия

ПСРЛ

Полное собрание русских летописей

ПСТГУ

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва

РА

Российская археология (журнал)

РГАДА

Российский государственный архив древних актов, Москва

РГАЛИ

Российский государственный архив литературы и искусства

РГБ

Российская государственная библиотека, Москва

РГИА

Российский государственный исторический архив, Москва

РНБ

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

РФФИ

Российский фонд фундаментальных исследований, Москва

СГГД

Собрание государственных грамот и договоров

СККДР

Словарь книжников и книжности Древней Руси

СПьДА

Санкт-Петербургская духовная академия

СПьГУ

Санкт-Петербургский государственный университет

СПМЗ

Сергиево-Посадский музей-заповедник

ТВР

Температурно-влажностный режим

ТГОМ

Тверской государственный объединенный музей

ТНИИР - Центр

Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр

ТОДРЛ

Труды Отдела древнерусской литературы

ЦГАМ

Центральный государственный архив города Москвы

ЦМиАР

Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, Москва

ЦНРПМ

Центральные научно-реставрационные проектные мастерские, Москва

ЦНЦ «Православная энциклопедия»

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», Москва

ЯГИАХМЗ

Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

ВЕСТНИК СЕКТОРА ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА

Журнал по истории
древнерусского искусства

Индекс подписки
по Объединенному каталогу
«Пресса России»
2020 33355

Государственный институт искусствознания
125009, г. Москва, Козицкий переулок, д. 5
тел.: +7 (495) 694-0371
sias.ru

Подписано в печать. 05.06.2022. Формат 70x100/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Гарнитуры PT Astra Sans, Journal. Усл. печ. л. 13,5

Отпечатано в типографии «Буки Веди»
127018 Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58, стр. 2
Заказ №

16+

ISSN 2658-543X

9 772658 543000